

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

№ 3 (15) 2020

В НОМЕРЕ:

Социология

- 22.00.04 — Социальная структура, социальные институты и процессы
- 22.00.08 — Социология управления

Психология

- 19.00.03 — Психология труда, инженерная психология, эргономика

Педагогика

- 13.00.08 — Теория и методика профессионального образования

Научный журнал "Социально-гуманитарные технологии"

Зарегистрирован ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации :

ЭЛ № ФС77-64254 от 25 декабря 2015 г.

Учредитель Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия (141074, Московская обл., г. Королев, ул. Гагарина, д.42) / 16+

Над выпуском работали

Паршина Ю.С.

Макаревич Е.В.

Адрес редакции:

141070, Королев,

Ул. Октябрьская, 10а

Тел. (495)543-34-31

e-mail: sgtjournal@mail.ru

www.sgtjournal.ru

23.09.2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

В.И. АНТОНЕНКО

ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....3

В.С. КАМИНСКИЙ

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАСТИ (В КОНТЕКСТЕ ВЫБОРОВ 2019 ГОДА).....10

К.В. ЛАПШИНОВА

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.....19

22.00.08 Социология управления

М.В.КИБАКИН, Г.Г.КОРАБЛЕВ

СИТУАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ.....28

С.В.КИБАКИН, М.М.КРЮКОВА

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДОВЕРИЕМ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛИЦ С ОСОБЫМИ ПО-ТРЕБНОСТЯМИ.....36

М.П. КЮРЕГЯН

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ.....43

ПСИХОЛОГИЯ

19.00.03 Психология труда, инженерная психология, эргономика

Н.Г. ЖАРКИХ, С.С. КОСТЫРЯ

ИМИТАЦИОННЫЕ ИГРЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПСИХОЛОГОВ.....50

Н.Л. ЗАХАРОВА, А.П. ШЛЫКОВА

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ РАБОТНИКОВ КАДРОВЫХ СЛУЖБ.....57

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кирилина Татьяна Юрьевна,
доктор соц.н., профессор, заведующий
кафедрой гуманитарных и социальных
дисциплин «МГОТУ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Барков Сергей Александрович, д.соц.н.,
профессор

Уэйзм Нина Ивановна, к.псих.н.доцент

Бузмакова Тамара Ивановна, к.пед.н.,
доцент

Гайдабрус Наталья Викторовна, к.фс.н.

Долгорукова Ирина Владимировна,
д.соц.н., доцент

Казаков Юрий Николаевич, д. мед. н.,
профессор

Капранова Марина Валерьевна, к.псих.н.

Ковалев Вячеслав Григорьевич, к.пед.н.

Красикова Тамара Ивановна, к. филол. н.,
профессор

Лапшинова Кира Викторовна, к.соц.н.,
доцент

Ларионов Алексей Эдиславович, к.и.н.,
доцент

Магомедов Керем Османович, д.соц.н.,
профессор

Морозюк Светлана Николаевна, д.псих.н.,
доцент

Морозюк Юрий Витальевич, д.псих.н.,
профессор

Романов Петр Сергеевич, д. пед.н., доцент

Старцева Татьяна Евгеньевна, д.пед.н.,
профессор

Флоря Василий Михайлович, д.соц.н.,
профессор

М.В. КАПРАНОВА, А.А. БЕЛЯКОВА
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА АНДЕРРАЙТЕРОВ
СТРАХОВЫХ КОМПАНИЙ.....64

Е.О. СМОЛЕВА
ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТРЕССА:
АНАЛИЗ МЕТОДИК И ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЙ.....71

Л.А. ШИЛКИН
ОЦЕНКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВАЖНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
ОПЕРАТОРА CALL-ЦЕНТРА.....80

ПЕДАГОГИКА

13.00.08 Теория и методика профессионального образования

И.Д. АФОНИН, Т.Ю. КИРИЛИНА
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ФАКТОР
ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В
ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ.....88

Т.И. КРАСИКОВА
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЦИФРОВЫЕ АСПЕКТЫ
ПРОЕКТИРОВАНИЯ КУРСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ
СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ.....95

А.Э. ЛАРИОНОВ, А.В. НОВИЧКОВ
РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ТЕРРИТОРИЯ
УПРАВЛЯЕМОЙ КАТАСТРОФЫ: КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ И
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.....102

УДК 316.4

ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В.И. Антоненко, кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия

Вторая мировая, Великая Отечественная войны и развязанная в последние годы информационная война против нашей страны рассматриваются в данной статье с позиций возможностей методологии философии войны и социологии войны. Философия войны позволяет отражать трагические события XX века в самом широком смысле, т.е. как систему взглядов на войну в целом, место и роль человека в ней. При этом за пределами остается обширный конкретный материал, факты войны. Но поскольку именно они подвергаются наибольшей фальсификации, постольку социология войны с ее качественными и количественными методами занимает приоритетное место в содержании данной работы.

Философия войны, социология войны, Великая Отечественная война, фальсификация истории.

PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND ITS FALSIFICATION IN MODERN CONDITIONS

V. I. Antonenko, PhD, associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines,
State budgetary educational institution
of higher education of the Moscow region
«Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov», Korolev, Russia

The second world war, The Great Patriotic war and the information war unleashed in recent years against our country are considered in this article from the perspective of the possibilities of the methodology of the philosophy of war and the sociology of war. The philosophy of war allows us to reflect the tragic events of the twentieth century in the broadest sense, i.e. as a system of views on war as a whole, the place and role of man in it. At the same time, extensive concrete material and facts of the war remain outside the borders. But since they are the ones that are most falsified, the sociology of war with its qualitative and quantitative methods takes priority in the content of this work.

Philosophy of war, sociology of war, Great Patriotic war, falsification of history.

Исходя, из заявленной в статье темы Великая Отечественная война рассматривается, с одной стороны, с позиции философии войны, а с другой – социологии войны. Оба эти направления достаточно хорошо разработаны в нашей отечественной литературе. Одной из первых работ по философии войны является книга генерала Снесарева А.Е., в которой философия войны определяется как научно переработанное военное мирозерцание, отражающее сущность и смысл войны и высшие вопросы, с ней связанные [9, с. 9].

Сущность и смысл войны раскрыл в знаменитом трактате «О войне» выдающийся немецкий военный теоретик К.Клаузевиц. Он рассматривал войну как продолжение политики иными, а именно насильственными средствами [6]. Именно так понимается война до сих пор [10]. В философии войны сложилась методология военно-научного исследования [2]. Она позволяет рассматривать войну как с социально-политической, отражающей сущность войны, ее политические цели, характер противоречий и угроз, вызвавших войну, возможных противников, отношение к войне народа и армии и т.п., так и с военно-технической стороны, раскрывающей масштаб и размах войны, применяемое оружие, стратегические цели и задачи, формы и способы военных действий, особенности вооруженной борьбы, ее продолжительность и последствия.

Методология анализа войны как общественно-политического явления реализуется через формационный, цивилизационно-технологический и социокультурный анализ, каждый из которых позволяет осуществлять классификацию и характеристику войн по своему основанию. Так, с точки зрения формационного подхода выделяется социально-классовый аспект и связанные с ним характеристики Великой Отечественной войны как войны справедливой, ведущейся между противоположными общественными системами с применением обычного оружия. Мировой по своему масштабу. Анализ событий второй мировой и Великой Отечественной войн, исходя из основных социально-классовых противоречий, позволяет многое понять из состояния международной обстановки накануне и в ходе войны, позиций основных сторон Франции, Англии, Польши, США и т.д. Однако, за пределами данного подхода находится обширная область жизни государств, участвующих в тех событиях.

В частности, большое значение в ходе и исходе войны имело наличие оружия и военной техники, их умелое применение на поле боя. Поэтому применение цивилизационно-технологического подхода позволяет дать ответ на вопрос: почему Германия в начале войны имела превосходство в техническом отношении, какую роль сыграли США и Запад в оснащении вермахта? При всей важности этого подхода события второй мировой и Великой Отечественной войн не будут адекватно раскрыты без социокультурного анализа, который дает возможность рассматривать войну в контексте различных элементов культуры, в том числе и духовной жизни. Исходным термином ее исследования является понятие духовность [5, С.68-80]. Русские философы Н.Федоров, В.Соловьев, Н.Бердяев и другие рассматривали с позиций истины, добра и красоты. Будучи ядром нравственности, она определяет смысл жизни, согласие с Богом и гармонию с миром.

Методология анализа войны как общественно-политического явления лежит в основе оценки военно-политической обстановки. С ее помощью осуществляется формирование военной политики и военной доктрины, обоснование направления развития Вооруженных Сил, выяснение соотношения сил на театрах военных действий и стратегических направлениях; определение характера возможной войны, способов ее ведения, поиск эффективных средств повышения боевой готовности Вооруженных Сил.

Важность правильной оценки военно-политической обстановки доказывает вся история Великой Отечественной войны. Советское руководство накануне войны, в основном, дало верную ее оценку и на этой основе сумело выработать правильную политику в области подготовки страны к отражению агрессии и достижению победы. Вместе с тем были допущены и серьезные просчеты в определении сроков начала агрессии, которые негативно сказались на начальном периоде войны.

Гитлеровская стратегия «молниеносной войны» предполагала внезапное сосредоточение сил на главных направлениях и это привело к тому, что Красная Армия вынуждена была отступать вглубь страны. Но в конечном итоге грубые политические и военные просчеты в оценке оборонного потенциала Советского Союза со стороны вермахта привели к краху стратегии молниеносной войны, а потом и к окончательному разгрому фашизма.

После победы в Великой Отечественной войне прошло 75 лет. Однако, значение правильной оценки военно-политической обстановки не потеряло своей актуальности. Необходимо учи-

тывать трагедию, связанную с тем, что руководство КПСС, возглавляемое М.С.Горбачевым, не смогло учесть глобальных противоречий и опасности, вытекающих из развязанной США и Западом холодной войны. В итоге Советского Союза, победившего в Великой Отечественной войне, не стало.

В настоящее время возросла активность Запада по ослаблению России, стремлению вытеснить ее на периферию цивилизационного развития. Большое значение при этом отводится фальсификации истории нашей страны, искажению событий второй мировой войны, лишению нашего народа права называться победителем в Великой Отечественной войне. Исключительное значение Великой Отечественной войны в жизни народов нашей страны привело к тому, что она стала предметом изучения многих научных дисциплин. История, политология, культурология, психология и т.п. рассматривают ее с точки зрения своей методологии и категориального аппарата.

Социология в этом отношении не составляет исключения. Она обладает большими возможностями как в описании и объяснении Великой Отечественной войны, так и в разоблачении ее фальсификаций. Творческий потенциал социологии усиливается в результате взаимодействия с философией, которая строит наиболее обобщенные теории войны, вооруженной борьбы, победы, поражения и т.п., которые играют методологическую роль и взаимодействуют с макросоциологическими теориями. В процессе взаимодействия на общеполитическом уровне решаются теоретико-познавательные проблемы. На уровне социальной философии война рассматривается с самых абстрактных теорий таких как циклическое развитие, прогресс, регресс, модернизация, глобализация, социальная революция, эволюция, мировоззрение и пр.

Будучи одной из ведущих дисциплин социально-гуманитарного знания социология большое значение придает исследованию войны. Н.Н.Головин считал, что наукой о войне может быть только «социология войны». Ее задачей является изучение войны как явления социальной жизни, с точки зрения существования, сосуществования, сходства, последовательности и т.п. [1, С.1-13]. Основы творческого потенциала в социологии заложены еще ее основателем О.Конттом, который стремился к тому, чтобы она, базируясь на фактах, могла разрешать конфликты и предотвращать такие события, как Великая французская революция.

Сегодня, в условиях усиливающейся международной напряженности, постоянно возникающих военных конфликтов и цветных революций, существует необходимость предотвращения угроз и опасности для нашей страны. Социология войны может внести свой вклад в этот процесс, отстаивая историческую правду о второй мировой войне и роли нашей страны в разгроме фашизма.

Неслучайно поэтому возникла достаточно обширная литература, посвященная социологии войны. Среди множества источников следует выделить «Социологию войны» В.В.Серебрянникова [8]. В его книгах война представлена как объект военной социологии, рассматривается ее роль и место в системе социально-политических отношений динамично изменяющегося общества. Несмотря на то, что проблемы войны рассматриваются преимущественно с позиций эволюции войн XXI века, работа позволяет лучше понять внутреннюю сторону Великой Отечественной войны, проявляющуюся в действиях, поведении, морально-психологических состояниях солдат в ходе вооруженной борьбы.

Освещая события прошлой мировой войны в превратном смысле наши недруги стремятся таким образом расшатать духовно-нравственные основы нашего народа и ослабить мощь его вооруженных сил. С этой целью в странах Америки, Азии и Европы создана огромная литература по истории второй мировой войны, в которой содержится тенденциозная трактовка событий и фактов войны. В советской литературе преднамеренное извращение Великой Отечественной войны решительно пресекалось. Но после распада СССР некоторые ориентированные на Запад либералы активно включились в информационную войну против своей же страны. Совместно с западными идеологами фальсификация истории Великой Отечественной войны осуществляется ими по следующим основным направлениям.

Во-первых, навязывается миф о равной ответственности СССР и Германии за развязывание второй мировой войны. Аргументами, обосновывающими этот миф, являются схожесть идеологий национал-социализма и социализма, подобие внутригосударственных процессов в СССР и Германии накануне войны, жизнь и деятельность вождей Сталина и Гитлера и т.д.

Во-вторых, псевдоисторики пытаются извратить характер Великой Отечественной войны, обосновывают мысль о том, что в ней не было ничего народного, освободительного и отечественного. В качестве доказательства ставят под сомнение советский патриотизм. О какой преданности отечеству можно говорить, утверждают они, когда были те, кто старался избежать фронта, сдавался в плен, а то и вел борьбу против советской власти.

В-третьих, отрицается решающая роль Советского Союза в победе над фашизмом, насаждаются мифы о слабости нашего военного искусства, о бездарности полководцев, преувеличивается значение поставок по лендлизу.

После победы нашего народа произошло множество различных событий. Большинство из них связано с победами в мирное время. За кратчайший срок было восстановлено народное хозяйство, создано ракетно-ядерное оружие, началось освоение космоса, сложилось содружество государств, некоторые из которых были на стороне Гитлера. Однако, были и те, которые в годы второй мировой войны были нашими союзниками, а после победы стали вынашивать планы по уничтожению СССР. Поскольку в прямом военном столкновении достичь этой цели было невозможно, США и агрессивный блок НАТО развязали холодную войну. В конечном итоге США и их союзникам совместно с нашими незрелыми либералами удалось развалить Советский союз. После распада СССР международная обстановка радикально изменилась.

Отсутствием на международной арене страны, внесшей наибольший вклад в сокрушение коричневой чумы, воспользовались некоторые представители либеральной интеллигенции. Они пытаются принизить значение нашей победы, вызвать у народа, особенно у молодежи, сомнения ее значимости. Однако, социологический опрос, проведенный в Российской Академии наук в 2017 году, показал, что 76% россиян считают, что благодаря Победе наша страна сохранилась, а населяющие ее народы получили возможность жить и развиваться с уверенностью в завтрашнем дне.

Но несомненные успехи России не давали покоя нашим западным партнерам, которые целенаправленно стали осуществлять экономические санкции, политическое, информационное, психологическое и военное давление. Против нас стала вестись изоциренная информационная война. Большая роль в ней отводилась фальсификации истории России, лишению ее статуса победителя, разрушению представления о ее решающей роли в разгроме фашизма.

Попытки русофобов всех мастей нанести наибольший моральный ущерб авторитету России в сфере Великой Победы над нацизмом в преддверии ее 75-летия не увенчались успехом. Масштабное социологическое исследование, проведенное Музеем Победы на Поклонной горе накануне праздничного юбилея, подтвердило, что 86% наших сограждан отводят Победе одно из первых мест в своем сознании. Но это не повод для расслабления, так как информационный натиск, направленный на изменение сознания людей, нарастает. Причем растет не только количество публикаций, литература по истории второй мировой войны становится все более изоциренной.

Увеличивается также число субъектов информационной войны за счет этнополитических элит таких бывших союзных республик, как Эстония, Литва, Латвия, Украина, Грузия, а также ряда стран, входивших в Варшавский Договор. Здесь, прежде всего, следует назвать Польшу, за освобождение которой Красная Армия отдала 600212 человек. Всего же при освобождении государств Европы безвозвратные потери нашей армии составили более 1 млн жизней. В благодарность за это некоторые находящиеся у власти политики принимают решения по сносу памятников воинам-освободителям, поощряют карикатурное их изображение марадерами, насильниками, пьяницами. В то же время гитлеровцы представлены как гуманные рыцари.

Чем продиктована подобная логика поведения? Не тем ли, что в 1941 году Советский Союз кроме нападения вермахта, подвергся агрессии армий многих европейских стран. На стороне Гер-

мании воевали около 500000 солдат Венгрии, 450 тыс. Финляндии, по 200 тыс. Италии и Румынии, 90 тыс. Словакии, 15 тыс. Хорватии. Из Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Литвы, Латвии, Эстонии, Франции, Швейцарии, Сербии, Люксембурга против Советского Союза воевало порядка 2 млн добровольцев. К осени 1941 года 70 дивизий (треть сил вторжения) составляли войска добровольцев и союзников Германии.

Сегодня, как и накануне Великой Отечественной войны, многие из вышеназванных стран, особенно те, кто входит в агрессивный блок НАТО враждебно настроены против нашей страны. Их лидером выступают США. Если во второй мировой войне они вместе с Англией были нашими союзниками, то сейчас именно они определяют агрессивную политику Запада.

Складывается ситуация близкая к той, которая была накануне Великой Отечественной войны. Вплотную к нашим границам размещаются войска НАТО, постоянно проводятся учения, в ходе которых открыто, демонстрируются наступательные действия, направленные на Восток. Территория Прибалтики, Польши, Украины становятся плацдармом для ведения военных операций.

Военная социология позволяет не только адекватно воспроизводить события второй мировой и Великой Отечественной войн, но и разоблачать их искажения. Более того, она позволяет глубже осознавать характер современной войны как социального явления, лучше понять место военной силы в спектре инструментов государственных политиков западных стран в Афганистане, Югославии, Сирии, Ливане. Особенно актуальной является тема новых сфер военного противостояния: космос, киберпространство, информационная сфера, а также роль новых средств вооруженной борьбы [7]. Особую опасность вызывают действия по осуществлению цветных революций. В настоящее время очередь дошла до нашего ближайшего соседа Белоруссии.

Четко просматривается стремление создать очаги напряженности по всему периметру нашей границы. В последние годы на постсоветском пространстве периодически возникают военные конфликты. В настоящее время возник военный конфликт между Азербайджаном и Арменией, который на глазах перерастает в полномасштабную войну с участием Турции и других государств. Задачей является отторжение и очернение того, что исторически культурно и духовно связывало народы бывшего СССР, выстоявших и победивших в Великой Отечественной войне.

Необходимо учитывать, что современные фальсификаторы истории добились в этом направлении немалых успехов. В частности, им удалось внедрить в сознание некоторых людей в Украине, странах Прибалтики, Грузии вражду и ненависть к русскому народу. Сейчас стремятся отколоть от России Белоруссию. Неслучайно поэтому интенсивная работа ведется по искажению понятия «дружба народов». Идеологи информационной войны пытаются навязать представления, в соответствии с которым вражда и ненависть между народами нашей страны была и в годы Отечественной войны.

Однако, факты свидетельствуют о том, что в защите нашего Отечества участие принимали все народы Советского Союза. На фронте плечом к плечу воевали русские, украинцы, белорусы, молдаване, грузины, казахи и т.д. История Великой Отечественной войны представляет собой величественную летопись братства и сплоченности всех национальностей Советского Союза. Использование этого бесценного опыта является важным средством социологии войны в борьбе с деформацией логики Великой Отечественной войны. Таким средством в последние годы стало и прохождение в День Победы многомиллионного Бессмертного полка по городам нашей страны и населенным пунктам многих иностранных государств. Это мероприятие сегодня духовно объединяет людей так, как спланивала бойцов в прошлой войне любовь к совместной Родине.

Именно сплоченность стала одним из факторов, принесших нам Победу. Смысл сплоченности заключается в том, что люди ощущают себя объединенными с обществом и в достаточно высокой степени преданы доминирующему набору социальных целей и общепринятых ценностей. Достигается это целенаправленной социализацией, воспитанием и образованием. О том, что в Советском Союзе посредством идеологической работы был достигнут высокий уровень сплоченности, говорил А.Зиновьев в своей статье «Моя эпоха». По его убеждению, войну вел и одержал По-

беду советский образованный и воспитанный народ. «В годы войны и в послевоенные годы, - отмечал он, – этот исторический факт был бесспорным даже для самых заклятых антикоммунистов и антисоветчиков» [4].

В отличие от А.А.Зиновьева, бывшего в роли диссидента, высланного за свои убеждения из СССР, некоторые современные всем недовольные «борцы за справедливость» имеют другое мнение. Они его реализуют в мероприятиях, подобных выступлению на Болотной площади с 2011 по 2019 года. Одним из звеньев антироссийской деятельности является организованное ими отравление А.А.Навального в этом году. Ощущается некоторое оскудение мышления наших идеологических оппонентов, неспособность понять духовно-нравственные возможности русских людей. А ведь это то, что делает наш народ непобедимым. Выступая на Нюрнбергском процессе один из соратников Гитлера Г.Геринг признал, что, готовясь к войне с Советским Союзом, фашисты учли все: количество самолетов, танков, орудий и т.д. Они хорошо изучили состояние нашей страны, о чем свидетельствует «Зеленая папка» Геринга, использованная при составлении плана нападения на СССР. Немцы знали даже какая техника используется русскими в сельском хозяйстве. «Мы не учли одного, – признался Г.Геринг, – морального духа русских, советских русских». И это даже он считал главной причиной поражения гитлеровской Германии.

Непосредственно в сражениях на поле боя моральное превосходство проявлялось в героизме и самопожертвовании наших бойцов. Это вынуждены были признать даже некоторые немецкие генералы, воевавшие на восточном фронте. В частности, командующий группой армии «Север» генерал-полковник Г.Фриснер в книге «Проигранные сражения» пишет: «Советский солдат сражался за свои политические идеи сознательно и, надо сказать, даже фанатично. Это было коренным отличием всей Красной Армии и особенно относилось к молодым солдатам... Самопожертвование советских солдат в бою не знало пределов» [11].

Особенно веским аргументом в оценке роли моральных качеств наших солдат в достижении победы над врагом являются высказывания маршала Советского Союза Г.К.Жукова в его мемуарах «Воспоминания и размышления» [3].

Сегодня обстановка в мире чревата высоким уровнем напряженности. Нельзя исключать, что против нас не будет совершена агрессия со стороны стран, где уже в духе гитлерюгенд по столицам открыто, маршируют молодые люди. Это значит, что их образное мышление и интеллект уже давно формируется под воздействием социально-культурных значений и символом фашизма. Наряду с такого рода социализацией одновременно происходит десоциализация – утрата знаний, норм и ценностей, сформированных в годы совместного существования наших народов в СССР и, соответственно, в Варшавском Договоре. Разрушение сложившегося в недалеком прошлом образа жизни ведет к вымыванию позитивного социального опыта, а при неблагоприятных общественных трансформациях к откату от социального и приближение к биологическому. Такого рода существа пополняют ряды террористических организаций, творят над людьми чудовищные зверства.

Проведенный в статье философско-социологический анализ Второй мировой войны, Великой Отечественной войны и ее фальсификации позволяет сделать ряд обобщений.

Во-первых, попытки фальсификаторов истории представить советский союз в качестве виновника развязывания второй мировой войны беспочвенны. Причины, как первой, так и второй мировых войн коренятся в США. Чтобы превратиться в планетарный эмиссионный центр и средоточие богатств, накопленных человечеством, финансовая элита США устроила сначала Первую, а затем и Вторую мировую войну. Кроме этого на протяжении всего XX века США совместно с западными странами постоянно участвовали в военных конфликтах, организовывали революции, в ходе которых свергали законные правительства. Это продолжается и в нынешнем XXI веке.

Во-вторых, острое коммуникационной, информационной войны, развязанной Западом, направлено против России. Вызовы и угрозы со стороны США и их союзников по блоку НАТО утратили здравый смысл и всякую логику. Их цель заключается в развале России, уничтожении ее как независимого самодостаточного государства. Для достижения этой цели все средства хороши:

парализация экономики, снижение уровня народа, дискредитация власти, развал страны изнутри. В этот непростой период нашей истории в России, как и перед Великой Отечественной войной и в годы войны, происходит процесс объединения людей, сплачивание народа для того, чтобы избежать крупной войны, в которую нас стремятся втянуть западные партнеры.

В-третьих, празднование 75-летия Великой Победы важно не только для объединения нашего многонационального народа, сплачивания людей перед новыми угрозами и вызовами, но и для того, чтобы извлечь уроки из трагических событий начального периода войны. Несомненно, морально-нравственные качества следует и дальше развивать кропотливой воспитательной работой и образованием нашей молодежи, но в случае военной угрозы в руках наших воинов должна быть лучшая военная техника и оружие. Разгром террористических группировок в Сирии нашими Воздушно-Космическими силами показал, что мы обладаем некоторыми средствами вооруженной борьбы, не имеющими аналогов в мире. Думается, что это может остудить воинственный пыл представителей Пентагона и генералов НАТО.

В-четвертых, социология войны способна своими качественными и количественными методами раскрыть сложнейшие динамичные события Второй мировой и Великой Отечественной войн и обеспечить их адекватное понимание и интерпретацию. В связи с тем, что материалы, связанные с рассматриваемыми в статье войнами, изобилуют большим количеством цифр, отражающих соотношение личного состава Красной Армии и вермахта, боевых потерь, а также танков, самолетов, артиллерии и т.д. особое значение имеет статистические и математические методы.

Литература

1. Головин Н.Н. О социологическом изучении войны // Издание Русского военно-научного института в Белграде // Осведомитель. 1937. № 4 С.1-13.
2. Горячев А.И., Петрий П.В. Методология военно-научного исследования: Учебное пособие для магистров // М.: ВУ. 2017. 227 с.
3. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. // М.: Олма-Пресс. 2002.
4. Зиновьев А.А. Моя эпоха: О Великой Отечественной войне 1941-1945 годов // Журнал «Свободная мысль – XXI». 2005. № 5
5. Кирилина Т.Ю., Антоненко В.И., Смирнов В.А. Методологический концепт социологии духовной жизни / Инновационные и приоритетные направления в преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе: Сб. трудов по материалам II Международной научно-практической конференции // Королев, МО: Из-во «Научный консультант». 2015. С.68-80.
6. Клаузевиц К. О войне // М.: Эксмо; СПб.: Мидгард. 2007. 861 с.
7. Кокошин А.А., Веселов В.А., Лис А.В., Фисенко И.С. Современные войны и военное искусство. Некоторые социологические и политологические аспекты // Военное дело. 2015.
8. Серебрянников В.В. Социология войны // М.: Научный мир. 1997. 397 с.
9. Серебрянников В. Социология войны. Гуманитарные и общественные науки. Социология // Из-во Ось-89. 1998.
10. Снесарев А.Е. Философия войны // М.: Ломоносовъ. 2013. С.9
11. Топология войны. Война как «трансформация». От Клаузевица до советской военной теории. Алексеева-Корневале О.А. // Ленанд. 2020.
12. Фриснер Г. Проигранные сражения // М.; Воениздат. 1966

УДК 316.4

**ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАСТИ
(В КОНТЕКСТЕ ВЫБОРОВ 2019 ГОДА)**

В.С. Каминский, младший научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Вологодский научный центр Российской академии наук (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Проведённое исследование показало, что, во-первых, уровень электоральной активности населения Вологодской области в целом приемлем. При этом главными побуждающими мотивами к участию в выборах остаются исполнение гражданского долга, а также привычка, традиция, а причины, связанные со значимостью личного участия в голосовании, распространены в меньшей степени. Во-вторых, в настоящее время лимит поддержки партии власти остаётся достаточно высоким (особенно в муниципальных районах), однако, партийные предпочтения по-прежнему размыты.

Электоральное поведение, электоральная активность, единый день голосования, общественное мнение.

**PUBLIC OPINION ON THE ACTIVITIES OF THE GOVERNMENT
(IN THE CONTEXT 2019 ELECTIONS)**

V.S.Kaminskiy, junior research assistant,
Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VolRC RAS)

The study showed that, firstly, the level of electoral activity of the Vologda oblast population is generally acceptable. The main motivating motives for participation in elections are the performance of civic duty, as well as habit, tradition, and the reasons associated with the importance of personal participation in the vote are less common. Secondly, the limit of support for the party in power remains quite high (especially in municipal district). At the same time, party preferences remain blurred.

Electoral behavior, electoral activity, single voting day, public opinion.

Электоральное поведение можно определить, как комплекс реакций, действий и бездействий граждан по поводу формирования органов политической власти [2,5]. Близким, но не тождественным понятием является «электоральная активность». Правомерно выделять две основные точки зрения на соотношение данных понятий. В политической науке сложилась традиция, согласно которой электоральная активность рассматривается отдельно от электорального поведения, под которым обычно подразумевается выбор избирателей при голосовании. В социологии электоральная активность рассматривается как часть электорального поведения, его первый этап. Вторым этапом является сделанный выбор. Социологический подход представляется нам более логичным. Поэтому, объектом исследования является как участие граждан в голосовании (фиксируемое через показатели избирательной явки), так и сделанный ими выбор (распределение голосов за партии / кандидатов).

Актуальность изучения электорального поведения обусловлена следующим. Во-первых, электоральное поведение остаётся наиболее распространённой формой политического участия [1]. Другие виды политической деятельности, такие, как членство в политических партиях; вовлечённость в различного рода протестные акции, подписание петиций, обращений в органы власти и др.

распространены в гораздо меньшей степени. Противоположное электоральному участию явление – электоральный абсентеизм, представляющий собой отказ избирателей от участия в голосовании. Абсентеизм является индикатором отчуждения социума от власти, маркером общественного недоверия к государству [4], а его распространённость ставит под сомнение легитимность выборов.

Во-вторых, свободные выборы – один из важнейших институтов демократического общества. Выборы по-прежнему остаются одним из наиболее доступных и эффективных механизмов влияния граждан на сложившуюся систему государственного управления, действенным каналом связи между обществом и государством, насущно необходимым демократическим институтом [17]. Рассматривая суждения граждан об институте выборов в целом, а также о конкретных избирательных кампаниях, можно судить об отношении к общественно-политической системы, и, в конечном счете, о степени её устойчивости. Иными словами, электоральное поведение – релевантный индикатор отношения граждан к власти.

Исходя из вышесказанного, цель исследования заключается в определении отношения жителей типичного российского региона (Вологодской области) к субфедеральной и муниципальной публичной власти в контексте выборов 2019 года. 8 сентября 2019 г. в единый день голосования в России прошёл ряд избирательных кампаний в региональные и муниципальные органы власти. В Вологодской области состоялись 22 избирательные кампании.

Основные источники исследования: статистические (данные Центральной избирательной комиссии РФ) и социологические (данные опросов общественного мнения жителей Вологодской области ВолНИЦ РАН).

Вначале кратко остановимся на теоретических аспектах изучаемого явления. Можно выделить 5 основных подходов к исследованию электорального поведения. В рамках социологического [10, 11, 12], социально-психологического подходов [6; 7], теории рационального выбора [8; 9] и коммуникативной модели выделяется какой-либо ключевой фактор, определяющий электоральную активность и поведение. Комплексный подход учитывает воздействие на электоральное поведение различных факторов [3]. Мы полагаем, что в настоящее время именно комплексный подход является оптимальным для исследователя.

Перейдём к анализу электоральной активности и результатов голосования в Вологодской области по итогам выборов 2019 года. Вологодская область по уровню электорального участия на выборах глав субъектов РФ оказалась на 10 месте среди 16-ти регионов, в которых прошли соответствующие кампании. Избирательная явка незначительно ниже среднего значения (40,5 против 44,6%).

По сравнению с предыдущими губернаторскими выборами в регионе наблюдается благоприятная динамика избирательной явки (рост на 10,8 п.п., с 29,7 до 40,5%; табл. 1). Увеличение явки зарегистрировано на всех территориях, однако оно сильно дифференцировано (от 27 п.п. в Бабаевском районе до 2,1–2,2 п.п. в Вологде и Череповце).

Таблица 1 – Результаты голосования на выборах губернатора Вологодской области по муниципальным районам (в %)

Район	Процент проголосовавших за О. Кувшинникова («Единая Россия»)			Процент проголосовавших за кандидата от ЛДПР			Избирательная явка		
	2014	2019	2019 к 2014 (+ -)	2014	2019	2019 к 2014 (+ -)	2014	2019	2019 к 2014 (+ -)
Усть-Кубинский	60,9	68,5	+7,6	13,4	19,3	+5,9	50,5	64,4	+13,9
Сямженский	68,4	73,7	+5,3	11	16,4	+5,4	41,9	59	+17,1
Нюксенский	64,4	66,1	+1,7	10,8	22,3	+11,5	51,6	58,9	+7,3
Междуреченский	72,7	75,1	+2,4	10,5	14,5	+4	53,3	57,7	+4,4
Тотемский	62,8	70,4	+7,6	9,9	16,4	+6,5	37,2	56,8	+19,6
Устюженский	71,3	73,5	+2,2	5,5	14,4	+8,9	43,4	55,9	+12,5
Вожегодский	61	73,6	+12,6	12,4	16,1	+3,7	36,8	54,4	+17,6
Кирилловский	71,6	70,6	-1	6,4	16,5	+10,1	40,9	54,1	+13,2

Тарногский	71,3	71,5	+0,2	7,1	18,3	+11,2	50,6	53,8	+3,2
Шексинский	68,7	63,5	-5,2	9,2	22,5	+13,3	51,3	53,4	+2,1
Кичменгско-Городецкий	69,3	77,1	+7,8	8,2	13,9	+5,7	41,9	49,4	+7,5
Верховажский	61,3	67,2	+5,9	12	18,8	+6,8	45,8	48,6	+2,8
Вытегорский	73,4	73,8	+0,4	6,9	15,6	+8,7	31	48,4	+17,4
Чагодощенский	75,1	72,4	-2,7	5,2	16,2	+11	37,3	48,1	+10,8
Белозерский	71,1	71,5	+0,4	6,6	16,6	+10	39,4	47,7	+8,3
Сокольский	68,9	73,6	+4,7	8,7	14,8	+6,1	20,6	47,6	+27,0
Харовский	63,5	73,5	+10	13,3	14,9	+1,6	33,7	47,4	+13,7
Бабушкинский	44,6	65,6	+21	15,8	22,1	+6,3	43,4	46,4	+3,0
Никольский	68,9	64,9	-4	8,7	25,1	+16,4	45,2	45,9	+0,7
Бабаевский	64,8	68,3	+3,5	8,3	20,4	+12,1	38,9	45,8	+6,9
Вологодский	64,7	64,6	-0,1	10,4	23,2	+12,8	31,2	45,1	+13,9
Кадуйский	61,1	58,2	-2,9	3,6	28,5	+24,9	36,5	44,5	+8,0
Вашкинский	66,9	61,2	-5,7	7,8	27,2	+19,4	38,5	44,1	+5,6
Великоустюгский	53,2	61,5	+8,3	6,9	27,6	+20,7	34,6	44	+9,4
Грязовецкий	71,3	64,4	-6,9	9,4	19,6	+10,2	41,2	43,4	+2,2
Череповецкий	65,3	56,6	-8,7	9,4	31,8	+22,4	29,9	39,7	+9,8
Череповец	65,5	53,1	-12,4	9,4	32,2	+22,8	19,8	36,4	+16,6
Вологда	53,4	50,8	-2,6	15,2	30,3	+15,1	25	31	+6,0
Цифровые избирательные участки	-	32,2	-	-	43,7	-	-	47,3	-
Среднее по районам	66,0	68,5	+2,5	9,1	19,7	+10,6	40,3	50,2	+9,9
Среднее по области	62,9	60,8	-2,1	10,3	25,2	+14,9	29,7	40,5	+10,8

Источник: Данные ЦИК Вологодской области. Ранжировано по уровню избирательной явки в 2019 г.

Безусловно, повышение электоральной активности – позитивная тенденция. Однако есть несколько «но». Во-первых, выборы главы Вологодской области в 2014 г. проходили после долгого перерыва (11 лет), вследствие чего жители области попросту отвыкли от того, что они имеют право избирать губернатора, и часть из них не успела усвоить но-вые «правила игры». С этой точки зрения более показательными с точки зрения динамики будут следующие выборы, которые запланированы на 2024 год.

Во-вторых, главными побуждающими мотивами к участию в выборах остаются исполнение гражданского долга, а также привычка, традиция (соответствующие варианты ответа выбрала половина респондентов из тех, кто принимал участие в выборах (48–50%; рис. 1)), а причины, связанные со значимостью личного участия в голосовании, распространены в меньшей степени. Например, в среднем только один из пяти жителей области, пришедших на избирательные участки, основной причиной своего решения назвал стремление повлиять на результат выборов (20%); треть респондентов указала на желание поддержать своего кандидата (32%). Характерно, что более половины населения региона убеждены, что результаты выборов никак не повлияют на политическую, экономическую ситуацию, социальную сферу в регионе и городе (районе) их проживания (56–58%), и их личную жизнь (67%; рис. 2).

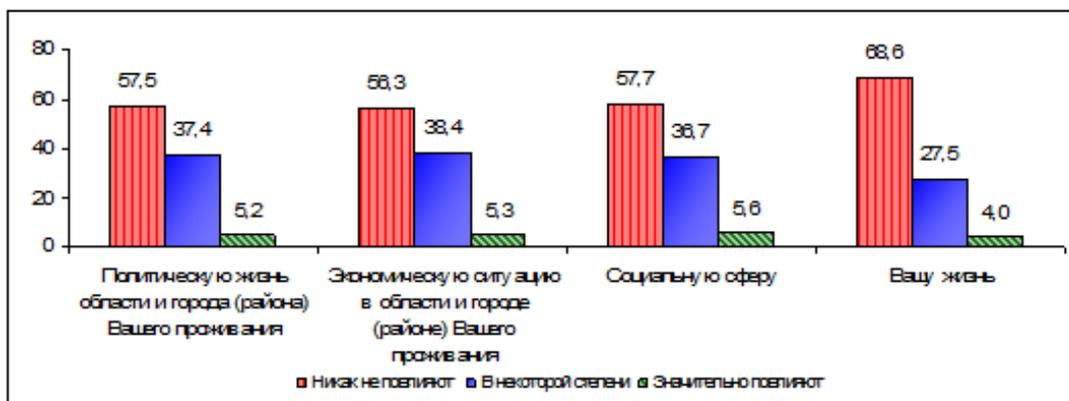

Рисунок 1 – Оценка влияния результатов выборов на различные сферы жизни общества и личную жизнь населения Вологодской области (в % от числа опрошенных)

Формулировка вопроса: «Как Вы считаете, результаты выборов могут повлиять на...» (в % от числа ответивших). Источник: данные опроса общественного мнения ВолНЦ РАН за октябрь 2019 г.

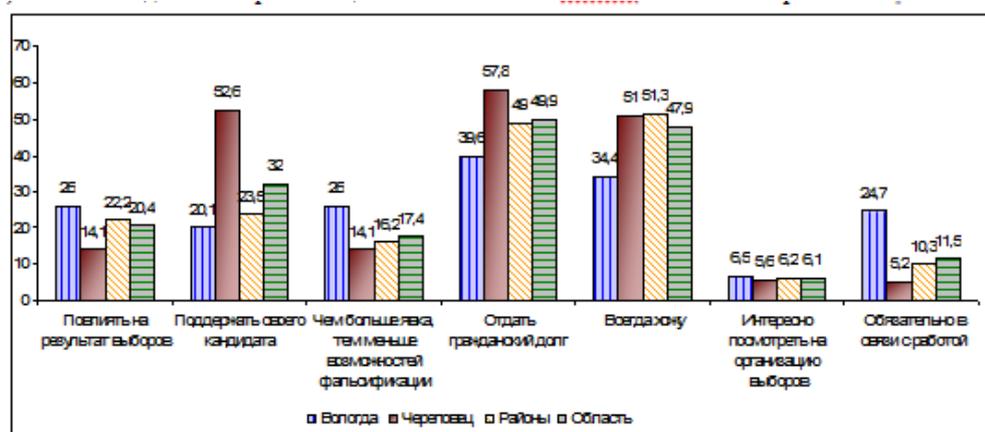

Рисунок 2 – Причины участия населения Вологодской области в выборах (в % от числа принявших участие в выборах)

Формулировка вопроса: «Почему Вы участвовали в выборах?». Источник: данные опроса общественного мнения ВолНЦ РАН за октябрь 2019 г.

Важно отметить, что электоральная активность в муниципальных районах выше, чем в крупных городах (в 2014 г. – 40,3 против 19,8–25%, в 2019 г. – 50,2 против 31–36,4%). Показательно, что в 2014 г. наименьшее значение явки среди всех территорий отмечено в Череповце (19,8%), в 2019 г. – в Вологде (31%). Правомерно предположить, что ситуация в муниципалитетах не настолько благоприятна, как это следует из официальных результатов голосования. Дело в том, что на территориях с меньшим количеством населения выше риски неформального принуждения к голосованию (поскольку, чем меньше людей, тем легче их контролировать). То есть возможна ситуация внешнего электорального участия при внутреннем отчуждении от выборов. Однако эту гипотезу опровергает следующее обстоятельство. В муниципальных районах такой мотив участия в голосовании, как «обязательно в связи с работой», распространён не больше, чем в крупных городах (10 против 15%; см. рис. 1) и является одним из самых непопулярных (наряду с причиной «интересно посмотреть на организацию выборов»). Зато в Вологде об обязательности электорального участия заявил каждый пятый (25%), что может быть связано с большей по сравнению с другими территориями численностью работников бюджетной сферы.

Первое место на губернаторских выборах занял баллотировавшийся от «Единой России» действующий глава региона О. Кувшинников. Он набрал несколько меньший процент голосов, чем на прошлых выборах (на 2,1 п.п., 60,8 против 62,9%; рис. 3–4). Заметен рост доли граждан, проголосовавших за кандидата от ЛДПР (на 15 п.п., с 10 до 25%), что, вероятно, во многом было связано с не допуском на выборы представителя КПРФ. Мы предполагаем, что значительная часть избирателей, которые бы поддержали кандидата от коммунистической партии, в сложившихся условиях отдали голоса О. Шириковой (ЛДПР). Подобного рода предположение позволяет сделать следующий факт: результат кандидата от ЛДПР в 2020 г. близок к совокупному результату представителей ЛДПР и КПРФ на предыдущих выборах (25,2 и 28,3% соответственно). Это обстоятельство говорит, во-первых, о размытости идеологических позиций людей, во-вторых, о протестном характере голосования. То есть значительная часть людей голосует не «за» оппозиционного кандидата, а «против» представителя «Единой России» (либо поддержанного федеральным центром).

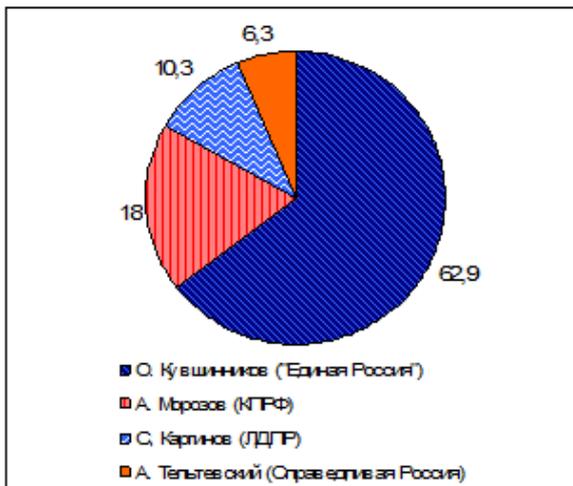

Рисунок 3 – Результаты выборов губернатора Вологодской области в 2014 г. (в %)

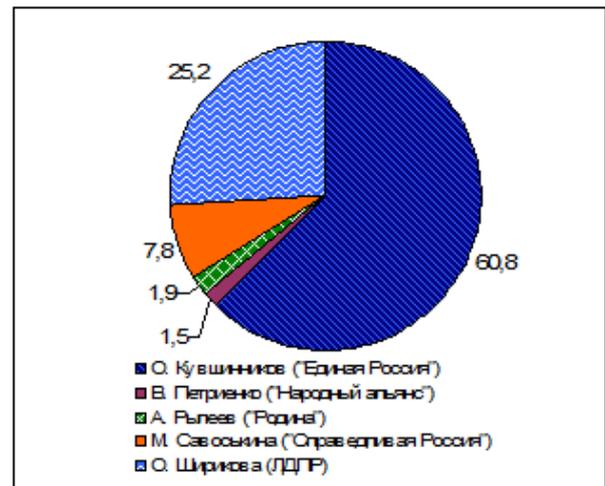

Рисунок 4 – Результаты выборов губернатора Вологодской области 2019 г. (в %)

Источник: Данные ЦИК Вологодской области

В крупных городах по сравнению с муниципальными районами заметно меньше процент проголосовавших за О. Кувшинникова (на 15,4–17,7 п.п., 50,8–53,1% против 68,5% в среднем по районам; см. табл. 1), и, напротив, существенно выше доля отдавших голоса представителю ЛДПР О. Шириковой (30,3–31,8% против 19,7%).

Также примечательно, что среди районов минимальные показатели поддержки действующего главы региона наблюдаются в прилегающем к городу металлургов Череповецком (56,6%; для сравнения, в наиболее поддерживающих главу области Кичменгско-Городецком и Междуреченском – 75,1–77,1%). При этом в 2014 г. ситуация была несколько иной: уровень поддержки О. Кувшинникова в Череповце был практически идентичен среднему показателю по районам (65–66%). В 2019 по сравнению с 2014 гг. в городе металлургов зафиксировано наибольшее снижение доли проголосовавших за Кувшинникова на всех 28-ти территориях (на 12,4 п.п.). Негативная динамика в Череповце может быть обусловлена более медленными темпами роста уровня жизни по сравнению с другими территориями. Так за период с 2014 по 2018 гг. в городе металлургов среднемесячная заработная плата работников увеличилась на 23,3 п.п. Меньший рост был зафиксирован только в Нюксенском районе (на 16,8 п.п.).

Что касается муниципальных выборов, то здесь можно обозначить следующие ключевые моменты:

□ Избирательная явка в муниципалитетах колеблется от 39 до 66%. На наш взгляд, это «нормальный» уровень явки, так как слишком низкие её значения говорят об отчуждении общест-

ва и государства, разочаровании людей во власти, а слишком высокие – о применении административного ресурса для стимулирования электоральной активности, неформальных практиках побуждения к участию в голосовании (например, контроль работодателями электорального поведения работников).

Более активно принимают участие в голосовании жители сельских поселений. Так, в среднем по муниципальным образованиям явка на выборы депутатов сельских поселений на 14,5% выше, чем на выборы депутатов городских поселений (58,6 против 43,5%; табл. 2–3). Явка на дополнительные выборы депутата Череповецкой городской Думы находится на отметке 39,7%, на дополнительные выборы депутата Законодательного собрания Вологодской области по Грязовецкому одномандатному избирательному округу – 48,6%.

□ Победу на муниципальных выборах одержали кандидаты от «Единой России». В среднем на выборах глав Советов сельских поселений кандидаты от партии власти набрали более трёх четвертей голосов (76,2%). При этом в данных избирательных кампаниях не участвовали кандидаты от КПРФ (за исключением Анхимовского сельского поселения Вытегорского района) и Справедливой России. Поэтому конкуренцию «Единой России» составили только представители ЛДПР и самовыдвиженцы, за которых проголосовало соответственно 11,4 и 6,8% жителей данных поселений.

В Вологодскую городскую Думу было избрано 27 депутатов от «Единой России», и лишь 3 – от ЛДПР. Участвовавшим в выборах представителям КПРФ, «Справедливой России», «Яблока», «Родины», «Российской партии пенсионеров за социальную справедливость» не досталось мест в думе. На дополнительных выборах депутата Череповецкой гордумы Е.С. Смирнова, выдвинутая «Единой Россией», получила 40,4%, набравший второе место представитель ЛДПР А.Е. Хмелев – на 15,9 п.п. меньше (24,5%).

Также кандидаты от «Единой России» получили большинство мест в советах сельских поселений (от 66,7 до 90%), советах городских поселений Грязовецкое (61,5%) и Ка-дуй (100%). ЛДПР не смогла пройти в Советы поселений.

Таблица 2 – Результаты выборов глав Советов сельских поселений, состоявшихся 8 сентября 2019 г., (в %*)

Территория / кандидат	кандидат от партии «Единая Россия»	кандидат от КПРФ	кандидат от ЛДПР	самовыдвижение	Явка
Анхимовское	53,6	38,4	5,7	-	58,3
Алешинское	76,4	-	12,9	9,2	56,4
Липовское	80,1	-	10,8	6,9	69,3
Чарозерское	81,4	-	6,9	7,9	55,6
Верховское	77,6	-	17,1	-	66,1
Никольское	77,5	-	17,8	-	55,3
Талицкое	86,5	-	8,6	3,1	49,2
Среднее значение	76,2	38,4	11,4	6,8	58,6

* процент голосов, отданных за данного кандидата

Источник: Рассчитано автором на основе данных ЦИК Вологодской области

Таблица 3 – Результаты выборов депутатов Советов сельских и городских поселений, состоявшихся 8 сентября 2019 г. (в %*)

Территория / кандидат	кандидат от партия «Единая Россия»	кандидат от КПРФ	кандидат от ЛДПР	кандидат от партии «Справедливая Россия»	самовыдвижение	Явка
Выборы депутатов Советов сельских поселений						
Алешинское	71,4	28,6	0	0	-	56,4
Липовское	66,7	33,3	0	-	-	69,3
Николоторжское	80	20	0	-	-	59,6
Чарозерское	71,4	28,6	0	-	-	55,6
Никольское	81,8	-	0	9,1	9,1	55,3
Чуровское	80	-	0	20	-	60,5
Талицкое	90	10	0	-	-	49,2
Среднее значение	77,3	24,1	0	9,7	9,1	58,0
Выборы депутатов Советов городских поселений						
Грязовецкое	61,5	38,5	-	-	-	39,9
Кадуй	100	0	0	0	-	42,8
Устюжна	50	-	0	50	-	48,7
Харовск	50	0	0	50	-	42,5
Среднее значение	65,4	12,8	0	33,3	-	43,5

* процент мест, полученных партией в Совете сельского (городского) поселения)

Источник: рассчитано автором на основе данных ЦИК Вологодской области

Полученные результаты соотносятся с общероссийскими тенденциями. Так, в Единый день голосования 2019 г. на выборах глав регионов более чем в половине случаев победили ставленники «Единой России» (в 10-ти из 16-ти).

В Единый день голосования в 2019 году состоялось 16 избирательных кампаний по выборам глав субъектов РФ. Более чем в половине регионов (в 10-ти) победу одержали ставленники «Единой России», получившие от 58,8% (в Республике Алтай) до 82,5% (в Республике Калмыкия). Остальные победители участвовали в выборах в качестве самовыдвиженцев, однако как минимум двое из них являются членами «Единой России» (избранный губернатор Астраханской области И. Бабушкин и Санкт-Петербурга А. Беглов).

Сохранение лидирующих позиций «Единой России» подтверждается и данными социологических опросов. Данная партия выражает интересы примерно трети населения области (в 2019 году – 34%; табл. 4) и более половины из тех, кто может указать какую-либо партию (62%). Отметим также, что уровень поддержки других партий в долгосрочной ретроспективе (2007–2019 гг.) остаётся стабильным и в значительной степени уступает популярности партии власти (КПРФ – 7–11%, ЛДПР – 6–11%, Справедливая Россия – 3–8%). Также важно отметить, что так называемая «несистемная оппозиция» не пользуется поддержкой общественности, о чём говорит следующее обстоятельство: доля респондентов, выбравших вариант «другая» при ответе на вопрос о том, какая партия выражает их интересы, меньше ошибки выборки (1–2%). Очевидно, что либерализация законодательства о политических партиях и последовавшее увеличение их количества не привели к трансформациям в общественном мнении. Новые партии не нашли свою социальную базу.

Результаты проведённого исследования показывают, что в настоящее время отсутствуют явные предпосылки к изменению структуры партийно-политических предпочтений. Лимит поддержки партии власти на местах не исчерпан, она имеет довольно устойчивую социальную базу и ресурсы, что важно для безболезненной трансформации политической системы в период электорального цикла 2021–2024 годов. Однако, по всей вероятности, люди голосуют за представителей

«Единой России» не только из-за того, что придерживаются идеологии этой партии или позитивно оценивают результаты её деятельности, но и в силу того, что не видят реальной альтернативы.

Таблица 4 – Партийные предпочтения жителей области (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2018	2019	Изменение (+ -) 2019 к	
				2018	2007
Единая Россия	30,2	37,9	34,1	-4	+4
Коммунистическая партия Российской Федерации	7,0	9,2	8,6	-1	+2
Либерально-демократическая партия России	7,5	9,6	9,2	0	+1
Справедливая Россия	7,8	2,9	3,1	0	-5
Другая	1,8	0,7	0,4	0	-2
<i>Указавшие какую-либо партию</i>	<i>54,3</i>	<i>60,3</i>	<i>55,3</i>	<i>-5</i>	<i>+1</i>
Никакая	17,8	28,5	33,3	+5	+15
Затрудняюсь ответить	21,2	11,2	11,4	0	-10

Вопрос звучит следующим образом: Какая партия выражает Ваши интересы?

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНИЦ РАН

Проведенное исследование даёт основание сделать следующие выводы.

Во-первых, электоральная активность населения Вологодской области в контексте избирательных кампаний, прошедших в 2019 году, остаётся на довольно высоком уровне. Избирательная явка на выборах главы субъекта примерно соответствует среднему значению по субъектам, в которых состоялись подобные избирательные кампании (40,5 против 44,6%). Явка на муниципальных выборах колеблется от 39 до 66%, что также является «нормой». Ведь слишком низкие её значения говорят об отчуждении общества и государства, разочаровании людей во власти, а слишком высокие – о применении неформальных методов побуждения к участию в голосовании. Тем не менее, ситуация не настолько благоприятна, как это следует из официальных результатов голосования. Согласно результатам социологических опросов, главными побуждающими мотивами к участию в выборах остаются исполнение гражданского долга, а также привычка, традиция, а причины, связанные со значимостью личного участия в голосовании, распространены в меньшей степени.

Во-вторых, в настоящее время лимит поддержки партии власти остаётся достаточно высоким (особенно в муниципальных районах), она имеет довольно устойчивую социальную базу и ресурсы, что важно для безболезненной трансформации политической системы в период электорального цикла 2021–2024 годов. В то же время партийные предпочтения остаются размытыми. Об этом свидетельствует характер протестного голосования на губернаторских выборах. Кроме того, значительная часть людей, отдаёт голоса за «Единую Россию» только потому, что не видят реальной альтернативы. Следовательно, потенциальное появление политической силы, которая бы составила реальную конкуренцию партии власти, способно привести к «перетеканию» в оппозиционный лагерь части «приверженцев» «Единой России». Поэтому, для того, чтобы грядущий процесс трансформации власти 2021–2024 гг. прошёл без значительных потрясений и неожиданностей, органы государственной власти, в том числе региональные, должны поставить во главу угла не точечное решение проблем с целью поддержания и (или) корректировки электоральных рейтингов, а реальное исполнение национальных проектов.

Литература

1. Каминский В.С. Итоги выборов Президента РФ 2018 г.: региональное измерение / В.С. Каминский // Эпоха науки. 2018. №16. С. 253 – 265.
2. Малашенко И.В. Изучение электорального поведения: сравнительный анализ зарубежных и отечественных теорий / И.В. Малашенко // Вестник Брянского государственного университета.

2014. №2. С. 89-94.
3. Мелешкина Е.Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения [Текст] // Политическая наука: зарубежная политология в XX столетии: сб. науч. трудов / ред. – сост. Ильин М.В. // М.: ИНИОН РАН. 2001.
 4. Ильин В.А., Шабунова А.А., Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А., Кожина Т.П., Дементьева И.Н., Ластовкина Д.А. Региональное гражданское общество: динамика развития: монография / Вологда: ИСЭРТ РАН. 2015. 170 с.
 5. Римский В.Л. Клиентеллизм как фактор электорального поведения российских граждан. – URL: <http://www.democracy.ru.library> (дата обращения: 28.09.2019).
 6. Campbell A. The American Voter [Text] / A. Campbell // New York. 1960. 576 p.
 7. Convers P. Political representation in France / P. Convers // Cambridge. 1986. 996 p.
 8. Downs A. An Economic Theory of Democracy / A. Downs // New York. 1997. 310 p.
 9. Fiorina M. Retrospective Voting in American National Elections / M. Fiorina // New Haven. 1981. 249 p.
 10. Lazarsfeld P. The People Choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign / P. Lazarsfeld, B. Berelson, H. Gaudet // New York: Columbia University Press. 1968. 178 p.
 11. Lipset S. Cleavage structures, party system, and voter alignments: An introduction. Party systems and voter Alignments / S. Lipset, M. Rokkan // New York: Free Press. 1967. pp. 1-64.

УДК 316

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

К.В. Лапшинова, кандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия

Исследование вопросов социального неравенства и социальной справедливости всегда было приоритетным в социологии. В данной статье рассмотрено мнение молодых людей о причинах социального неравенства, а также мерах, которые могли бы способствовать его уменьшению. Уделено внимание проблеме социальной справедливости. Рассмотрено, как участники опроса понимают термины «социальное неравенство» и «социальная справедливость». Эмпирической базой исследования является анкетирование, проведенное в июле 2020 года. Помимо анализа результатов анкетного опроса, в статье представлены данные статистических показателей экономического неравенства, таких как коэффициент Джини и децильный коэффициент фондов. Предпринятое нами исследование показало, что значительная часть опрошенных отмечает возрастание разрыва между богатыми и бедными в нашей стране, что ведет к росту неприязни между этими социальными стратами. Данная ситуация, по мнению респондентов, во многом связана с тем, что распределение благ в российском социуме осуществляется несправедливо.

Социальное неравенство, молодежь, социальное расслоение, социальная справедливость.

SOCIAL INEQUALITY AND SOCIAL JUSTICE ISSUES IN THE ASSESSMENTS OF YOUTH

K.V. Lapshinova, PhD {Sociology}, associate professor
of the Department of Humanitarian and Social Disciplines,
State budgetary educational institution
of higher education of the Moscow region
"Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov ", Korolev, Russia.

Issues of social inequality and social justice have always been leading in sociology. The article deals with the youth's attitudes towards reasons of social inequality and measures to help to reduce it. Attention is paid to the problem of social justice. Respondents' understanding of the terms "social inequality" and "social justice" have been considered. The empirical basis of the research is a questionnaire survey conducted in July 2020. In addition to the analysis of the results of the survey, data on statistical indicators of economic inequality such as the Gini index, and the decile ratio of funds are presented in the article. Our research has shown a significant part of respondents to note the growing gap between rich and poor in our country, which leads to an increase in antipathy between these social strata. Participants of the survey consider that the current situation is because the distribution of benefits in Russian society is carried out unfairly.

Social inequality, youth, social differentiation, social justice.

В настоящее время проблемы социального неравенства и социальной справедливости привлекают особое внимание социологов. Это связано, в-первую очередь, с тем, что, несмотря на успехи в сфере научно-технического прогресса, уровень неравенства в обществе постоянно возрастает. На фоне этого все чаще в общественно-политическом дискурсе поднимаются и вопросы социальной справедливости.

Социальное неравенство характеризует неравномерное распределение дефицитных ресурсов и значимых в обществе благ между различными стратами или слоями населения. В социологическом энциклопедическом словаре под редакцией академика Г.В. Осипова дается следующее определение: «социальное неравенство – это специфическая форма социальной дифференциации, при которой отдельные индивиды, социальные слои, классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии, обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей» [17, с. 202].

Формат и цель данной статьи не позволяют дать подробный анализ теоретических работ в рамках исследуемой темы. Поэтому ограничимся лишь указанием ряда значимых авторов. Несмотря на то, что часто анализ проблемы неравенства осуществлялся не столько в социологическом, сколько в философском ключе [4; 5], тем не менее, тема социального неравенства всегда была одной из ведущих в социологии. Здесь стоит упомянуть таких классиков как К. Маркс, М. Вебер, П.А. Сорокин, Т. Парсонс. [12] В современной отечественной социологии большое внимание исследованию структуры российского общества, особенно вопросам социальной дифференциации, социальной стратификации и неравенства, было уделено такими учеными как М.К. Горшков и Н. Е. Тихонова. [2; 18] Помимо этого, необходимо назвать фамилии Т.И. Заславской, А.Л. Андреева, В.А. Ядова, О. И. Шкаратана [1; 10; 21].

Анализ феномена социального неравенства неизбежно приводит к исследованию вопросов социальной справедливости. В самом общем виде, справедливость представляет собой «понятие о должном, соответствующее определенным представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах» [19, с. 622]. В научном дискурсе категория справедливости часто рассматривается как элемент морально-правового или социально-политического сознания. Содержание понятия справедливость включает в себя «требование соответствия между практической ролью различных индивидов (социальных групп) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием» [19, с. 622]. Среди исследователей социальной справедливости стоит назвать таких авторов как В.Е. Давидович, Т.Н Самсонова. [8; 15] Часто социальная справедливость рассматривалась учеными в рамках политико-правовой [3; 20] или экономической мысли [13; 16]. Также предпринимались попытки описать психологические аспекты справедливости [7].

С целью выявления отношения современной молодежи к проблеме социального неравенства и социальной справедливости был проведен социологический опрос в форме анкетирования (июль 2020 г.). Выборочная совокупность была представлена жителями Московской области в возрасте от 18 до 35 лет (N=251), из которых было 50,6% представителей мужского пола и 49,4% – женского.

Социологический инструментарий включал в себя ряд тематических блоков: отношение к социальному неравенству; особенности социального неравенства в России; отношение к представителям различных социальных слоев; личное ощущение неравенства; восприятие социальной справедливости; поведение в условиях социального неравенства.

Социальное неравенство часто базируется на неравенстве экономическом, которое в современной России является весьма распространенным явлением. Одним из статистических показателей такого неравенства является коэффициент Джини, который может варьироваться от 0 до 1, при этом, чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы. По состоянию на 2019 г. его значение в России было 0,411. Из данных таблицы 1 можно видеть, что за

период с 2013 по 2019 гг. коэффициент Джини снизился с 0,417 до 0,411, что свидетельствует о незначительном снижении неравенства доходов населения [14].

**Таблица 1 – Динамика величины коэффициента Джини в РФ
(с 2013 по 2019 гг.)**

2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
0,417	0,415	0,412	0,412	0,411	0,413	0,411

Еще одним статистическим показателем является децильный коэффициент фондов, который показывает отношение доли дохода, принадлежащей 10% наиболее обеспеченной части населения, к доле дохода, принадлежащей 10% наименее обеспеченного населения. Согласно данным Росстата, в 2019 году он составлял 15,6 (в разах) [9, с. 3].

В ходе нашего исследования участникам опроса был задан вопрос о том, каким должен быть максимально допустимый уровень различия в доходах между богатыми и бедными. Самый распространенный ответ – в 2-4 раза (28,3%). При этом большая часть респондентов (72,1%) отметила, что за последние несколько лет разрыв между богатыми и бедными в России увеличился.

Далее респондентам на выбор было предложено несколько утверждений, касающихся социального неравенства. Необходимо было выбрать из них те, которые были наиболее близки участникам опроса. В результате самыми популярными суждениями стали: «С социальным неравенством необходимо бороться, так как значительное социальное расслоение негативно сказывается на развитии экономики» (43,0%), «Социальное неравенство было, есть и будет всегда, так как люди не равны» (40,6%). Можно заметить, что, респонденты, в-первую очередь, выбрали достаточно нейтральные суждения. Реже выбирались такие ответы как «с социальным неравенством необходимо бороться, перераспределяя ресурсы в пользу незащищенных слоев населения» (35,9%) и «Социальное неравенство – это следствие несправедливого распределения ресурсов» (32,3%). Здесь уже речь идет о проблеме социальной справедливости в вопросах распределения ресурсов и помощи нуждающимся.

Что касается мер, которые могли бы способствовать уменьшению социального неравенства, то респондентами были названы следующие: «Искоренение коррупции» (62,6%), «Отмена подоходного налога для граждан, чей доход не достигает прожиточного минимума или превышает его на 15%» (47,6%), «Введение природной ренты, позволяющей всем гражданам страны получать проценты от доходов с добычи полезных ископаемых» (44,7%), «Повышение адресности социальных пособий и льгот для нуждающихся слоев населения» (42,3%). Стоит обратить внимание на то, что упор делается на административно-правовые возможности решения проблемы, а не на экономические. Более подробная информация представлена на рисунке 1.

Как видно из рисунка 1 первую строчку занимает такая мера как искоренение коррупции. Она же считается и главной причиной неравенства в России по мнению 72,4% респондентов (рисунок 2).

Помимо этого, были отмечены следующие факторы, способствующие распространению неравенства в социуме: низкий уровень заработной платы у значительной части населения страны (65,6%), неэффективная социально-экономическая политика государства (56,8%), неоправданно высокий уровень заработной платы у представителей власти и топ-менеджеров (50,4%), высокий уровень безработицы в стране (47,2%), небольшой размер пенсий (45,2%), нежелание людей много и ответственно работать (39,6%), ожидание населением социальной помощи от государства (34%) и др.

Рисунок 1 – Меры, способствующие уменьшению социального неравенства (%)

Рисунок 2 – Основные причины социального неравенства в России (%)

Более половины респондентов (69%) беспокоит проблема социального неравенства, уровень которого оказывает влияние на взаимоотношения граждан. Так, 88% респондентов полагают, что в российском социуме имеет место быть неприязнь между богатыми и бедными (сумма ответов «да» и «скорее да»). Так же более половины участников опроса (55%) считают, что существует неприязнь к конкретным социальным классам. В первую очередь к власти (чиновникам, политикам, депутатам) (11,6%); к богатым (олигархам, предпринимателям, бизнесменам) (10,1%); к бедным (9,5%). В то же время сами молодые люди в большинстве своем заявляют о том, что для них материальное положение не имеет значения, они могут общаться и дружить с людьми как более обеспеченными, так и менее обеспеченными.

Тема социального неравенства тесно переплетается с вопросами социальной справедливости. Нами была предпринята попытка понять, какое значение участники опроса вкладывают в определение этого понятия (рисунок 3). Так, большая часть респондентов придерживается мнения,

что это «равенство людей перед законом» (69,1%) и «возможность для каждого достичь того, на что он способен» (61,4%). Чуть менее половины опрошенных определили этот термин как «ситуацию, когда положение каждого члена общества определяется его трудовыми усилиями» (47,8%). Менее популярными были такие ответы как «гарантии для социально незащищенных слоев населения» (33,7%) и «равенство в уровне жизни» (32,9%).

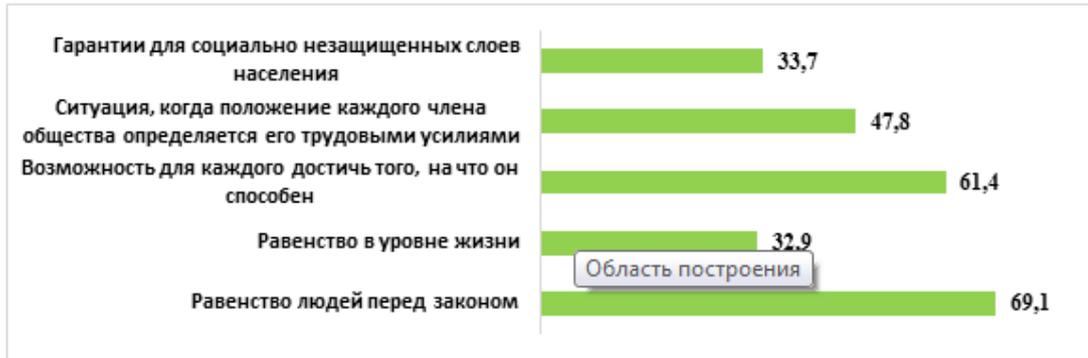

Рисунок 3 – Определение понятия «социальная справедливость» (%)

В целом только 17,2% респондентов считают, что блага в нашей стране распределяются справедливо. В то время как 40,6% молодых людей выбрали ответ «скорее несправедливо», а 34,3% – «абсолютно несправедливо» (рисунок 4).

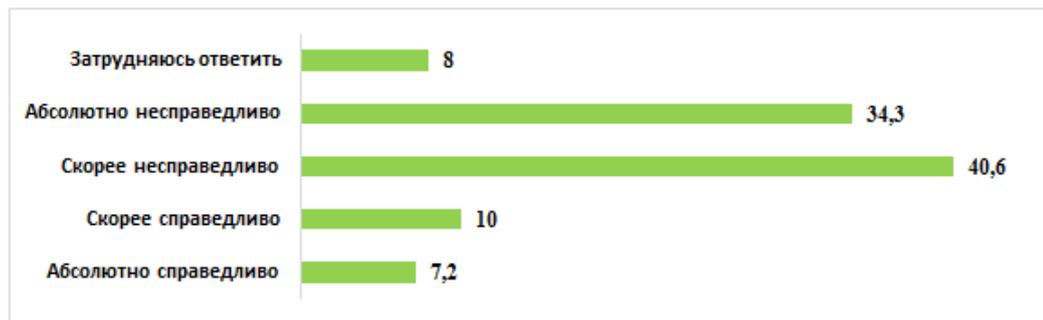

Рисунок 4 – Оценка респондентами справедливости распределения благ в России (%)

К самым распространенным причинам несправедливого распределения благ респонденты отнесли неравный доступ граждан к образованию, здравоохранению, социальному обеспечению, высокооплачиваемой работе, другим общественным благам (61,4%), а также то обстоятельство, что некоторые люди получают нелегальные доходы и взятки (57,8%). Третьей причиной явилось то, что некоторые группы населения имеют незаслуженно высокие доходы (53,8%) или наоборот, незаслуженно низкие (49%). Более подробная информация представлена на рисунке 5.

В заключение раздела анкеты, посвященного социальной справедливости, респондентам был задан вопрос, что на их взгляд должна сделать власть, чтобы наше общество стало более справедливым (рисунок 6). Участники опроса посчитали, что для этого, в первую очередь, в государстве необходимо соблюдать принцип «закон един для всех» (76,7%), а также активно бороться с коррупцией (75,9%). Еще одним действенным способом была признана борьба с безработицей (53,8%). Также молодые люди отметили, что необходимо повысить зарплаты и пенсии (50,6%). Менее половины респондентов предложили провести национализацию природных ресурсов (44,6%) и налоговую реформу (32,5%).

Рисунок 5 – Причины несправедливого распределения благ (%)

Рисунок 6 – Действия государства, необходимые для того, чтобы сделать общество более справедливым (%)

Было интересно посмотреть, какие факторы, по мнению респондентов, в большей мере влияют на достижение человеком высокого экономического статуса (рисунок 7).

Можно заметить, что большее значение участники опроса придают наличию «связей» с нужными людьми (70,9%), рождению в богатой семье (66,5%). Такие факторы, как личные качества, способности и достижения оцениваются молодыми людьми ниже. Так, только чуть более половины респондентов отметили необходимость наличия ума и интеллектуальных способностей (57%) и хорошие коммуникативные навыки (54,2%). Помимо этого, участники опроса назвали такие условия как высокий уровень квалификации и профессионализма (47%), знание иностранного языка (43,4%), наличие опыта работы в серьезной организации (36,3%), диплом об образовании престижного вуза (27,5%).

Рисунок 7 – Факторы, влияющие, в первую очередь, на достижение человеком высокого экономического статуса (%)

Подводя итоги, можно сказать, что исследование социального неравенства в нашей стране не теряет своей актуальности. В целом респонденты признают, что социальное неравенство, было, есть и будет всегда, так как люди не равны по своей природе. Но, при этом полагают, что социальное расслоение не должно быть слишком значительным. С сильным социальным расслоением необходимо бороться, так как оно негативно сказывается на развитии экономики. Молодые люди считают, что максимально допустимый уровень различия в доходах между богатыми и бедными должен быть не более чем в 2-4 раза. При этом, большая часть участников опроса полагает, что за последние несколько лет разрыв между богатыми и бедными в нашей стране только увеличился.

Главной причиной высокого уровня социального неравенства респонденты считают коррупцию и соответственно первоочередной мерой по стабилизации ситуации – ее искоренение. То, есть упор делается на административно-правовые возможности решения проблемы. Способы снижения уровня социального расслоения, носящие экономический характер чуть менее популярны. Среди них можно назвать, в первую очередь, такие как «отмена подоходного налога для граждан, чей доход не достигает прожиточного минимума или превышает его на 15%», «введение природной ренты, позволяющей всем гражданам страны получать проценты от доходов с добычи полезных ископаемых», «повышение адресности социальных пособий и льгот для нуждающихся слоев населения».

Молодые люди обращают внимание на то, что проблема социального неравенства оказывает влияние на взаимоотношения между представителями различных социальных страт российского общества. Большая часть опрошенных полагает, что в нашей стране имеет место быть неприязнь между богатыми и бедными. Но, в то же время сами молодые люди чаще заявляют о том, что для них материальное положение не имеет значение.

Стоит обратить внимание на то, что около 75% опрошенных считают распределение благ в нашем обществе несправедливым. Что в свою очередь может вызвать рост протестного потенциала в России [11].

Слабая вера в справедливость проявляется и в оценках респондентами возможности достигнуть высокого материального статуса благодаря собственным усилиям и трудолюбию. Большую роль здесь, по мнению молодых людей, играют такие факторы как наличие «связей» с нужными людьми (70,9%), рождение в богатой семье (66,5%). Личным качества, способности и достижения имеют меньшее значение.

Само понятие «социальная справедливость» у большей части опрошенных ассоциируется с «равенством людей перед законом». А также с «возможностью для каждого достичь того, на что он способен» и «ситуацией, когда положение каждого члена общества определяется его трудовыми усилиями». Молодые люди считают, что для того, чтобы наше общество стало более справедливым, в первую очередь, в государстве необходимо соблюдать принцип «закон един для всех», а также активно бороться с коррупцией. Из этого можно сделать вывод о том, что проблемы справедливости, по мнению респондентов, находятся в правовой плоскости, а не политико-экономической.

Предпринятое нами исследование показало, что значительная часть опрошенных указывает на возрастание разрыва между богатыми и бедными в нашей стране, что ведет к росту неприязни между данными социальными стратами и социальному напряжению в целом. Сложившаяся ситуация, по мнению респондентов, во многом связана с тем, что распределение благ в российском социуме осуществляется несправедливо.

Литература

1. Андреев А.Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 38-44.
2. Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой // М.: Весь Мир. 2014. 304 с.
3. Бельмонт Л. Социализм и справедливость // М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2012. 104 с.
4. Бердяев Н.А. Философия неравенства // М.: Институт русской цивилизации. 2012. 624 с.
5. Викторов А.Ш. Социальное неравенство: философская и социологическая рефлексия // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 170-186.
6. Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 20-31.
7. Гулевич О.А. Социальная психология справедливости: бизнес, политика, юриспруденция // М.: Аспект Пресс. 2007. 254 с.
8. Давидович В. Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности // М.: Политиздат. 1989. 255 с.
9. Динамика доходов населения // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. № 58. Февраль 2020. https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf (дата обращения: 17.08.2020)
10. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 8-22.
11. Лапшинова К.В. Протестный потенциал современной российской молодежи // Молодежь XXI века: образ будущего / Материалы научной конференции XIII Ковалевские чтения 14-16 ноября 2019 года. / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков // СПб.: Скифия-принт. 2019. С. 196-197
12. Полякова Н.Л. Теории социального неравенства в социологии XX В. Трансформация классики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 19-43.
13. Проблемы социальной справедливости в зеркале современной экономической теории / Общ. ред. Д.Д. Москвина // М.: Эдиториал УРСС. 2002. 192 с.
14. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. / Неравенство и бедность. <https://rosstat.gov.ru/folder/13723?print=1> (дата обращения: 17.08.2020)

15. Самсонова Т.Н. Справедливость равенства и равенство справедливости // М.: Изд-во Моск. ун-та. 1996. 136 с.
16. Социальная справедливость и экономическая эффективность: опыт, проблема и теория. Материалы научной конференции / Под ред. М.И. Воейкова // М.: ЛЕНАНД. 2007. 288 с.
17. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов // М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА*М). 2000. 488 с.
18. Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой // М.: Весь Мир. 2016. 368 с.
19. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. // М.: Сов. Энциклопедия. 1989. 815с.
20. Хайруллин В.И. Категория справедливости в истории политико-правовой мысли // М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2014. 192 с.
21. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность // М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012. 526 с.

СИТУАЦИОННЫЕ ЦЕНТРЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

М.В.Кибакин, профессор, доктор социологических наук, доцент
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Россия
Г.Г.Кораблев, специалист информационно-аналитического центра
«СТРАНА», г. Москва, Россия

В статье описан относительно новый институт сбора и анализа социально-экономической, политической, социально-культурной, криминалистической и иной информации о состоянии, проблемах, угрозах, опасностях и вызовах в обществе, к которым относятся ситуационные центры. Система обеспечения национальной безопасности включает совокупность ситуационных центров, которые осуществляют функции социального управления и контроля в сфере национальной безопасности. Приводятся данные авторского исследования приоритетных задач ситуационных центров в условиях развития цифровой экономики. Содержатся предложения по подготовке специалистов – социологов-аналитиков для работы в ситуационных центрах.

Социальное управление, социальный контроль, социальная диагностика, ситуационные центры, информационно-аналитическая работа, национальная безопасность, профилактика коррупции.

SITUATIONAL CENTERS IN THE SYSTEM OF SOCIAL MANAGEMENT AND SOCIAL CONTROL IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

M. V. Kibakin, Professor, FINANCIAL University under the government of the Russian Federation, doctor of social Sciences, associate Professor, Moscow, Russia
G. G. Korablev, specialist of the STRANA information and analytical center, Moscow, Russia

The article describes a relatively new Institute for collecting and analyzing socio-economic, political, socio-cultural, forensic and other information about the state, problems, threats, dangers and challenges in society, which includes situational centers. The national security system includes a set of situation centers that perform the functions of social management and control in the field of national security. The data of the author's research of priority tasks of situational centers in the conditions of digital economy development are presented. It contains proposals for training specialists – sociologists-analysts to work in situation centers.

Social management, social control, social diagnostics, situation centers, information and analytical work, national security, prevention of corruption.

Введение (Introduction)

В Российской Федерации принимаются активные меры по построению современной системы социального управления и социального контроля, основанной на современных цифровых платформах и информационно-коммуникационных аналитических и аналитических технологиях. Важно место среди создаваемых институциональных структур постоянного сбора, обработки и анализа социальной обстановки, конфликтах, деструктивном поведении в рамках обеспечения национальной безопасности принадлежит ситуационным центрам.

В соответствии с нормативно-правовыми установлениями документов долгосрочного планирования в нашей стране информационную основу реализации стратегии национальной безопасности Российской Федерации составляет федеральная информационная система стратегического планирования, включающая в себя наряду с системой распределенных ситуационных центров, также: а) информационные ресурсы органов государственной власти и органов местного самоуправления; б) государственных научных организаций [9, Пункт 112].

В связи с вышеизложенным представляется весьма актуальным проведение отдельного социологического описания социальных аспектов деятельности ситуационных центров как особых институтов и структур управления и контроля.

Литературный обзор (Literature review)

Рассматриваемая в статье проблематика находит отражение в современном научном дискурсе.

Внимание ряда авторов научных публикаций посвящено раскрытию нормативно-правовых и структурно-функциональных аспектов деятельности ситуационных центров в федеральных органах исполнительной власти [3; 6; 7].

Следующую группу источников составляют работы, в которых содержится изложение некоторых подходов к определению компетенций сотрудников ситуационных центров и подготовки кадров этого социального института в системе национальной безопасности [8]. Близкими к этой проблематике являются научные работы о создании студенческих ситуационных центров [5], а также использованию потенциала ситуационных центров научной деятельности [2].

Раскрытию организационно-технологических основ и программно-аппаратного оснащения ситуационных центров также посвящены работы ученых и практиков [4].

Имеются публикации, раскрывающие международный опыт создания и функционирования ситуационных центров [1].

Описание источниковой базы позволяет сформировать соответствующую теоретическую и методическую базу для описания социально-управленческих аспектов статуса, функций и развития ситуационных центров, как особого социального института.

Теория и методы (Theory and methods)

Теоретико-методологической основой раскрытия заявленной проблематики является частная социологическая теория социального управления и совокупность научных знаний о феномене социального контроля.

В рамках этих теоретических построений проведено уточнение используемого понятийно-категориального аппарата, результатом которого стало определение ситуационных центров, как институционализированная в системе обеспечения национальной безопасности организационная структура, предназначенная для оперативного принятия федеральными органами исполнительной власти управленческих решений, контроля и мониторинга объектов различной природы, ситуаций и других функций в сфере своих полномочий, представляющая собой в организационно-технологическом плане помещение (зал, комната, кабинет), оснащённое средствами коммуникаций (видео-конференц-связь, конференц-связь и другими средствами интерактивного представления информации).

Функциональное предназначение ситуационных центров, как это определено документами стратегического планирования, соотносится с предназначением информационного обеспечения в сфере национальной безопасности.

В рамках социологии управления информационно-аналитическое обеспечение деятельности органов государственной власти в сфере национальной безопасности а) в широком смысле представляют собой совокупность методов и процессов, используемых для насыщения уполномоченных субъектов власти различного уровня необходимой фактологической, систематизированной, исследованной информации, преобразованной в интересах осуществления ими функций в сфере компетенции, а также научное описание их перечня, системы и целей использования; б) в

узком смысле – комплекс организационных мер, операций и приемов, направленных на поиск и сбор информации, а также ее использования субъектами власти с необходимым качеством и оптимальными затратами на оказание управленческих услуг населению, и обусловленных особенностями исторического этапа развития науки, доступной информационной инфраструктурой, уровнем развития общества, социальных локальных (местных), глоболокальных (региональных) и глобальных (национально-государственных) групп населения.

Для определения качественных и количественных характеристик некоторых социально-управленческих аспектов функционирования ситуационных центров, а также подготовки специалистов в рамках формирования их кадрового потенциала было проведено авторское социологическое исследование «Аналитика-21» (руководитель исследования – Г.Г.Кораблев, научный консультант – М.В.Кобакин), в ходе которого опрошено 37 экспертов из числа должностных лиц органов государственной власти, профессорско-преподавательского состава организаций высшего образования (согласованность экспертных мнений $W=0,79$), что позволило включить в статью описательные и проектные экспериментальные данные рассматриваемой проблематики.

Результаты и обсуждение (Results and discussion)

Создание и функционирование ситуационных центров на современных цифровых платформах значительно повышает социальную эффективность информационно-аналитического обеспечения деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в сфере национальной безопасности.

Ситуационные центры отвечают *признакам институциональных феноменов*, к которым относятся: а) массовый характер социальной практики использования ситуационных центров в информационно-аналитическом обеспечении национальной безопасности; б) подтверждение социальной значимости функционирования ситуационных центров; в) нормативно-правовое закрепление функций и статуса ситуационных центров в документах стратегического планирования; г) наличие стандартов и регламентов организационной структуры и функций ситуационных центров; д) выделение ресурсов на поддержание функционирования и развития ситуационных центров; е) подготовка кадров для ситуационных центров.

Также необходимо указать на наличие у ситуационных центров *признаков социальных организаций*, к которым относятся: а) наличие жесткой иерархизированной управленческой структуры; б) закрепление функционального разделения, горизонтальных и вертикальных связей; г) наличие системы контроля, мотивирования и политики санкций; д) нормативно-правовое оформление служебных отношений с работниками; е) применение к ситуационным центрам норм организации, функционирования, государственной отчетности, как юридическому лицу.

Основными социальными **функциями** ситуационных центров системе обеспечения национальной безопасности, как это показывает анализ существующей социальной практики, являются:

во-первых, – социально-управленческая, которая предполагает: а) постоянный сбор и анализ общественно-политической и социально-экономической информации, как объекта регулирования со стороны субъектов обеспечения национальной безопасности; б) квалификация вызовов, опасностей и угроз национальной безопасности; в) определение приоритетов приложения управленческих усилий в сфере национальной безопасности; г) участие в выработке проектов управленческих решений по противодействию и защиты от угроз национальной безопасности; д) мониторинг содержания и выполнения нормативных параметров социальных явлений и процессов в сфере национальной безопасности.

во-вторых, – функция социального контроля, связанная с проведением на базе ситуационных центров: а) выявление субъектов, представляющих потенциальную и актуальную угрозу дестабилизации социально-политической ситуации; б) определение уровня отклонения социальной активности отдельных групп населения от социально одобряемых норм поведения и деятельности; в) определение эффективности механизмов государственного и общественного регулирования со-

циально-политических отношений; г) участие в подготовке решений по использованию соразмерных и релевантных санкций к нарушениям социального порядка.

Изучение *методических основ* информационно-аналитической работы на базе ситуационных центров позволяет выделить целостную социологическую технологию сбора первичной социальной информации и ее обоснованной интерпретации в интересах насыщения органов управления системой обеспечения национальной безопасности релевантной информацией.

Эта технология включает в себя несколько компонентов:

а) методологический, который реализует так называемую «защитную концепцию» безопасности, предполагающую принятие мер по предотвращению, противодействию и снижения угроз интересам личности, общества и государства;

б) представление в исследовательских целях феномена национальной безопасности в форме индикативной социологической модели, которая содержит совокупность измеряемых параметров и показателей;

в) релевантного социологического инструментария их измерения, который преимущественно опирается на экспертные процедуры, что влечет за собой необходимость формирования экспертной группы, представители которой имеют специальные знания в отдельных сферах (социально-экономической, культурно-исторической, военно-политической, технологической и других) при одновременной способности работать в единой исследовательской логике с использованием цифровой информационно-коммуникационной платформы;

г) социопроектных технологий и регламентов обоснования предложений в проекты решений органов управления по вопросам национальной безопасности;

д) средств визуализации и представления аналитической информации.

В ходе экспертного исследования определен перечень *приоритетных проблем*, которые входят в предмет информационно-аналитической деятельности ситуационных центров, которые отражены на рисунке 1:

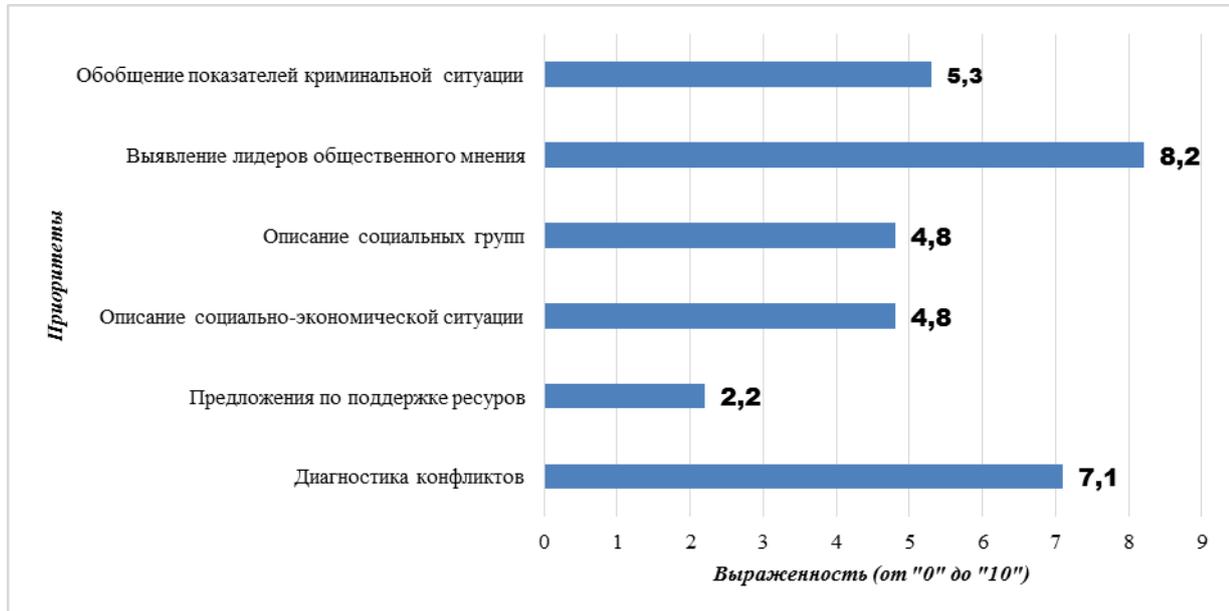

Рисунок 1 – приоритетность проблем, входящих в предмет деятельности ситуационных центров (по материалам собственного исследования)

- Исследование показывает, что к приоритетным проблемам относятся:
- ранняя диагностика возникновения социально-политических конфликтов и протестных настроений (значимость 7,1 балла по 10-ти балльной шкале);
 - участие в выработке предложений по поддержке социально-значимых информационных ресурсов и социально значимых инициатив, которые позитивно влияют на обеспечение социальной стабильности, созданию социально значимого интернет-контента (2,2 балла);
 - оперативное описание социально-экономической ситуации по отдельным группам населения, административным образованиям (4,8 балла);
 - аналитическое описание социально-политических, религиозных, этнических групп и групп с маргинальной субкультурой, характеристика их численности, ресурсов, практики влияния на социально-политические процессы и прогноза их трансформации (8,4 балла);
 - выявление лидеров общественного мнения, популярных блогеров, социальных сетей с массовым участием, электронных СМИ и интернет-площадок с возможностями социальной коммуникации, определение их направленности и анализ установок (редакционной политики, административного регламента) в отношении социальных кризисных ситуаций (8,2 балла);
 - обобщение показателей криминальной ситуации, моральной статистики, благополучия и удовлетворенности граждан, уровня доверия населения к органам власти (5,3 балла), что отражено на рисунке 1:

Как свидетельствуют экспертные данные, приоритетом в работе ситуационных центров по информационной работе в системе обеспечения национальной безопасности в настоящее время является ранняя диагностика проблем социально-политической стабильности, возникновения очагов протестных настроений и социального деструктивного поведения в условиях массовых политических акций. Это объективно связано с трудностями трансформационных процессов развития российской государственности, процессами конституционных изменений, усилением политического давления со стороны других стран и использованием технологий «цветных революций» для ослабления Российской Федерации.

Проведение теоретико-прикладного социологического исследования позволяет сформулировать **пути** дальнейшей институционализации ситуационных центров в социальном управлении и социальном контроле в сфере национальной безопасности.

Первое. Целесообразно прежде всего развивать методологическую базу современной аналитической работы в интересах обеспечения национальной безопасности, активно используя для этого концепции современного социума: а) социально-экономические: общество потребления; общество всеобщего благоденствия; б) общецивилизационные: массовое общество, открытое общество; сложное общество; конвергенция обществ; в) рискологические: общество риска; концепция нормальности катастроф; концепция культурной травмы; г) социального контроля: дисциплинарное общество; концепции игризации и макдональдизации общества; концепция доверия; д) технологические: информационное общество; цифровое общество; общество знания; концепция «социология вещей»; е) управленческо-организационные: концепция нелинейного развития; концепция амбивалентности социального управления; рефлексивные концепции управления и другие.

Второе. Необходимо расширять методическую и организационно-технологическую основу информационно-аналитической деятельности на базе ситуационных центров, для чего: а) провести интеграцию в систему применяемых исследовательско-аналитических методов современные информационно-коммуникационные технологии, в частности: форсайт-сессии, экспертные панели, эвристические алгоритмы; библиотеки типовых и нестандартных проблемных ситуаций и другие; б) предусмотреть использование общедоступных и специализированных глобальных информационно-аналитических поисковых средств и информационно-коммуникационных технологий, к которым можно отнести следующие: «Поисковая система Яндекс. Электронный ресурс»; «Медиаоло-

гия». Автоматизированная система мониторинга СОЦМЕДИА и СМИ. Электронный ресурс»; «Крибрум». Система мониторинга и анализа социальных медиа. Электронный ресурс» и другие.

Третье. Для создания релевантной обучающей инфраструктуры для подготовки специалистов информационно-аналитической работы в организациях высшего образования целесообразно рассмотреть возможность создания студенческих ситуационных центров, структурно-функциональная характеристика которых отражена на рисунке 2.

Рисунок 2 – структурно-функциональная характеристика студенческих ситуационных центров (по материалам собственного исследования)

Студенческие ситуационные центры могут создать современную обучающую среду, которая позволяет с помощью использования различных поисковых систем, виртуальных тренажеров, технологий дополненной реальности формировать необходимые информационно-аналитических компетенций путем включения обучаемых в решении задач, которые входят в функции соответствующих специалистов:

- операторов ситуационных центров (исследовательско-информационная функция), освоение входящих в содержание деятельности профессиональных навыков и умений входят: поиск информации по строгим критериям и по нечетким критериям; сбор информации в установленной форме; обобщение (структуризация, квалификация и систематизация полученной информации); оформление и визуализация информации для передачи субъектам экспертной и проектной деятельности;
- специалистов-аналитиков ситуационных центров (исследовательско-аналитическая функция), которые должны быть способны выполнять такие задачи, как: преобразование данных (нормирование, индексация, типизация и кластеризация информации; содержательно-логическая и математико-статистическая интерпретация полученных данных; выявление и интерпретация латентных характеристик и детерминации социальных явлений и процессов, входящих в социальные феномены;
- экспертов ситуационных центров (проектно-управленческая функция), предназначенных для: моделирования актуального состояния и прогноза изменений социальных феноменов; разработки проектов на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу;

формулирование предложений в замыслы, проекты решений и программы деятельности субъектов социального управления различного уровня.

Интерактивность форм обучения на базе студенческих ситуационных центров позволяет решать следующие практические задачи в рамках научно-исследовательской деятельности обучаемых: а) обоснование (защита) тем и замысла исследовательских квалификационных работ (курсовые работы, выпускные квалификационные работы); б) участие в проведении студенческих научных исследований; в) экспертная работа по получению данных в рамках своих компетенций; г) формирование навыков командной (коллективной, групповой, проектной) работы.

Заключение/Выводы (Conclusion).

Таким образом, процесс цифровизации всех сфер жизни общества влияет на появление институтов цифрового и сетевого общества, которые реализуют свои функции на основе современных информационно-коммуникационных платформ, что наглядно проявилось в создании системы распределенных ситуационных центров, которые включены в информационную инфраструктуру обеспечения национальной безопасности и реализуют в их структуре функции социального управления и контроля.

Литература

1. Гантумур Э., Рыбаков А.В., Иванов Е.В., Иванова Л.Е. О формировании ситуационных центров при региональных центрах государственного агентства по чрезвычайным ситуациям Монголии / В сборнике: Современные проблемы безопасности жизнедеятельности: интеллектуальные транспортные системы и ситуационные центры. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Р.Н. Минниханова. 2018. С. 12-17.
2. Григорьев П.В. Ситуационные центры и научный диалог / В книге: Стратегическое планирование и развитие предприятий // Материалы Семнадцатого всероссийского симпозиума. Под редакцией Г.Б. Клейнера. 2016. С. 51-53.
3. Жигадло В.Э. Особенности построения ситуационных центров субъектов федерации / В сборнике: Перспективные направления развития отечественных информационных технологий. Материалы III межрегиональной научно-практической конференции // Научный редактор Б.В. Соколов. 2017. С. 28-30.
4. Зюбан А.В., Зеленцов В.А., Соколов Б.В. Центры компетенций как организационно-технологическая основа развития системы распределенных ситуационных центров Российской Федерации // Экономика и управление. 2017. № 6 (140). С. 18-27.
5. Казакевич Т.А. Ситуационный студенческий центр как форма развития человеческого капитала российского студенчества / В сборнике: Социально-экономические, правовые и психолого-педагогические аспекты управления человеческим капиталом: вопросы теории и практики. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 2016. С. 68-74.
6. Кувшинов М.А., Мещерякова А.А., Литаврина И.Н. Создание ситуационного центра ФСИН России в соответствии с требованиями ФСО России к системе распределенных ситуационных центров / В сборнике: Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы. сборник материалов Международной научно-практической межведомственной конференции. ФКОУ ВО «Воронежский институт ФСИН России». 2016. С. 25-27.
7. Лукашов Н.В. Об организации использования центров оперативного управления (ситуационных центров) в системе управления органами внутренних дел / В сборнике: Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие. Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. Академия управления МВД России. 2018. С. 153-155.

8. Салухов В.И., Соколов Б.В. Образовательная компонента в формировании и становлении системы распределенных ситуационных центров и центров компетенции // Стратегические приоритеты. 2017. № 2 (14). С. 138-147.
9. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 января 2016 г. N 1 (часть II) ст. 212.

УДК 316

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДОВЕРИЕМ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛИЦ С ОСОБЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

С.В.Кибакин, старший преподаватель, кандидат педагогических наук
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Москва, Россия

М.М.Крюкова, педагог-воспитатель образовательного учреждения
Школа №1797, г. Москва, Россия

В статье описываются методологические, методические и проектные аспекты феномена социального управления доверием в такой специфической сфере развития и формирования личности как образование. В современных условиях в институте образования реализуется принцип обеспечения равенства прав и обязанностей, а также взаимной ответственности и солидарности субъектов образовательных правоотношений. При этом объективно возрастает значение отношений доверия обучаемых, их родителей, педагогов, администрации вузов, должностных лиц субъектов государственной образовательной политики в реализации целей обучения, воспитания и социализации.

Автор раскрывает предмет отношений доверия, его формы, социально-психологические механизмы и критерии его сформированности. Изложена авторская позиция по особенностям социального управления в процессе обучения лиц с особыми потребностями, инвалидов и маломобильных граждан.

Институт образования, обучаемые, родители обучаемых, доверие, социальное управление, образовательные организации, обучаемые инвалиды, социологическое исследование, управление доверием.

SOCIAL TRUST MANAGEMENT IN THE SYSTEM OF INTERACTION OF PARTICIPANTS IN EDUCATIONAL RELATIONS IN THE TRAINING OF PERSONS WITH SPECIAL NEEDS

S. V. Kibakin, senior lecturer of THE Russian state University of justice, candidate of pedagogical Sciences, Moscow, Russia

M. M. Kryukova, teacher-educator of the educational INSTITUTION School No. 1797, Moscow, Russia

The article describes the methodological, methodological and project aspects of the phenomenon of social trust management in such a specific area of personal development and formation as education. In modern conditions, the Institute of education implements the principle of ensuring equality of rights and obligations, as well as mutual responsibility and solidarity of subjects of educational legal relations. At the same time, the importance of trust relations between students, their parents, teachers, University administration, and officials of state educational policy subjects in implementing the goals of training, education, and socialization increases objectively.

The author reveals the subject of trust relations, its forms, socio-psychological mechanisms and criteria for its formation. The author's position on the peculiarities of social management in the process of training people with special needs, disabled people and people with limited mobility is presented.

Institute of education, trainees, parents of trainees, trust, social management, educational organizations, trainees with disabilities, sociological research, trust management.

Введение (Introduction)

Российский социум находится в ситуации активной трансформации структуры, взаимодействия между группами, субъектами власти, отдельных индивидуумов, формирования современных институтов управления и социальных организаций, внедрения современных форм коммуникации. В этих условиях, однако, институт образования традиционно имеет большую устойчивость используемых норм, правил и социальных технологий в реализации институциональных функций, что обуславливает внимание ученых и практиков к выявлению особенностей социального управления в нем, в том числе на основе методологического потенциала и методического потенциала концепции доверия.

Современное образовательное законодательство Российской Федерации закрепляет такие принципы политики в этой сфере, как воспитание взаимоуважения, демократический характер управления образованием, обеспечение прав педагогических работников, обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся на участие в управлении образовательными организациями [12, Статья 3]. Реализация этих принципов объективно включает отношения доверия в системе образовательных отношений.

Соответственно, управление доверием в институте образования является актуальной научно-практической задачей, важность которой возрастает при установлении институциональных форм коммуникации между обучаемыми, их родителями, администрацией и педагогами образовательных организаций.

Литературный обзор (Literature review)

Изучение источниковой базы по проблемам управления доверием в институте образования позволяет выделить несколько групп публикаций:

- научные разработки, посвященные сущности доверия как социального феномена и его характеристика в рамках социологии управления [7];
- источники, посвященные исследованию содержания и специфики феномена доверия в управлении различными социальными процессами [4; 8; 10];
- статьи, которые раскрывают доверие как особый метод и технологию управления для решения различных целей и задач [5; 9];
- отдельно можно выделить научные работы, рассматривающие проблемы управлением доверием в процессе воспитания, образования, социализации [11; 15; 16];
- в источниковой базе также размещены статьи о зарубежном опыте управления доверием [2; 3].

В целом в настоящее время ученым и практикам, которые рассматривают проблемы управления доверием в образовательной сфере, можно обратиться к широкому кругу источников, что позволяет провести уточнение этого социального феномена применительно к функционированию института образования, а также описание его социологических характеристик применительно к удовлетворению особых образовательных потребностей некоторых категорий обучаемых.

Теория и методы (Theory and methods)

Имеющая широкое хождение в современной социологической науке концепция доверия в современном сложном российском социуме [6], которое одновременно отвечает и характеристики общества риска [1], стала методологическим основанием раскрытия заявленной темы. В научных работах современных социологов Петра Штомпки [13; 14], Николаса Лумана [18], Бернарда Барбера [17] и других раскрыты существенные научные подходы к пониманию, уточнению понятия сущности и описанию методического арсенала изучения социального феномена доверия, что дополнили теоретическую базу исследования управленческих проблем доверия.

При уточнении понятийной базы сделаны выводы о том, что в современной научной литературе под доверием в общем виде понимаются особые по своему содержанию и характеристикам взаимоотношения между социальными субъектами взаимодействия, которые являются открытыми, положительными и включающие в себя взаимную уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека.

В свою очередь доверие в образовательных отношениях формируется по последующим основаниям: а) уверенность в соблюдении институционально определенных целей и задач образовательного процесса; б) реализации гуманистических подходов при формировании личности обучающегося; в) консенсус в полномочиях педагогов в выборе методов и форм обучения и воспитания; г) уверенности в доброжелательном и компетентном решении социальных коллизий и конфликтов по проблемам образовательного процесса.

Описываемая категория обучаемых с особыми образовательными потребностями имеет различные ограничения в осуществлении функций жизнедеятельности в силу ограничений здоровья, в том числе инвалидность, формируемая доверительность отношений, с которыми включает комплект социально-психологических процессов адаптации к особенностям обучающей среды, существенно большей ролью родителей в оказании помощи в освоении образовательных программ.

В описании некоторых качественных и количественных характеристик управления доверием в образовательной среде материал статьи включает результаты авторского социологического исследования «Доверие. Инклюзия. Управление» (Руководитель исследования – М.М.Крюкова, научный консультант – к.п.н. С.В.Кибакин), проведенного в апреле – мае 2020 года. В ходе исследования опрошено 113 студентов вузов московского региона (представительность данных обеспечена на уровне ошибки $\Delta = 5,0\%$, уровне значимости $\alpha=0,05$), проведено интервьюирование 364 родителей инвалидов-школьников и студентов (ошибки $\Delta = 3,9\%$, при уровне значимости $\alpha=0,05$), экспертный опрос педагогов организаций среднего образования (153 эксперта, уровень согласованности экспертных оценок $W=0,76$).

Результаты и обсуждение (Results and discussion)

При использовании современных концептуальных построений появляются возможность выявить такие аспекты управления доверием в институте образования при оказании услуг лицам с особыми образовательными потребностями.

В процессе выделения в социальном управлении основных его **компонентов**, к которым относятся: а) субъект управления; б) объект управления; г) процесс воздействия субъекта на объект и получения обратной связи, – создается возможность их подробного описания в раскрытии заявленной проблематике.

Первое. Субъектами управления доверием в институте образования являются уполномоченные субъекты государственной образовательной политики, которые реализуют ее из общих гуманистических принципов воспитания, обучения и социализации молодежи, как граждан социального правового государства.

Второе. Содержание управляющего воздействия, которое включает в себя методы, средства и технологии влияния на объект (доверительный характер образовательных отношений) для обеспечения его институционального характера, и которые могут быть рассмотрены на трех уровнях:

– инструментальном уровне, на котором характеризуются субъекты совершают нормативно предписанные, рациональные действия, соблюдают регламенты выполнения своих профессиональных обязанностей; на этом уровне релевантными будут такие методы воздействия на формирование отношений доверия, как совершенствование нормативной базы, обучение сотрудников образовательных организаций, контроль и применение санкций к нарушителям; соответственно, обучаемые и их законные представители будут получать постоянное подтверждение нормативно-

сти поведения и действий педагогов, администрации, что и станет основой для укрепления доверия;

- аксеологическом уровне, на котором формируется самой сути, качества социального взаимодействия, их правильности и которое основано на наделении участников образовательных отношений нравственных гуманистических установок, предположении и подтверждении, что и обучаемые, их родители с одной стороны, и педагоги, администрация образовательной организации с другой стороны исходят из лучших побуждений, уверенности в их правильном морально обоснованном выборе в условиях выбора; методы управления связаны на этом уровне на введении системы подбора педагогических кадров, их воспитания, создания социо-культурных условий поддержки высоконравственного поведения с одной стороны, и проведения индивидуальной работы с родителями с обсуждением важности нравственных основ взаимодействия, соблюдения единых стандартов в ценности доверия, верности слову, ценности ответственного поведения;

- уровне опекунских ожиданий (ожиданий проявления чьей-то заботы или помощи, получения прав «представительности», доверенности) от субъектов образовательных отношений, что предполагает высокий уровень доверия, при котором судьба ребенка (молодого человека) связывается с деятельностью педагогов, с выбранной методикой обучения, и одновременно, профессиональная успешность педагога, престиж и привлекательность образовательной организации – от мнения, оценок и информационных посылов родителей (обращение в вышестоящие организации, обсуждение ситуации в образовательной организации и конкретных педагогов в социальных сетях, интернет-площадках; социальное управление при этом может использовать методы регулирования, регламентации и нормативного закрепления взаимных обязательств и меры ответственности, согласия на совершение тех или иных действий в сфере интересов субъекта взаимодействия (например, согласие родителей на введение дополнительных занятий в процесс обучения, или изменения режима пребывания обучаемого в образовательной организации).

Третье. Объектные характеристики процесса социального управления доверия выявлены в ходе экспериментального исследования.

Социологический анализ доверия потребителей образовательных услуг (школьников, студентов) и их законных представителей (родителей) проводится на основе выявления характеристик параметров феномена доверительного характера социального взаимодействия.

Индикативные социологические показатели были подвергнуты экспертной оценке путем предоставления экспертам высказать свое мнение по каждому из них путем количественной квалификации и описания аргументов в пользу своей позиции. В последующем первичные экспертные оценки были проверены на наличие согласованности, что обеспечило качество проведенного исследования и достоверность сделанных выводов.

По мнению родителей обучающихся-инвалидов, их доверие к образовательной организации, применяемым образовательным технологиям, педагогам и администрации основывается на следующем:

- по мнению респондентов, они заслуживают доверия, в связи с тем, что у них хорошая репутация, на что указали 73,41% опрошенных;
- им можно доверять в силу личного знания об их положительной реальной деятельности, общения с ними, их достижений – 50,13%;
- доверие возникает в силу своего положительного образа, имиджа, который сейчас сложился в их отношении – 24,7%;
- высказывается доверие в силу существования по мнению респондентов эффективной системы контроля за их деятельностью – 88,04%;
- доверие основывается на уверенности в том, что они следуют внутренним корпоративным правилам, этическому кодексу – 31,80%
- возможность доверять связано с тем, что в настоящее время развивается система видеofиксации действий сотрудников, компьютерного контроля за их деятельностью, создания интер-

нет-площадок родителей для обмена информацией о соблюдении норм обучения и обобщения фактологической информации об отклонениях в регламентах обучения и соблюдении этики отношений к выполнению своих обязанностей – 14,85%, что отражено на рисунке 1:

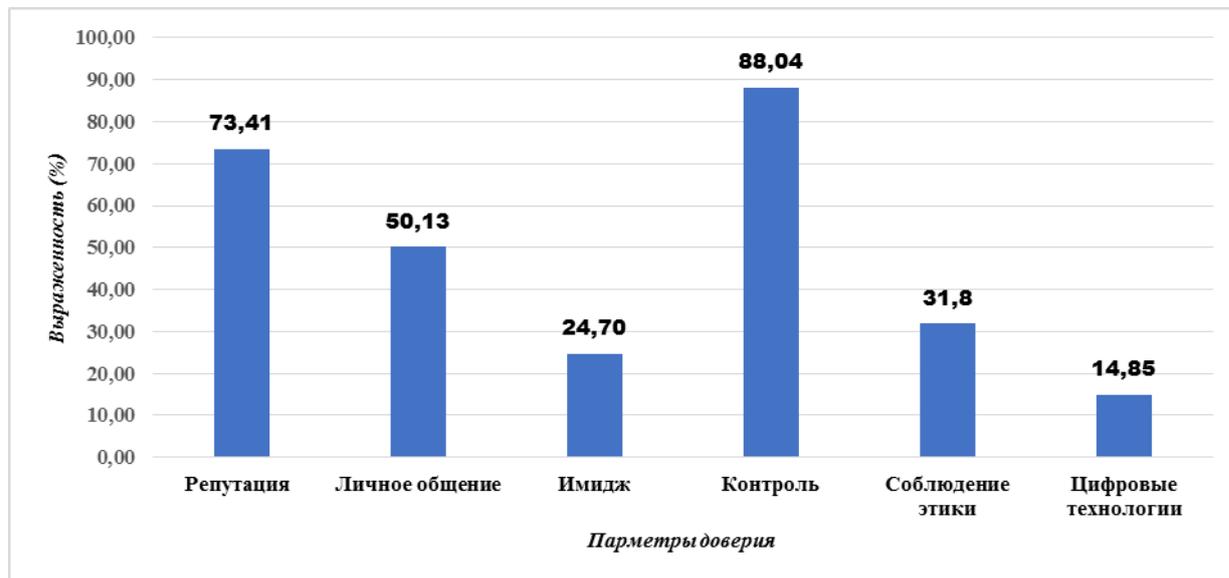

Рисунок 1 – параметры оценки доверия родителей обучаемых-инвалидов к образовательной организации (по материалам собственного исследования)

Как следует из полученных данных, в настоящее время у родителей, обучающихся инвалидов сохраняется высокий уровень доверия к образовательной организации в силу признания ее институционального характера, ее интегрированности в общую систему государственной образовательной политики, государственного контроля и регулирования. Одновременно подтверждено важное значение для формирования отношений доверия личных коммуникаций, встреч, использование форм сотрудничества участников образовательных отношений.

Социологическая концепция доверия позволяет адаптировать имеющиеся наработки в определении системы *детерминации* социальной эффективности управления доверием в институте образования, учета особых образовательных потребностей обучающихся-инвалидов. При этом детерминационная модель включают в себя две основные группы факторов – объектных и субъективных.

К *объективным* социальным факторам, влияющим на формирование отношений доверия между субъектами образовательных отношений, можно отнести: а) цивилизационная основа отношений в сфере образования, укорененность в российской культуры ценности образования, стремления получить образования, доверия к нему, как важному социальному институту; б) нормативная стабильность системы образования в российском обществе по основным его ступеням, принципам, правам и обязанностям участников образовательного процесса, в том числе нормативное закрепление необходимости создания безбарьерной образовательной среды; в) прочность социального контроля и социального порядка в институте образования, предполагающих не только стабильное функционирования нормативно предписанных социальных практик, но и возможности защиты прав участников образовательных отношений в конфликтных ситуациях; г) наличие механизмов ответственности субъектов управления образовательными организациями как перед вышестоящим руководством, так и перед общественностью, институтами гражданского общества; д) наличие социальной практики использования методов государственного регулирования, профилактики коррупции и эффективная судебная система рассмотрения наиболее социально значимых юридических коллизий в сфере образования.

Группа *субъективных* социальных факторов обеспечения эффективности управления доверием в институте образования включает в себя: а) социальные качества, личные социально-психологические характеристики, установки и ценностные ориентации участников образовательного процесса, что позволяет при достаточном уровне культуры общения определять общую нормативную основу институционального взаимодействия; б) наличие социального капитала, социального опыта и поддержки, имиджа и репутации участников образовательного процесса, что позволяет с большей долей уверенности предполагать добросовестное поведение друг друга, доверять им.

Предлагаются следующие *пути* совершенствования социального управления доверием в образовательных отношениях, применительно к удовлетворению обучаемых с особыми потребностями, обучаемых-инвалидов:

во-первых, – субъектам управления социетального уровня, субъектам определения и реализации государственной образовательной политики необходимо:

– последовательно развивать нормативную основу для реализации принципов доверительного характера отношений в институте образования, в том числе путем введения в социальную практику этических правил, кодексов профессионального поведения участников образовательного процесса, а также рыночных отношений по оказанию образовательных услуг;

– укреплять базу и совершенствовать опыт взаимодействия с институтами гражданского общества – представителями родительской общественности, формируя нравственную и гуманистическую основу совместной деятельности по реализации прав обучаемых на качественное образование при одновременном вовлечении их в социально-развивающую траекторию личной социальной активности на основе сотрудничества с педагогами;

во-вторых, – субъектам управления институционального уровня (управления институтом образования) важно предпринимать усилия по:

– утонению целеполагания и уточнению функций образования на гуманистических основах, соотнесения образовательной траектории обучающихся с цивилизационными процессами общей судьбы индивидуумов российского социума, которая предлагает взаимное доверие между социальными группами, делегирование ими социально значимых для них полномочий социальным институтам и организациям на основе взаимного доверия;

– принимать меры к реализации рыночной модели оказания образовательных услуг с соблюдением особых интересов социально уязвимых категорий обучаемых, обеспечить возможность защиты их прав на качественное образование, что способно сформировать отношения доверия с ними и их законными представителями;

в-третьих, – субъектам управления конкретно-социального уровня, руководителям образовательных организаций, субъектам образовательной деятельности (педагогам) целесообразно:

– формировать, укреплять и развивать отношения доверия с обучаемыми, коллегами, родителями, администрацией, местными сообществами и интернет-сообществами, используя для этого концепцию сотрудничества, достижения общих целей со взаимным делегированием как прав, так и ответственности;

– принимать меры по индивидуализации обучения в соответствии с личными социально-психологическими качества обучаемых, особенностями их здоровья, семейной ситуации, наличия ресурсов родственной поддержки, что позволит найти индивидуальные механизмы установления доверия и в последующем добиться более полного достижения целей их обучения и воспитания.

Заключение/Выводы (Conclusion).

Таким образом, социальное управление доверием в образовательных отношениях, представляющее собой процесс целенаправленного воздействия уполномоченными субъектами института образования на содержание коммуникаций в рамках системы обучения, воспитания и социализации обучаемых, для формирования взаимной уверенности в нормативно предписываемом поведении и действиях, отвечающим признакам порядочности доброжелательности, в том числе с

учетом особым образовательных потребностей отдельных категорий образовательных услуг, имеет особое значение в формировании социальной структуры сложного российского социума.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну // М.: Прогресс-Традиция. 2000.
2. Вельтер Ф., Каутонен Т., Чепуренко А.Ю., Мальева Е. Структуры управления сетевыми сообществами малых предприятий и роль доверия: германо-российское сопоставление // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 2. С. 13-36.
3. Голубев С.Г., Сугак В.К. Система общественного доверия как инструмент управления цифровым обществом: китайский опыт // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. № 4. С. 62-74.
4. Дворянов А.А. Доверие в системе социального управления. Автореф. дис...канд. социол. Наук // Москва. 2006.
5. Ключева Н.В., Арефьева Н.С. Проявление доверия и манипуляций в управлении // Психология и психотехника. 2014. № 2 (65). С. 131-138.
6. Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности : монография / С.А. Кравченко ; МГИМО (У) МИД России, каф. Социологии // М. : МГИМО-Университет. 2012. 306 с.
7. Макарова Т.Ю., Москвина Ю.Н. Доверие как фактор управления // Вестник Тверского государственного технического университета. 2004. № 4. С. 141-145.
8. Петрова Г.И. Доверие в системе управления социальными процессами / В сборнике: Дефиниции культуры. Сборник трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. составитель: И.В. Сохань, ответственный редактор И.В. Чернова; Томский государственный университет // Томск, 2011. С. 93-100.
9. Савченко И.А., Кувшинова А.А. Формирование доверия граждан к органам государственного управления посредством социальных сетей // Экономика и менеджмент систем управления. 2020. № 1 (35). С. 63-70.
10. Степанов П.В. Доверие, эмоциональная поддержка, конструктивная помощь: три кита управления воспитанием / В сборнике: Портал доверия. Сборник научных трудов. Ульяновск. 2016. С. 119-122.
11. Степанов П.В. Доверие как базовый принцип управления системным развитием школы воспитания / В сборнике: Социальное партнерство: педагогическая поддержка субъектов образования // Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 120-131.
12. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. N 53 (часть I) ст. 7598.
13. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С.М.Червонной // М.: Логос. 2005. 664 с.
14. Штомпка П. Доверие в эпоху глобализации // Социальная политика и социология. 2006. № 4. С. 8-15.
15. Шуклина,Е.А. Институциональное доверие в высшем образовании: к проблеме управления рисками / В сборнике: Солидарность и конфликты в современном обществе. Материалы научной конференции. 2018. С. 360-361.
16. Шуклина,Е.А., Широкова,Е.А. Доверие как фактор формирования готовности преподавателей к участию в управлении вузом // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 148-157.
17. Barber B. The Logis and Limits of Trust. New Brunswick: Rutgers University Press, 1983.
18. Luhmann N. Trust and Power/ New York: J. Wiley, 1979.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

М.П. Кюрегян, старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия

В данной статье автор рассматривает теорию управления, принимая во внимание гендерный аспект. Гендерная дискриминация до сих пор является реальностью во многих компаниях, несмотря на высокий профессиональный потенциал женщин. На основании приведенных результатов исследований автор утверждает, что гендерный ресурс не используется эффективно в сфере управления. Создание условий для реализации лидерских качеств женщин на предприятиях будет способствовать их активному и плодотворному участию в управлении.

Гендер, управление, гендерные стереотипы, гендерный потенциал, образование

GENDER ASPECTS OF MANAGEMENT THEORY

M.P. Kyuregyan, senior lecturer of the Department of foreign languages,
State budgetary educational institution
of higher education of the Moscow region
"Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov", Korolev, Russia

In this article the author examines the management theory taking into account a gender aspect. Gender discrimination is still a reality in many companies despite the high professional potential of women. Based on the research results, the author claims that gender resource is not used effectively in management. Creating conditions for the implementation of women's leadership qualities at enterprises will contribute to their active and fruitful participation in management.

Gender, management, gender stereotypes, gender potential, education.

Любое общество – это сложная и многоуровневая система, которая динамически развивается. Для сохранения, эволюции, осуществления взаимодействия системы с окружающей средой необходимо управление данной системой. Управление как процесс также претерпевает фундаментальные изменения, реагируя на перемены в обществе. В любой организации, которая ориентирована на выполнение определенных функций, существует особый социальный феномен – управление. Оно представляет специфический вид трудовой деятельности, который устанавливает общую связь и согласованность действий всех участников совместного процесса для достижения общих целей данной организации. Существует большое количество определений управления. Объединяет их то, что все они говорят о воздействии субъекта управления на объект управления для достижения определенной цели. На наш взгляд, наиболее важными являются те определения, где идет речь о целенаправленном управлении. Так, например, Питер Друкер определяет управление как «особый вид деятельности, превращающий неорганизованную толпу в эффективную целенаправленную и производительную группу» [8].

Как уже было сказано выше, ключевыми понятиями системы управления являются субъект и объект. Субъект управления – это управляющая подсистема, которая оказывает воздействие на

объект управления. Субъектом может быть лицо (руководитель) или группа людей (орган управления). Объект управления – управляемая подсистема, воспринимающая воздействие субъекта. Данная подсистема может быть представлена общественными отношениями, социальными организациями или людьми.

В теории управления термин гендер используется для описания доли сотрудников, занимающих руководящие должности в организации, по признаку пола. Он так же используется для описания существующей модели и тенденции в организациях при распределении должностей высшего руководства. Гендер в управлении – это проблема, которая в настоящее время находится в центре внимания многих организаций, в том числе международных организаций, которые защищают гендерные права сотрудников на рабочих местах.

Традиционно субъектом управления выступали мужчины. Именно они имели наибольший доступ к таким ограниченным ресурсам как деньги, образование, власть. Поэтому в системе управления до сих пор сохраняется гендерное неравенство, объясняемое различными научными концепциями.

Гюстав Лебон, французский психолог, социолог, антрополог в конце XIX века утверждал, что женщины «являются низшей формой человеческой эволюции и стоят ближе к детям и дикарям, чем к взрослым цивилизованным мужчинам» [6]. Любые объяснения того, почему женщины находятся на низших ступеньках социальной и интеллектуальной лестницы, сводились на протяжении веков к заявлениям о несовершенной и недоразвитой биологии женщин. Квинтэссенцией таких рассуждений стала теория о том, что мозг так же имеет такую категорию как «пол», то есть существует «мужской» и «женский» мозг. Несмотря на то, что на протяжении истории человечества взгляды на способности женщин и их роль в обществе трансформировались, уверенность в различии мозга у мужчин и женщин, чья структура и функции являются фиксированными и врожденными, оставалась неизменной. Что только не делали с мозгом женщин: его взвешивали, измеряли и, безусловно, всегда находили то, что хотели найти. Появлялись даже специальные науки: краниология, френология и др. для того, чтобы поставить женщин на второе место после мужчин. И эта охота за доказательствами продолжается в XXI веке.

На протяжении всей истории человечества женщины добивались своей социальной значимости, независимости и равенства. Мы уже привыкли к слову «эмансипация», и сегодня никого не удивляют женщины – врачи, политики, военные. На первый взгляд, кажется, что в современном мире для женщин нет никаких препятствий, тем не менее, только редкая женщина отважится принять решение о том, чтобы пойти в политику или стать директором крупного предприятия или компании.

Исторически сложилось так, что на протяжении многих десятилетий большинству женщин поручались конкретные должности, которые обычно назывались женскими, и место женщин и мужчин в обществе было четко определено. Почти на все руководящие должности назначались мужчины, независимо от того, были ли кандидаты-женщины равной квалификации. Гендерная дискриминация и неравенство на рабочем месте и в наши дни по-прежнему остается проблемой, с которой многие организации все еще борются, несмотря на многочисленные рамки и законы, принятые для решения гендерных проблем. Например, во многих странах мира принят закон о равной занятости, который требует, чтобы работающие женщины занимали не менее 40% всех должностей в организации, что также включает руководящие должности [10].

Существующие гендерные стереотипы приводят к дискриминации кандидатов-женщин, работодатели и управленческий персонал либо игнорируют, либо не развивают управленческий талант, проявляемый сотрудниками-женщинами, тем самым, не позволяя им подниматься по служебной лестнице. Действительно, текущая статистика показывает, что гендерная дискриминация в значительной степени является реальностью во многих компаниях по всему миру.

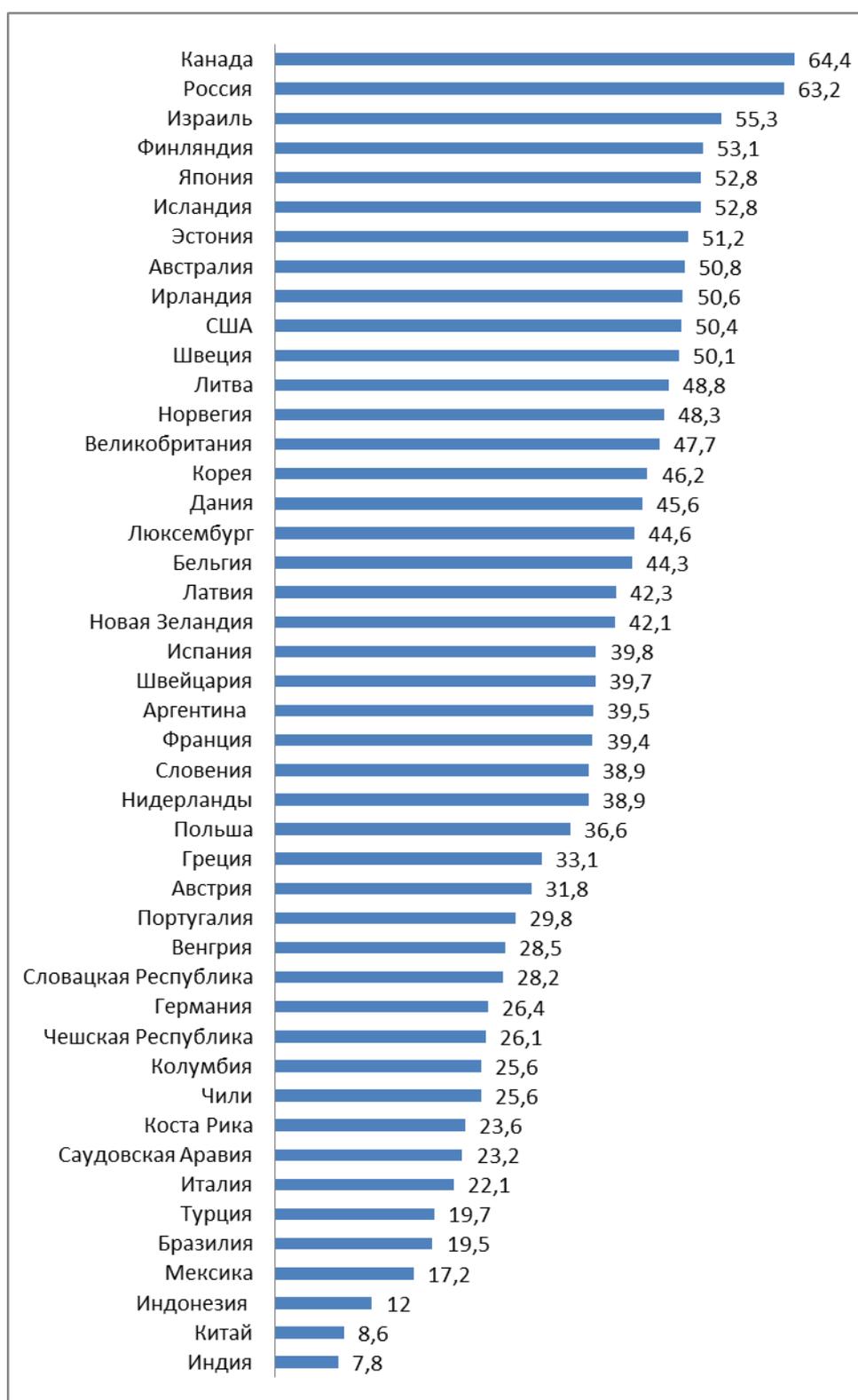

Рисунок 1 – Процент женщин, имеющих высшее образование в возрасте 25-64 года

Например, недавний анализ руководящих ролей, отведенных женщинам в ведущих компаниях, который был опубликован в журнале Fortune 500, показал, что их доля составляет менее 2%. Далее исследование показало, что примерно только 15% женщин занимает другие управленческие

должности, несмотря на то, что женщины в среднем обладали такой же квалификацией и опытом, как и мужчины-коллеги в этой компании или организации. Это далеко от требования в 40%, требуемого законом, и является достаточным свидетельством того, что стеклянный потолок действительно существует у большинства компаний [10].

Анализируя эту проблему в мировом масштабе, необходимо сказать о том, что важный шаг в достижении равноправия для женщин был сделан 18 декабря 1979 года. В этот день Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. На основании этого документа 165 государств обязаны обеспечивать равенство между мужчинами и женщинами в общественной, культурной, экономической, политической и социальных сферах в соответствии с международным правом.

Особенно явно гендерное неравенство проявляется в сфере управления. Рассматривая современное российское общество, необходимо учитывать существующую серьезную гендерную асимметрию в структуре его населения. В России женщин на 11 млн. больше, чем мужчин.

Женщины в России являются наиболее высоко образованной гендерной группой, обладают высокой степенью мобильности и квалификации, уровень оплаты труда у них по-прежнему ниже, чем у мужчин [5]. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития за 2020 год российские женщины по уровню образования занимают 2 место в мире, пропустив вперед только канадских женщин (Рис. 1)

Всемирный экономический форум, начиная с 2006 года, измеряет Глобальный индекс гендерного разрыва. Масштабы гендерных разрывов анализируются в четырех ключевых измерениях: экономическое участие и возможности; уровень образования; здоровье и выживание; а также расширение политических прав и возможностей. Ежегодное издание доклада ориентировано на 153 страны и предоставляет рейтинги стран, позволяющие проводить эффективные сравнения. Глобальный индекс гендерного разрыва предназначен для изучения масштабов гендерных диспропорций и отслеживания их изменения со временем.

В «Докладе о глобальном гендерном разрыве», опубликованном Всемирным экономическим форумом в 2020 году, Россия в 2018 году, по сравнению с предыдущим годом, потеряла шесть позиций в рейтинге гендерного равенства, заняв 81-е место в новой версии документа, опубликованного на сайте Всемирного экономического форума. В первую десятку вошли Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция, Никарагуа, Новая Зеландия, Ирландия, Испания, Руанда и Германия [9].

При этом равенство наблюдается только в образовании и состоянии здоровья. Здесь Россия занимает 1-е место в рейтинге. В экономике наша страна занимает 32-е место, а по политической вовлеченности – 122-е [9] (табл. 1).

Таблица 1 – Место Российской Федерации в рейтингах гендерного разрыва (2006 и 2020 годы)

	Рейтинги 2006 г.		Рейтинги 2020 г.	
	Место в рейтинге	индекс	Место в рейтинге	индекс
Глобальный индекс гендерного разрыва	49	0.677	81	0.706
Экономическое участие и возможности	22	0.696	32	0.749
Уровень образования	19	0.999	1	1.000
Здоровье и выживание	36	0.979	1	0.980
Расширение политических прав и возможностей	108	0.034	122	0.095

Согласно данному докладу, в среднем разрыв между мужчинами и женщинами в России составляет 29,4%. Русские женщины в среднем более образованы, чем мужчины и живут дольше, но редко достигают руководящих постов. В России 37% женщин имеют высшее образование, а среди мужчин – лишь 29%. В дополнение, почти столько же женщин, сколько мужчин, имеют докторскую степень (64% против 66%). Учитывая эти характеристики, русские женщины не только участвуют в рабочей силе на высоком уровне (68,9% находятся на рынке труда), но они заняты на квалифицированных рабочих местах в большей степени, чем мужчины (62,3% профессиональных и технических работников – женщины). Несмотря на их средний уровень, женщины по-прежнему находятся в худшем материальном положении, чем мужчины: зарплата женщин в РФ составляет 71,2% от средней заработной платы мужчин. Неравенство доходов частично объясняется тем, что женщины сталкиваются с сопротивлением при достижении руководящих должностей: 41,8% руководителей и высших должностных лиц это женщины, и только 7% членов совета директоров – женщины [9].

Уровень зрелости общества и проблемы, стоящие перед его системой государственного управления, определяют характер использования гендерного ресурса общества. В современном российском обществе в условиях социально-экономической и политической нестабильности важно пересматривать модели поведения социальных общностей, которые позволят и предоставят возможности самореализации личности. Необходимо эффективно использовать гендерный ресурс в социальном управлении. Вся социально сконструированная гендерная система трудовых и семейных отношений сдерживает потенциал женщин, не давая в полной мере раскрыть и реализовать свои знания и умения. Речь идет не о том, чтобы дать возможность женщинам полноценно участвовать в профессиональной деятельности, органично сочетая семейные и трудовые обязательства. Крайне важно изменить статус женщины в гендерной стратификации. Это можно осуществить при постоянной системно организованной деятельности всех общественных социальных институтов, которая обеспечит беспрепятственный доступ женщин к профессиональному росту, достойному социальному положению, творческому развитию и самовыражению.

С целью изучения проблемы управленческой мотивации на предприятиях РКП сентябрь-ноябрь 2018 г был проведен массовый опрос, проходивший в форме анкетирования, в котором приняли участие 520 респондентов из числа сотрудников предприятий РКП: ФГУП ЦНИИмаш – 150 человек, ПАО РКК «Энергия» – 250 человек и АО «Корпорация «Тактическое ракетное вооружение» – 120 человек.

Согласно результатам исследования, практику назначения женщин на руководящие должности одобряют подавляющее большинство респондентов (81,7%). Приятное удивление вызвал тот факт, что среди респондентов-мужчин 77% поддержали данную практику. А ведь мы говорим о предприятиях ракетно-космической отрасли, где заведомо высокий процент сотрудников мужчин. Более того, такие заявленные отличительные качества женщины-руководителя, как ответственность, профессионализм и коммуникабельность, дают основание утверждать, что при четко сложившейся гендерной асимметрии в системе управления на предприятиях РКП, женщина-руководитель имеет достойный статус. Принимая во внимание результаты многочисленных исследований, доказывающих, что умение учиться более развито у женщин, чем у мужчин, при гендерном разрыве, например, в высшей школе в 2,5 раза в пользу женщин, позволяют заявить о том, что женская половина сотрудников предприятий представляет прекрасный ресурс для внедрения инноваций.

Анализируя гендерный показатель в системе управления на предприятиях ракетно-космической промышленности, мы наблюдаем следующую картину. Видят возможность стать руководителем или занять вышестоящую руководящую должность только 29,6% женщин-респондентов и 30,5% мужчин-респондентов. При этом отрицают такую возможность более половины опрошенных женщин (51,8%) и только 12,9% мужчин (сумма ответов «Нет» и «Скорее нет»)

на вопрос: «Вы для себя возможность стать руководителем или занять вышестоящую руководящую должность?»). (Рисунок 2)

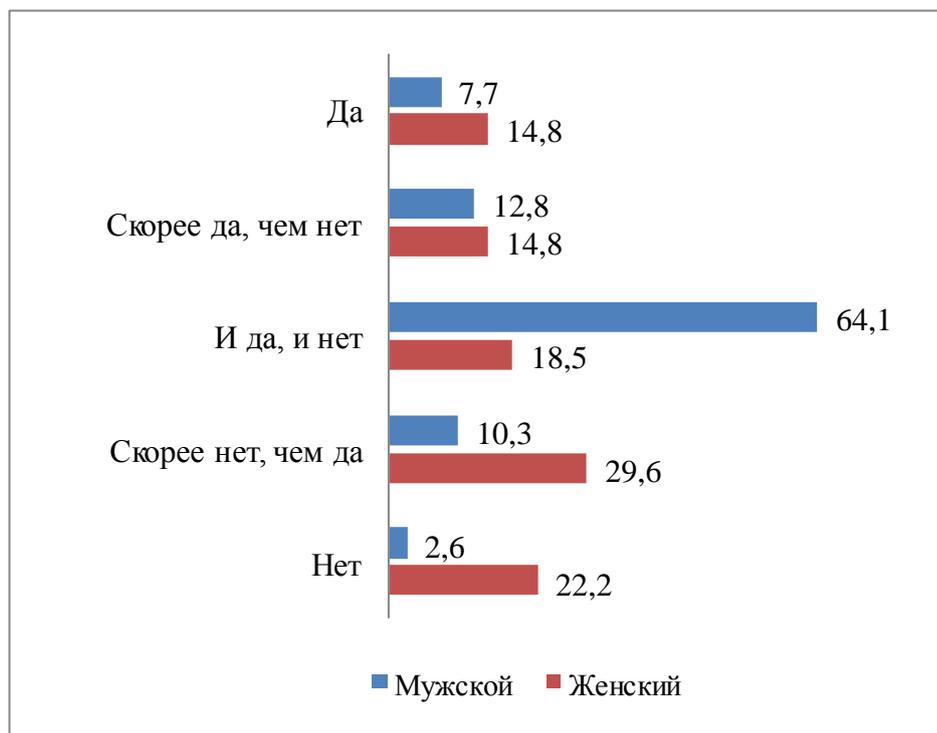

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: Видите ли Вы для себя возможность стать руководителем или занять вышестоящую руководящую должность? (в % от респондентов разного пола)

При анализе мнения респондентов об отличительных качествах мужчины-руководителя и женщины-руководителя не было выявлено принципиальных различий. Как уже было сказано выше, подавляющее большинство респондентов (81,5%) одобряют практику назначения женщин на руководящие должности. Среди наиболее характерных качеств руководителя как женщины, так и мужчины были названы: адекватность, объективность, знание производственных процессов, целеустремлённость, пунктуальность. Один из респондентов так и написал: «Пол не играет роль, главное, чтобы человек не был эгоистом, думал о сотрудниках, а не о себе».

Наряду с этим, по мнению респондентов, для мужчин-руководителей более типичным является: грамотность, компетентность, образованность, рационализм, способность принимать системные решения. В то время при оценке женщин-руководителей чаще встречались такие качества как: профессионализм, трудолюбие, коммуникабельность, эмоциональность, интуиция, забота о подчиненных, ориентация на людей, уважение к коллегам, умение найти индивидуальный подход.

Как известно, лидерами не рождаются. Лидерские качества имеют общую природу и напрямую не зависят от половых различий. Лидером может быть только личность, а не мужчина или женщина. Сегодня вопрос, может ли женщина быть лидером, уже не стоит. Важно осознать и сформулировать такие стратегии, которые позволили бы женщинам реализовать свои лидерские качества через активное участие в управлении на предприятиях. Высокий уровень образования российских женщин служит гарантией принятия ими не только уравновешанных, но и рискованных решений, так как образование позволяет увидеть больше альтернативных возможностей действий.

1. Воронина О. А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и за рубежом / Воронина О.А. // *Общественные науки и современность*. 2000. № 4. С. 9-20.
2. Кирилина Т.Ю. Анализ влияния уровня образования на конкурентоспособность населения / Т.Ю. Кирилина, Н.А. Кирилина // *Социально-гуманитарные технологии*. 2017. Т. 3. № 3. С. 85-92.
3. Кюрегян М.П. Анализ гендерного неравенства как социального феномена и его влияние на управленческую мотивацию сотрудников предприятий ракетно-космической отрасли / М.П. Кюрегян // *Alma mater (Вестник Высшей школы)*. 2019. № 5. С. 73-78.
4. Кюрегян М.П. Роль женщины в политической жизни России / М.П. Кюрегян // *Инновационные аспекты социально-экономического развития региона: сборник статей по материалам участников VI ежегодной научной конференции аспирантов «МГОТУ» 17 декабря 2015 г., наукоград Королёв* // М.: Издательство «Научный консультант». 2015. С. 195-202. (448с.)
5. Организации экономического сотрудничества и развития. https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=EAG_NEAC (дата обращения 28.02.2020)
6. Риппон Д. Гендерный мозг: современная нейробиология развенчивает миф о женском мозге // М.: Эксмо. 2019. С. 400.
7. Силласте Г.Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы / Г.Г. Силласте // *Социологические исследования*. 2004. № 9. С. 77-86.
8. Drucker Peter F. *A New Discipline*, vol. 1: Success! Januaiy-Februaiy. 1987. p. 18
9. *Global Gender Gap Report 2020*. World Economic Forum. 91-93 route de la Capite. CH-1223 Cologny/Geneva. Switzerland 2019.
10. Hyde J. S., (2005). The Gender Similarities Hypothesis. *American Psychologist*. 60 (6): 581-592.

ИМИТАЦИОННЫЕ ИГРЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПСИХОЛОГОВ

Н.Г. Жарких, кандидат психологических наук, доцент,
кафедра социальной психологии и акмеологии,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

С.С. Костыря, кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия

В статье анализируется проблема использования в подготовке бакалавров-психологов имитационных игр. Внимание к разработке и использованию имитационных игр объясняется ее непосредственной связью с требованиями современной практики в формировании у молодых специалистов профессиональных компетенций. Традиционные, классические методы обучения в высшей школе имеют свои ограничения, мало приспособлены к тем компетенциям, которые должны сформироваться у студентов – вот перечень проблем, которые сегодня активно обсуждаются педагогическим сообществом. С учетом анализа исследования показано, что имитационные игры, которые применяются в образовательном процессе, носит специфику в проявлении удовлетворенности учебной и профессиональной деятельностью: отражается на мотивации студентов и преподавателей, взаимоотношениях в группе, общей удовлетворенности работой респондентов, сформированности ряда профессиональных компетенций.

Имитационные игры, профессиональные компетенции

SIMULATION GAMES IN PROFESSIONAL TRAINING OF PSYCHOLOGISTS

N.G. Zharkih, Candidate of psychological sciences, associate professor,
Department of Social Psychology and Acmeology,
Oryol State University. I.S. Turgenev

S.S. Kostyrya, Ph. D., associate Professor of of the Department of Humanitarian and Social Disciplines,
State budgetary educational institution
of higher education of the Moscow region
"Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov ", Korolev, Russia.

The article deals with the problem of using simulation games in the training of bachelor psychologists. Attention to the development and use of simulation games is explained by its direct connection with the requirements of modern practice in the formation of professional competencies among young professionals. Traditional, classical methods of teaching in higher education have their own limitations and are not well adapted to the competencies that students should develop. This is a list of problems that are actively discussed by the teaching community today. Based on the analysis of the study, it is shown that simulation games that are used in the educational process are specific in the manifestation of satisfaction with educational and professional activities: it affects the motivation of students and teachers, relationships in the group, overall satisfaction with the work of respondents, the formation of a number of professional competencies.

Simulation games, professional competencies

В современном образовании 21 века происходят изменения ориентиров и ценностей - переход от пассивной передачи знаний к обучению студентов активно их применять на практике, уметь планировать и прогнозировать результаты своей деятельности, уметь осознанно принимать решения в различных жизненных и профессиональных ситуациях.

Для достижения вышеупомянутых целей обсуждается вопрос об использовании имитационных игр в процессе подготовки специалистов. Этот метод относят к интерактивным методам обучения. Интерактивные методы, как известно, отличаются от других тем, что позволяют организовать в процессе обучения более широкое взаимодействие студентов не только с преподавателем, но и друг с другом. Чаще всего преобладает активность самих студентов в процессе обучения. Преподаватель в них выступает как фасилитатор или наставник, тьютер – функции будут зависеть от конкретных целей занятия. (Рис 1.)

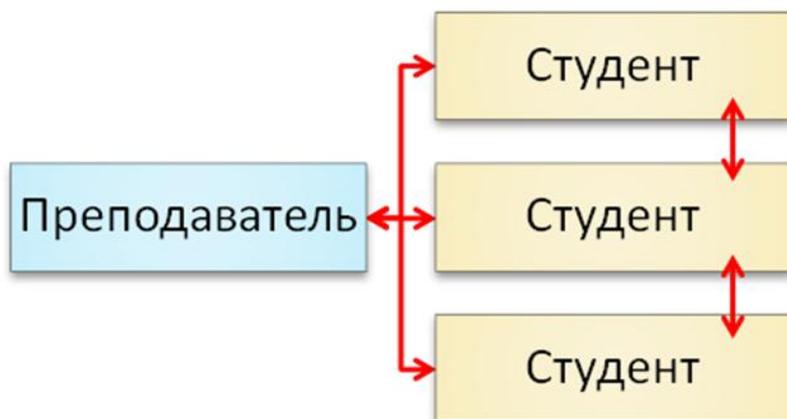

Рисунок 1 – Схема взаимодействия в процессе организации имитационных игр.

Анализ психологической и методической литературы, посвященной имитационным играм и их исследованию, показывает ряд преимуществ этих игр как метода обучения в сравнении с традиционными образовательными методами. Традиционное обучение направлено на получение готового, фактологического знания, а имитационная игра позволяет ввести это знание в смысловой контекст обучающегося, обеспечивает не просто запоминание информации, но и ее понимание и значение, что в дальнейшем способствует формированию компетентности будущих специалистов. Это достигается, за счет специально организованной совместной деятельностью участников по решению комплексной задачи (учебной или профессиональной) [1, 3]. В традиционном обучении, как известно, это сложно решить, там преобладает пассивный метод обучения и усвоения: форма взаимодействия преподавателя и студентов, в которой преподаватель является ведущим действующим лицом и управляющим ходом занятия, а студенты выступают в роли пассивных слушателей. Для сравнения представим это на схеме (Рис. 2).

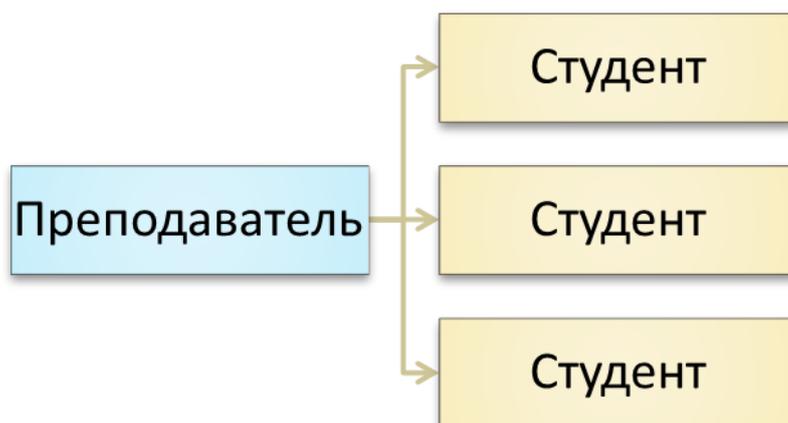

Рисунок 2 – Схема взаимодействия в процессе организации традиционных форм работы.

Мы не пытаемся противопоставить разные методы или доказывать полезность одних и неактуальность других. Различные методы используют для решения определенных учебных и воспитательных задач, для формирования определенных компетенций.

«Имитационные игры позволяют выстроить коридор предвосхищения возможных событий и смоделировать деятельность человека по решению сложных задач, данных в условиях, психологически близких к естественным. Обучение через имитационные игры происходит в процессе общения участников друг с другом (в отличие от монологичной классно-урочной системы образования), позволяет участнику приобрести опыт совместного решения проблемы, осознать индивидуальную и групповую ответственность за настоящие и будущие действия. Такие игры, в частности, создают возможность принимать проблему как лично значимую, учиться действовать в условиях неопределенности» [3].

В классификации имитационных методов можно выделить две условные группы методов: неигровые и игровые (Рис. 3)

Классификации методов обучения

Рисунок 3 – Классификация имитационных методов.

Как видно на схеме к неигровым можно отнести следующие: кейс-метод, контекстное обучение, тренинг, занятия с применением затрудняющих условий, методы группового решения творческих задач, метод развивающейся кооперации.

К игровым: мозговой штурм, деловые игры: имитационные, операционные, ролевые, метод проектов.

Применение имитационных методов обучения позволяет решить следующие задачи:

- формировать интерес к изучаемому предмету;
- развитие самостоятельности учащихся;
- формирование и развитие познавательной мотивации;
- развитие умения работать в команде и с командой;
- воспитание лидерских качеств;
- обучение коммуникативным навыкам;
- развития чувства ответственности за совместную и собственную деятельность по достижению результата;
- обогащение социального опыта учащегося путем переживания жизненных ситуаций.

Особенности активных форм организации обучения состоят в следующем:

- а) постоянное взаимодействие преподавателя и учащихся посредством прямых и обратных связей,
- б) достаточно длительное время вовлеченности учащихся в процесс,
- в) высокая активизация мышления, когда учащиеся «вынуждены» быть активными независимо от их желания,
- г) самостоятельная творческая генерация решений,
- д) повышение степени мотивации и эмоциональности обучающихся.

«Непосредственное наблюдение за ходом игры или, что еще лучше, участие в ней (по опыту автора) может способствовать квалификации процедуры проведения, стиля поведения ведущего»

го, правильности выбора аудитории, а также взаимной сочетаемости всех этих параметров, поскольку они взаимосвязаны. Не менее важным является сопоставление их с запланированной целью» [1].

Если говорить о целевых установках имитационных методов, то в ряде исследований доказывается, что именно в таком процессе развиваются softskills, которые в большей степени определяют успешность профессионала (Рис. 4)

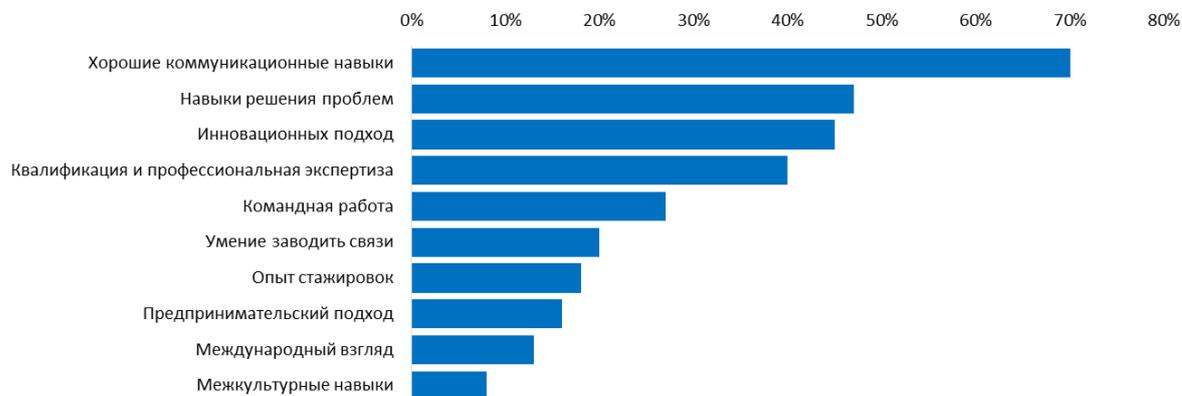

Рисунок 4 – Сформированность softskills в процессе интерактивного обучения.

Кроме softskills имитационные методы формируют как общекультурные, так и профессиональные компетенции. При анализе карты компетенций для направления подготовки 37.03.01 «Психология» были получены следующие результаты (Табл. 1):

Таблица 1 – Карта компетенций по направлению подготовки 37.03.1 «Психология»

ИМИТАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ	
Неигровые имитационные методы активного обучения	
Баскет-метод	ОК-11, ПК-2
Кейсы	ОК-5, ОК-8, ОК-9, ПК-1, ПК-3, ПК-4, ПК-11, ПК-21, ПК-22
Метод проектов	ОК-1, ОК-3, ОК-5, ОК-9, ОК-11, ОК-12, ОК-14, ОК-15, ПК-1, ПК-2, ПК-3, ПК-5, ПК-6, ПК-9, ПК-10, ПК-11, ПК-12, ПК-14, ПК-15, ПК-16, ПК-17, ПК-18, ПК-23
Тренинги	ОК-6, ОК-7, ОК-8, ОК-15, ПК-6, ПК-8, ПК-13, ПК-15, ПК-17, ПК-18, ПК-20, ПК-22
ИГРОВЫЕ ИМИТАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ	
Деловые игры	ОК-8, ПК-3, ПК-4, ПК-21, ПК-22
Рольевые игры	ОК-5, ОК-6, ОК-7, ОК-13, ПК-3, ПК-8, ПК-11, ПК-12, ПК-13, ПК-15, ПК-16, ПК-17, ПК-18, ПК-20, ПК-22

В исследовании Зайковой А.В. при анализе отзывов студентов-психологов о функциях имитационной игры в процессе обучения, были выделены следующие стратегические задачи, которые решаются с помощью игр:

- а) ускорение и облегчение процесса запоминания информации, то есть приобретение знаний;
- б) формирование сложных навыков или психологических качеств (например, принятие решения, эффективная групповая деятельность, умение четко и понятно формулировать мысль, развитие эмпатических умений);
- в) наиболее специфичной мишенью для игры (то есть, достигаемой с наибольшим эффектом именно с помощью этого средства) является воздействие на личность человека, на его

мотивационную сферу («игра помогает ставить вопросы, на которые могут быть даны ответы уже после игры»);

г) игровой метод позволяет осуществить ведущему диагностику эмоциональных, личностных и когнитивных особенностей участников, возможность использовать игровой опыт в качестве средства самопознания, самоисследования;

д) психотерапевтическую функцию (в том числе в смысле психотерапии аутентичности – человек ищет не решения каких-либо проблем, он может быть очень успешен, но так называемого личностного роста, дальнейшего развития своей индивидуальности): подобные занятия могут рассматриваться как средство повышения уверенности в себе, самооценки, предоставляется возможность убедиться в своей успешности, например, в роли лидера [1].

Факторы непродуктивного использования имитационных методов:

– теоретическая неподготовленность при работе с теми или иными имитационными методами;

– бессистемное применение имитационных методов;

– чрезмерное увлечение преподавателя имитационными играми;

– отсутствие четкого представления о результативности использования методов.

По результатам исследований имитационных образовательных игр, наибольшей эффективностью для смысловой рефлексии обладает специально организованное после игровое обсуждение в диалоге (полилоге) с другими: как участниками, так и наблюдателями за игрой. Это позволяет участникам лучше осознать, систематизировать полученный в игре опыт и тем самым добиться новых, как образовательных, так и личностно-смысловых результатов [3]. Для разработки, моделирования и пострефлексии имитационных игр для психологов-бакалавров преподавателю будет полезно проработать следующие вопросы:

Каковы образовательные задачи имитационных игр:

– какая проблема моделируется в игре, с точки зрения психологии?

– при изучении какой дисциплины можно применять эту игру-модель?

– каковы обучающие, образовательные возможности игры?

– для развития, каких компетенций (навыков, способностей, умений, качеств) можно применять эту игру-модель? Что развивает эта игра?

– каков образовательный результат игры?

– каковы недостатки и преимущества игры-модели по сравнению с другими методами обучения?

Исследовательские вопросы:

– какую проблему (вопрос, аспект), можно исследовать в игре, с точки зрения психологии?

– какова цель игры с точки зрения психологии?

– что исследует игра-модель?

– какую гипотезу выдвигал автор игры? И что он планировал получить в результате?

– какие ограничения есть у игры-модели?

Психологические аспекты:

– какие виды креативности проявляются в игре-модели?

– какие типичные реакции участников можно наблюдать в игре?

– какие виды деятельности участников организуются в игре? Какие способы, этапы освоения деятельности можно выделить?

– по каким критериям можно различать «имитационные игры» и «тренинги»?

– какими должны быть основные принципы разработчика игры-модели?

– каковы этические аспекты разработки имитационных игр?

– возникает ли в процессе игры взаимопомощь (или нарастает конкуренция участников)?

– есть ли инструменты оценки успешности разработки игры? Если их нет, что Вы предлагаете для этого использовать?

- какая активность преобладает у участников? (речевая, деятельностная) Каков характер активности? (интеллектуальный, манипулятивный, организационный)
- как оценить динамику активности группы?
- какова динамика взаимодействия в группе? (социально-психологические барьеры в имитационных играх).
- можно ли рассматривать динамичность игры как достигнутый результат?
- каков характер возникающих в игре споров?
- наблюдались ли манипуляции участниками?
- можно ли применить тесты к оценке игры, участников?

Послеигровой анализ и обсуждение позволяют ответить на вопросы об «устройстве» игры [2]. Также необходимо понимать специфику конкретной группы, в которой может проводиться игра-модель. Эти вопросы помогут авторам и организаторам сориентироваться как в самой возможности проведения игры, так и ее образовательной эффективности.

Сама процедура имитационной игры, структура и организация её создают возможности развития личности, формирования межличностных отношений в форме взаимных соглашений и консультаций по различным сферам деятельности той или иной предметной области.

Все вышеизложенное свидетельствует о высоком познавательном потенциале игр, их способности без риска и стрессов приобретать навыки и профессиональные компетенции.

Литература

1. Зайкова А.В. Психологическое сопровождение образовательных имитационных игр // Имитационные модели и игры в управлении природными ресурсами. – под науч. ред. Д.Н. Кавтарадзе // М.: Университетский гуманитарный лицей. 2004. с.44-53.
2. Кавтарадзе Д.Н., Фридман В.С., Нефёдова Т.А., Романов М.С. Интерактивные средства индивидуализации обучения при чтении массовых лекций. Опыт использования и оценка эффективности в преподавании охраны окружающей среды // Индивидуальное образование слушателей массовых лекций по курсу «Биосфера и человечество» – проблема и решение. VIII Международная конференция по экологическому образованию. Ч. I. // М.. 2002.
3. Лихачева Е.Ю. Преодоление ситуации неопределенности в имитационных играх. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук // М. 2012. 34 с.

УДК159.9

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ РАБОТНИКОВ КАДРОВЫХ СЛУЖБ

Н.Л. Захарова, доктор психологических наук, доцент,
 профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
А.П. Шлыкова, аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
 Государственное бюджетное образовательное учреждение
 высшего образования Московской области
 «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
 летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия

На основе методологических позиций психологии профессиональной деятельности определяются понятие профессиональных ценностей, структурные компоненты ценностной сферы субъекта труда. Определяются особенности развития материальных, социальных, организационных, креативных, коммуникативных, этических ценностей работников кадровых служб, а также специфика их реализации в профессиональной деятельности.

Профессиональные ценности, субъект труда, профессиональная среда, работники кадровых служб

PROFESSIONAL VALUES OF EMPLOYEES OF PERSONNEL SERVICES

N.L. Zakharova, doctor of Psychology, associate Professor,
 associate Professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines,
A.P. Shlykova, post-graduate student of Department of Humanitarian and Social Disciplines,
 State budgetary educational institution
 of higher education of the Moscow region
 "Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
 pilot-cosmonaut A.A. Leonov ", Korolev, Russia.

On the basis of the methodological positions of the psychology of professional activity, the concept of professional values, the structural components of the value sphere of the subject of labor are determined. The features of the development of material, social, organizational, creative, communicative, ethical values of personnel services employees, as well as the specifics of their implementation in professional activities are determined.

Professional values, subject of labor, professional environment, personnel services

В современной ситуации развития общества в целом и в сфере профессиональной деятельности в частности значимым компонентом развития личностного потенциала человека становится формирование ценностной сферы, профессионально-карьерных ориентиров, способствующих достижению общественно значимых результатов трудовой деятельности, развитию профессионального межнационального и межкультурного взаимодействия.

В контексте проблемы развития субъекта профессиональной деятельности особенно актуальным является исследование особенностей профессиональных ценностей работников кадровых служб. Именно данные сотрудники являются специалистами, которые сопровождают процесс профессионального становления и развития субъекта деятельности в условиях профессиональной среды организации. Безусловным является тот факт, что процесс профессионального сопровождения специалистов организации (предприятия) предъявляет особые требования к ценностной сфере сотрудников, включенных в систему развития

профессионала. Выявление закономерностей формирования и развития профессиональных ценностей позволит расширить имеющиеся теоретические обоснования становления субъекта деятельности в современных социально-экономических условиях.

Отечественные и зарубежные ученые неоднократно обращались к проблеме профессиональных ценностей. В настоящее время существует множество подходов к изучению вопроса ценностей, развития ценностной сферы субъекта деятельности, к определению методологических положений, раскрывающих подходы к процессу формирования и развития ценностно-мотивационной сферы в условиях организационной культуры. Исследованы структурные характеристики профессиональных ценностей (Е.И. Головаха, А.А. Ларионова-Кречетова, Ш. Шварц, Х. Шалом и др.), общие закономерности развития профессиональных ценностей (В.В. Байлук В.А. Бодров, А.А. Деркач, Э.Ф. Зеер и др.), выявлена специфика профессиональных ценностей у различных социальных групп (Баева Л.В., Э.А. Беглярова, О.А. Овсяник, В.В. Пашилина, А.А. Попов, Л.В. Царькова и др.).

Для нашего исследования являются значимыми работы В.М. Львова И.С.Скляренко, В.Д. Шадрикова, Н.Л. Шлыковой, в которых определяются методологические основы определения уровня развития профессиональных ценностей, обосновываются теоретические основы и методические положения, значимые в процессе измерения профессиональных ценностей субъекта деятельности.

В.В. Байлук рассматривает профессиональные ценности в контексте самореализации личности в трудовой деятельности [2]. Ряд авторов предлагает дифференцировать ценности как внешние и внутренние [1; 3; 5]. К внешним ценностям относят материальное вознаграждение за труд, коммуникативную деятельность, вклад в общественное развитие, престижность деятельности, власть. Среди внутренних ценностей рассматривают личностную самореализацию, интерес, возможность творческой деятельности. Основой классификации ценностей, предлагаемой Е.И. Головаха, является их отнесенность к сфере реализации. Так, ценности могут быть реализованы в профессиональной деятельности; ценности как результат труда, ценности, реализуемые вне профессиональной деятельности [3]. Действительно, профессиональные ценности могут быть связаны с отношениями субъекта труда к объекту профессиональной деятельности или относиться к составляющим процесса труда.

Э.Ф. Зеер рассматривает профессиональные ценности как неотъемлемый компонент личностной структуры субъекта труда. Очевидно, что в ценностях проявляется уровень профессиональной рефлексии, при этом ценности являются фактором мотивации труда [4].

С точки зрения системогенетического подхода профессиональные ценности определяются в рамках функционального анализа [8]. Они включены в психологическое содержание профессиональной активности субъекта. Профессиональные ценности определяют организационную культуру, а система ценностных ориентиров членов организации определяет способность организации к адаптации в различных социально-экономических условиях [7].

В нашем исследовании под профессиональными ценностями мы понимаем систему значимых для субъекта факторов профессиональной среды, определяющих специфику развития человека в профессии и реализацию его личностно-профессионального потенциала. Профессиональные ценности работника кадровых служб имеют принципиальное значение для выработки индивидуального стиля деятельности, взаимодействия с потенциальными сотрудниками организации, процесса профессионального отбора и аттестации работников.

Исходя из того, что кадровая работа включает в себя использование различных практических методик, функционирующих в определенных ценностных рамках, кадровый работник должен соотносить личностные ценности с ценностями организационной культуры. Профессионал постепенно усваивает ценности профессии, развивая и раскрывая собственный личностно-профессиональный потенциал. Сформированная система профессиональных ценностей является показателем зрелости личности субъекта профессиональной деятельности.

В настоящее время психологическая наука располагает значительным теоретическим и эмпирическим материалом, раскрывающим многие аспекты ценностей субъекта деятельности. Однако, в научной литературе недостаточно исследований, посвященных особенностям профессиональных ценностей работников кадровых служб, реализующих значимую для профессионального сообщества кадровую стратегию.

Целью нашего исследования явилось определение особенностей профессиональных ценностей работников кадровых служб. Наша методика исследования профессиональных ценностей основывается на положении о том, что профессиональные ценности являются отражением в сознании человека значимых факторов профессиональной среды.

В работе анализируются профессиональные ценности, представляющие собой ориентиры трудовой деятельности, жизнедеятельности человека в целом [9]. Это организационные, креативные, материальные, социальные, этические, коммуникативные ценности.

Организационные ценности связаны с наличием у субъекта потребности в определенных условиях организации рабочего места, среды, культуры организации. Субъекты с доминированием организационных ценностей придают большое значение временной регламентации трудовых операций и действий, наличию четко обозначенных функциональных и должностных обязанностей, выполнению со стороны руководства требований санитарно-гигиенических норм трудового процесса; предпочитают в большей степени исполнительскую, а не руководящую деятельность.

Креативные ценности связаны с наличием возможности творчества и самостоятельности в трудовой деятельности. Выраженные у субъекта ценности креативной сферы характеризуют субъекта как человека, мотивированного к выполнению нестандартных задач, инновационной деятельности, испытывающего потребности в реализации своего личностного и профессионального потенциала в творчестве, создании новых объектов, средств, продуктов труда.

Материальные ценности связаны с факторами вознаграждения за выполненную работу. Человек с доминирующими материальными потребностями, «жадный до денег» (по Г.Тэйлору), готов к работе лишь при условии достаточного для него уровня материального вознаграждения, он может пожертвовать интересами организации, возможностью творческой работы, если это неблагоприятно скажется на его материальном достатке. Такие люди, как правило, стремятся к повышению квалификации, карьерному росту и другим внешним показателям профессионализма с целью достижения высокого материального статуса.

Социальные ценности означают стремление человека обеспечить свое благополучие наличием социальных факторов: льготы на оплату жилья, досрочный выход на пенсию, предоставление путевок в оздоровительные учреждения, наличие возможности приобретения жилья, бесплатный проезд на общественном транспорте и т.п.

Этические ценности субъекта выражены у субъекта в потребностях честных, «прозрачных» отношениях со стороны руководства, коллег, клиентов. Люди с выраженными этическими ценностями обладают развитыми нравственными качествами, не отступают от своих принципов в неопределенных ситуациях, не поощряют и не используют манипулятивных установок в общении.

Коммуникативные ценности связаны с факторами общения и взаимодействия профессиональной среды. Субъект с доминированием коммуникативных ценностей, как правило, обладает экстравертированными чертами, избегает конфликтности, придавая большое значение эмоционально окрашенным отношениям между членами коллектива. Для такого человека профессиональная среда – не просто место работы, а группа людей, объединенных одной целью и имеющих похожие по содержанию переживаний, мыслей, проблем.

С целью определения особенностей ценностной сферы работников кадровых служб нами был использован опросник «Ценностные ориентации субъекта деятельности» Н. Л. Шлыковой. В предлагаемом опроснике 67 шкал, отражающих факторы профессиональной среды, по каждой из которых необходимо дать своё мнение о значимости фактора и его реализации в трудовой деятельности. Респонденты должны оценить по 10-балльной шкале значимость определенного факто-

ра профессиональной среды, а также полноту проявления фактора в профессиональной деятельности.

В исследовании приняли участие работники кадровых служб г. Москвы. Общий объем выборки составляет 51 человек. Средний возраст испытуемых -37 лет. Обработка полученных результатов осуществлялась с помощью пакета статистических программ «Statistica 21.0».

В ходе исследования были получены высокие баллы по всем шкалам, отражающим значимость факторов профессиональной среды (от 6,5 до 8,6 б.) что говорит о высоком значении для респондентов всех факторов профессиональной среды. При этом максимального значения (10 б.) не выявилось ни по одному из факторов (рисунок 1).

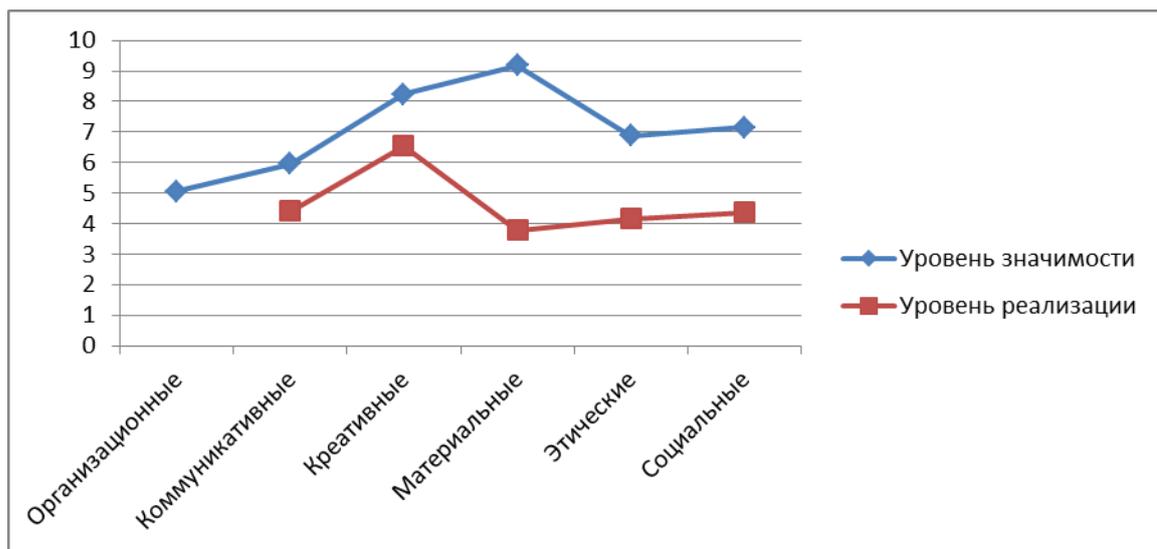

Рисунок 1 – Уровень развития профессиональных ценностей и уровень реализации ценностей в деятельности (среднее по группе)

Ведущий ранг среди показателей значимости факторов профессиональной деятельности занимают ценности материальной сферы ($\bar{x}=9,18$). Для респондентов наиболее значимым является вознаграждение за труд, которое должно соответствовать объёму, сложности, ответственности за выполненную работу. Полученные эмпирические данные показывают общую тенденцию: главной ценностью у большей части народонаселения является экономическое накопление [1]. Можно предположить, что выраженность ценностей материальной сферы является показателем стремления людей к безопасности собственного существования. При анализе данных выделяется лидер ценностей материальной сферы: вознаграждение за работу должно соответствовать ее объёму и сложности. Это можно объяснить тем, что объем и качество функциональных обязанностей сотрудников увеличиваются в связи с быстрыми изменениями, связанными с ростом многообразия и вариативности технического обеспечения труда.

Полнота проявления факторов по ценностям материальной сферы составляет 3,78 б. Уровень удовлетворенности реализацией материальных ценностей находится на достаточно низком уровне у данной группы испытуемых. При этом в данной выборке отсутствуют работники, полностью удовлетворенные реализацией ценностей материальной сферы. Разрыв между желаемым и реальным говорит о недостаточном, с точки зрения респондентов, вознаграждении в соотношении с ее объемом, сложностью, качеством выполненной работы.

Второй ранг среди показателей значимости факторов ценностей профессиональной деятельности занимают ценности креативной сферы, к которой относится возможность самореализации.

ции через проявление инициативы и самостоятельности при выполнении функциональных обязанностей.

Среднее значение значимости этого фактора для специалистов кадровых служб равно 8,24 б. Наиболее значимым фактором является «отсутствие жесткого регламента в работе» ($\bar{x}=8,78$). Для работников кадровых служб, согласно данным, является препятствием наличие временного регламента деятельности, ограничение свободы в выборе действий или трудового поста. Очевидно, что такая ситуация может негативно сказываться на профессиональном развитии, реализации личностно-профессионального потенциала работника. Полнота проявления фактора выражена 6,54 баллами. Показатель полноты проявлений фактора у испытуемых ниже уровня значимости данной группы ценностей для испытуемых.

Третий ранг среди показателей значимости факторов ценностей профессиональной деятельности занимают ценности социальной ($\bar{x}=7,14$) и этической сфер ($\bar{x}=6,88$). В наибольшей степени значимым является фактор «предоставление жилья». Социальная сфера (льготы, гарантии, нематериальное вознаграждение) является в определенной степени выражением ценностей материального характера. В данном случае респонденты полагают, что их ценности реализуются меньше, чем наполовину ($\bar{x}=4,36$). При ранжировании показателей полноты проявлений факторов показывает, что ценности социальной сферы удовлетворены в меньшей степени, чем все остальные.

В этической сфере наиболее значимым является фактор «отсутствие манипулятивных форм взаимодействия руководства и подчиненных» ($\bar{x}=6,91$). Работники кадровых служб выражают стремление, таким образом, к деятельности в профессиональной среде, отвечающей их этическим ценностям. В целом уровень удовлетворенности ценностей этической сферы также выражен в данной группе испытуемых достаточно слабо ($\bar{x}=4,16$). Это может свидетельствовать, что в работе руководителей организаций присутствует нарушение этических норм.

Четвертый ранг среди показателей значимости факторов ценностей профессиональной деятельности занимают ценности коммуникативной ($\bar{x}=5,96$) и организационной ($\bar{x}=5,06$) сфер. Среди коммуникативных факторов наибольшую ценность для работников представляет «наличие психологической поддержки со стороны руководства» ($\bar{x}=6,11$). Работники придают значение качеству внутренних коммуникаций, позволяющих полноценно исполнять служебные обязанности и влиять на процесс принятия решений в организации. Значение полноты проявления ценностей коммуникативной сферы – 4,41 б. По данному фактору уровень расхождения между показателями значимости и полноты проявления достаточно высок, что может свидетельствовать о наличии негативных переживаний у работников, связанных с социально-психологическим климатом в организации.

Среди факторов организационной сферы наиболее значимым является «рациональная продолжительность дня» ($\bar{x}=5,41$). При этом респонденты отмечают также отсутствие сменного или ночного характера работы, отсутствие частых и длительных командировок. Полнота проявления факторов ($\bar{x}=4,81$) незначительно отличается от значений значимости, что свидетельствует об удовлетворенности работников организационной сферой. Можно заключить, что в организациях в целом созданы условия, удовлетворяющие потребности сотрудников в качественных организационных условиях.

Обобщая полученные результаты, мы можем отметить, что в группе специалистов по кадрам неудовлетворенными являются ценности профессиональной, коммуникативной, креативной и, в особенности, материальной, социальной и этической сфер, а наиболее удовлетворенными являются ценности организационной сферы.

Низкий уровень удовлетворенности может негативно сказываться на уровне психологической безопасности респондентов, так как условия для деятельности могут вступать в противоречие с потребностями, лежащими в основе профессиональных ценностей работника. Это приводит к деструктивным психологическим изменениям, проявляющимся в повышении уровня тревожности,

профессиональной деформации, неясности жизненных ориентаций, в итоге, к снижению уровня эффективности деятельности организации.

Корреляционный анализ с помощью ранговой корреляции Спирмена показал, что существует прямо пропорциональная зависимость между фактором G (личный опросник Кеттелла) и профессиональными ценностями сотрудников ($r=0,721$). Полученные результаты показывают: факторы профессиональной среды тем более значимы, чем выражены у специалиста настойчивость, сознательность, надежность, требовательность к себе, склонности руководствоваться чувством долга.

Таким образом, выявлено, что все факторы профессиональной сферы имеют большую значимость для респондентов. Наибольшую ценность представляют факторы материальной составляющей деятельности. При этом выявилось, что кадровые работники различных кадровых служб не удовлетворены степенью реализации их ценностей в профессиональной деятельности. Определено, что при высокой нормативности поведения наиболее развиты ценности организационной и коммуникативной сфер профессиональной среды.

Анализ результатов исследования позволяет говорить о необходимости формирования рациональной организационной среды, включающей производственные, организационные, коммуникативные, социальные, материальные, этические факторы. Производственная среда при этом является динамичной системой условий функционирования и развития работника при осуществлении им профессиональной деятельности [6]. Целенаправленное управление организацией совокупностью компонентов среды способствует высокому уровню профессиональных достижений сотрудников, эффективности деятельности предприятия. Важным является создание условий, при которых ценностные ориентации были бы удовлетворены в профессиональной деятельности сотрудников. Для этого необходимо создание системы психологической, консультативной поддержки работников всех структур, основанной на диагностике личностных качеств и индивидуальных ценностей субъектов профессиональной деятельности.

Научные исследования сферы профессиональных ценностей и личностных особенностей субъекта деятельности позволяют найти возможные варианты стимулирования через реализацию целевых установок работников и повысить степень удовлетворенности трудом.

Литература

1. Обознова А.А., Журавлёва А.Л.. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 5 // М.: Ин-т психологии РАН. 2013. 432 с.
2. Байлук В.В. Ценности профессиональной самореализации личности // Педагогическое образование в России. 2015. № 3. С. 19-26.
3. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. Л. В. Куликов // СПб.: Питер. 2000. С. 256–269.
4. Зеер Э.Ф., Павлова А.М. Психология профессионального образования: практикум: учеб. пособие для студентов высш. учеб. Заведений // М.: ИЦ «Академия». 2008. 144 с.
5. Складенко И.С. Теория и практика формирования профессиональных ценностных установок у студентов высших учебных заведений: дис. ... д-ра педагог. Наук // М. 2011. 535 с.
6. Львов В.М., Багрецов С.А., Шлыкова Н.Л. Управление человеческими ресурсами в эргатических системах: учеб. пособ. для вузов // Тверь: Триада. 2004. 227 с.
7. Львов В.М., Нагиева О.В. Концепция определения организационной культуры в развивающейся России//Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики.2006.№ 1. С.59-68.
8. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности // М.: наука.1982.

9. Шлыкова Н.Л. Психологическая безопасность субъекта профессиональной деятельности // Тверь: Триада.2004.151 с.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА АНДЕРРАЙТЕРОВ СТРАХОВЫХ КОМПАНИЙ

М.В. Капранова, кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин

А.А. Белякова, магистрант 1 курса

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области

«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия

В статье рассматриваются психологические методики диагностики профессионально важных качеств андеррайтеров страховых компаний с помощью конкретных методов тестирования, наблюдения и кейсов, также в статье проводится корреляция между показателями эффективности сотрудника и результатами диагностики. Новизна данной статьи заключается в выявлении профессионально важных качеств сотрудников в сфере андеррайтинга на страховом рынке и анализируются психологические аспекты необходимые для эффективной диагностики персонала в данной области.

Оценка персонала, диагностика персонала, профессионально важные качества, андеррайтинг, страховые компании.

PSYCHOLOGICAL PERSONNEL ASSESSMENT OF UNDERWRITERS OF INSURANCE COMPANIES

M.V. Kapranova, Ph.D, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines

A.A. Belyakova, 1st year master's student

State budgetary educational institution

of higher education of the Moscow region

«Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov», Korolev, Russia

The article uses psychological methods for assessment of professional qualities by the methods of research, observation, and cases, and the article correlates between employee performance indicators and diagnostic results. A new article is to identify professional, high-quality employees in the insurance market and analyze the psychological aspects necessary for diagnosing personnel in this area.

Personnel assessment, professional qualities, underwriting, insurance companies.

Актуальность темы, предлагаемой для обсуждения, обосновывается тем, что последнее время в бизнесе прослеживается тенденция к повышению значимости трудовых ресурсов в организации. Для руководителей становится все более важным подбирать наиболее эффективных сотрудников, которые могут повысить конкурентоспособность организации на внутренних и внешних рынках и как следствие увеличить прибыль компании.

Особенно заметна такая тенденция на рынке страховых услуг для должностей андеррайтеров, поскольку андеррайтинг является одним из главных бизнес-процессов страховых организа-

ций, а также в связи с высоким уровнем конкуренции на рынке страхования в России и за рубежом.

Основываясь на вышесказанном можно говорить о значительной важности подбора андеррайтеров страховых компаний, однако, необходимо тщательно подбирать методики оценки трудовых ресурсов в данной сфере и учитывать личные и профессиональные качества сотрудников. Целью данной работы является демонстрация опыта разработки программы диагностики персонала.

В ходе разработки программы последовательно решены следующие задачи:

1. Охарактеризовать профессиональную деятельность и профессионально-важные качества сотрудников страховой организации.
2. Разработать программу психологической диагностики сотрудников исследуемой организации
3. Обосновать эффективность предлагаемой программы.

Организация, на базе которой выполнялось данное исследование, осуществляет свою деятельность на российском и международном рынке в сфере кредитного страхования. Кредитное страхование обеспечивает надежное взаимодействие между контрагентами, поскольку позволяет снизить риски, касающиеся дебиторской задолженности поставщика и позволяет покупателю получать рассрочку на оплату товаров, что повышает возможность оборота без задействования банковских кредитов.

Андеррайтеры страховых организаций в области кредитного страхования занимаются следующей деятельностью:

- Производят анализ контрагентов и подготавливают лимитные решения;
- Обрабатывают запросы на установление новых и верификацию действующих кредитных лимитов на контрагентов страхователей;
- Изучают сектора экономики, в которых ведут деятельность страхователи;
- Подготавливают аналитические справки по деятельности страхователей;
- Занимаются инициированием или изменением текущих договоров страхования;
- Производят мониторинг текущего состояния страхователей и их дебиторов;
- Осуществляют аналитические отчеты перед перестраховщиками;

Исходя из характеристики деятельности андеррайтеров, можно выявить следующие профессионально-важные качества:

1. Инициативность – способность личности к самостоятельной деятельности, умственная волевая активность, своевременно проявляемая в организации действий, направленных на достижение личных профессиональных целей и целей организации в целом.
2. Навыки делового общения. В данные навыки включаются: доброжелательность по отношению к потенциальным и текущим клиентам, содержательность разговора, структурность речи, умение сглаживать конфликты во время общения, отсутствие повышения тона или грубых выражений во время общения.
3. Способность четко понять поставленные задачи.
4. Высокий уровень стрессоустойчивости.
5. Навыки работы в команде.

Для диагностики персонала организации данные профессионально-важные качества будут использованы как анализируемые показатели, для оценки которых будет разработана психологическая программа.

Для оценки профессионально важных качеств сотрудников была разработана программа, которая включила в себя 3 методики. Каждая методика оценивала один или несколько показателей. Пилотажная выборка для диагностики составила 7 сотрудников департамента андеррайтинга.

Первой используемой методикой был выбран тест «Диагностика эмоционального выгорания (К.Маслач, С. Джексон)» для того, чтобы оценить степень эмоционального выгорания сотруд-

ников по трем шкалам (эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция личных достижений) и стрессоустойчивости.

Результаты тестирования сотрудников представлены на рисунке 1.

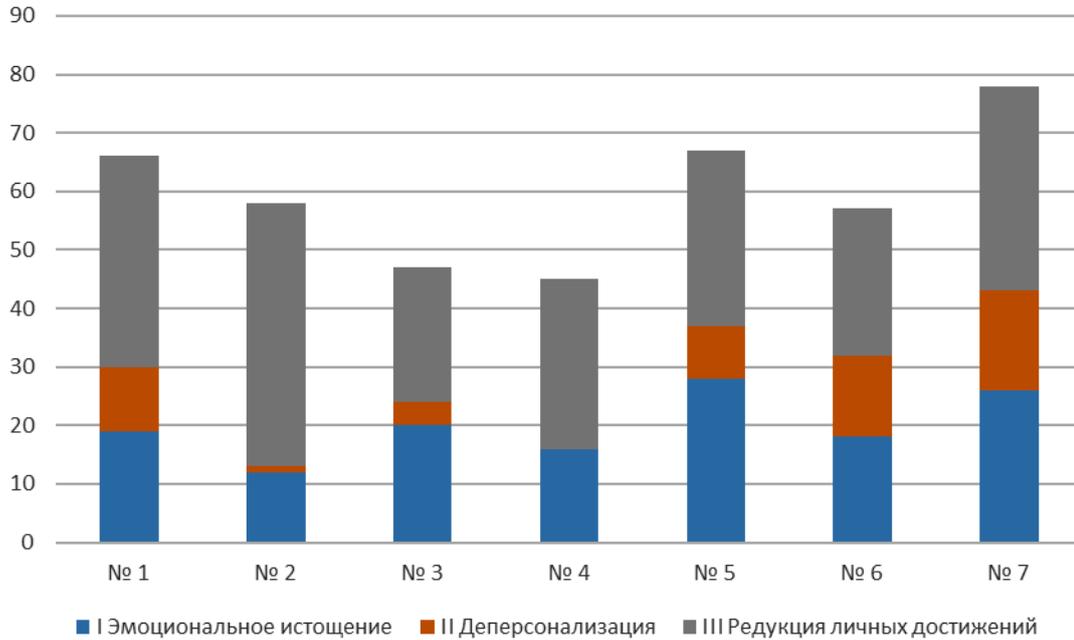

Рисунок 1 – Диагностика эмоционального выгорания

Исходя из полученных данных во время тестирования, можно сделать вывод о том, что только один сотрудник департамента андеррайтинга имеет низкий уровень эмоционального истощения, у четырех сотрудников выражено эмоциональное истощение средней степени и два сотрудника имеют высокий уровень эмоционального истощения.

По шкале деперсонализации можно отметить, что три сотрудника имеют низкий уровень деперсонализации, у одного сотрудника выявлен средний уровень деперсонализации и 3 сотрудника имеют высокий уровень деперсонализации.

Шкала редукции личных достижений выявила у одного сотрудника низкий уровень, у четырех сотрудников высокий уровень и у двух андеррайтеров средний уровень.

По сумме всех шкал видно, что наибольший уровень профессионального выгорания был выявлен у сотрудников №7,5,1.

Следующая методика для диагностики навыков делового общения была сформирована с помощью чек-листа с наиболее необходимыми качествами в деловом общении для сотрудников департамента андеррайтинга. Для оценки данного профессионально-важного качества была произведена выборка по 4 телефонных разговора с клиентами для каждого сотрудника, а также по 4 деловых переписки. Полученные данные по данной методике представлены на следующем рисунке:

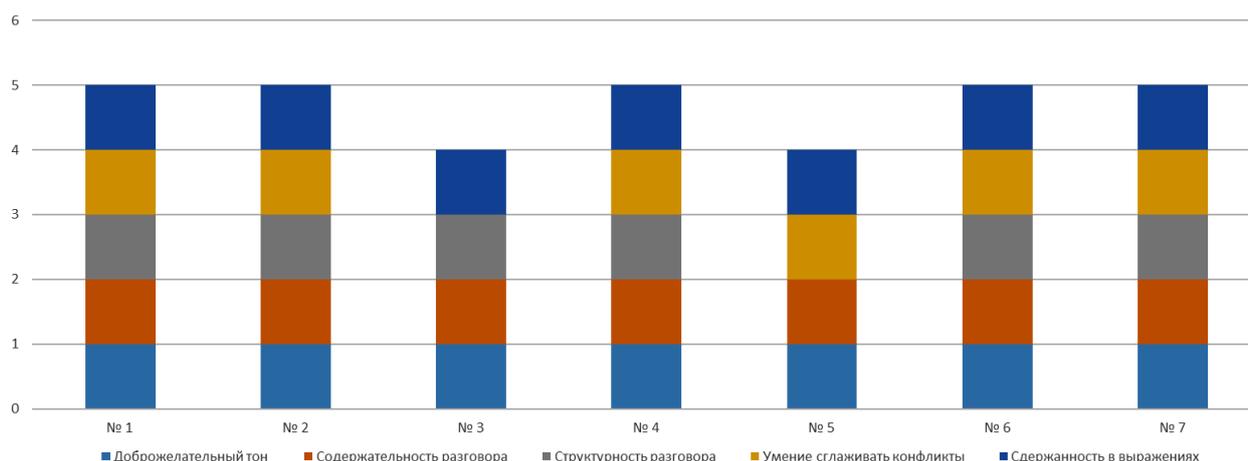

Рисунок 2 – Оценка компетенций делового общения

Как представлено на диаграмме только два сотрудника не полностью соответствуют целевым показателям навыкам делового общения. У сотрудника №3 обнаружены недостатки в умении сглаживать конфликты в ходе разговорах с клиентами, что не приводит к наиболее эффективным для организации результатам, а также у сотрудника №5 выявлены недочеты касательно структурности разговора, которые были выявлены в ходе общения с клиентами.

Последняя методика была проведена с помощью моделирующей игры «Волшебная лампа» где оценивались следующие показатели:

- Инициативность
- Способность четко понять поставленные задачи
- Умение прислушиваться к чужому мнению
- Лидерские качества
- Открытость

Во время игры по каждому из этих качеств были проставлены баллы от 1 до 10 для каждого сотрудника, ниже представлены результаты игры в виде таблицы и диаграммы.

Таблица 1 – Результаты моделирующей игры «Волшебная лампа»

Респонденты	Инициативность	Способность понять поставленные задачи	Умение прислушиваться к другому мнению	Лидерские качества	Открытость
№ 1	8	6	5	7	9
№ 2	9	7	4	5	9
№ 3	4	8	8	4	3
№ 4	3	7	7	2	5
№ 5	7	7	8	6	8
№ 6	9	8	4	8	7
№ 7	4	9	6	7	6

Согласно результатам данной методики по профессионально-важному качеству «инициативность» самые высокие баллы получили сотрудники №2 и №6, в целом в данном показателе выявлена явная неоднородность сотрудников департамента андеррайтинга, т.к самый высокий показатель составляет оценку 9 а самый низкий показатель у сотрудника №4 составляет 3 балла.

Следующее профессионально-важное качество «способность понять поставленные задачи» более однородно, самый высокий балл получил сотрудник №7, который составил 9 баллов, а самый низкий балл получил сотрудник №1 с результатом в 6 баллов.

По параметру «умение прислушиваться к другому мнению» интересно отметить, что самые низкие баллы получили сотрудники, которые были наиболее инициативны в ходе проведения данной игры, а самые высокие баллы по данному параметру получили сотрудники, которые имели не столь высокие баллы по ПВК инициативность, что может говорить о сбалансированности коллектива.

По ПВК «Лидерские качества» наиболее высокий балл получил сотрудник №6, а наиболее низкий – сотрудник №4, в целом по данному параметру также можно говорить о большом разрыве в выборке, т.к наибольший балл составляет 8, а наименьший только 2 балла.

И последняя исследуемая характеристика «Открытость» показала, что андеррайтеры №1,2 имеют почти максимальный показатель – 9 баллов, а сотрудник №3 получил наименьший балл – 3.

Для обоснования эффективности программы необходимо проанализировать полученные данные методик и полученные данные об эффективности выполнения плана сотрудниками за 2019 год.

Ниже представлена таблица с данными по эффективности работы сотрудников за 2019 год в относительных показателях.

Таблица 2 – Эффективность выполнения плана сотрудниками департамента андеррайтинга

Сотрудник	Показатель эффективности, %
№1	100
№2	100
№3	98
№4	75
№5	100
№6	100
№7	85

Далее для обоснования эффективности методик необходимо рассчитать коэффициенты корреляции и представить их в виде таблицы (таблица 3).

По результатам данной таблицы можно сделать вывод о том, что между показателями эффективности сотрудников и тестом на диагностику эмоционального выгорания выявлена очень слабая корреляция по всем шкалам, что говорит о том, что данная методика слабо подходит для диагностики персонала департамента андеррайтинга.

Методика по навыкам делового общения, составляющая -0,34 также имеет слабую корреляцию между анализируемыми показателями.

Таблица 3 – Коэффициенты корреляции результатов психодиагностики и показателей эффективности

Показатель методики	Коэффициент корреляции с показателями эффективности
Тест «Диагностика эмоционального выгорания»:	
- общий балл;	0,17
- шкала эмоциональное истощение;	0,011
- шкала деперсонализация	0,19
- шкала редукция личных достижений	0,09
Чек-Лист по навыкам делового общения	- 0,34
Методика – игра «Волшебная лампа»:	
Инициативность	0,79
Способность понять поставленные задачи	-0,24
Умение прислушиваться к другому мнению	-0,28
Лидерские качества	0,57
Открытость	0,46

Вместе с тем, результаты анализа корреляции по методике «Волшебная лампа» позволяют увидеть перспективность ее использования для анализа значимых профессионально важных качеств «инициативность» и «лидерство». При этом очевидно, что использование данной методики в процедуре оценки персонала требует корректировки выносимых на анализ критериев.

Это означает, что представленный вариант разработанной программы оценки персонала на настоящий момент нуждается в доработке.

В целом можно сделать вывод о том, что диагностика сотрудников является действительно сложным и важным процессом для страховых организаций, однако, необходимо учитывать множество факторов, как личных психологических черт сотрудников, так и их профессиональных качеств.

Литература

1. Басманова Н.И., Капранова М.В. Концепция разработки системы социально-психологической диагностики управленческого резерва // Социально-гуманитарные технологии. 2018 № 1(5). С. 37-42.
2. Иванова С.В. Поиск и оценка линейного персонала: Повышение эффективности и снижение затрат // М.: Альпина-Паблицер. 2018. 129 с.
3. Мизинцева, М. Ф. Оценка персонала : учебник и практикум [Электронный ресурс] / М. Ф. Мизинцева, А. Р. Сардарян // М.: Юрайт. 2014. 378 с. // ЭБС Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/377524>
4. Реймаров Г.А. Комплексная оценка персонала. Инженерный подход к управлению качеством труда // М.: URSS. 2017. 422 с.

УДК 378

ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТРЕССА: АНАЛИЗ МЕТОДИК И ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЙ

Е.О. Смолева, научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН), г. Вологда

Актуальность исследования причин и последствий стресса, преобладающих копинг-стратегий населения России обусловлена повышенными нагрузками в виде резкого изменения социальной реальности, и как следствием, ухудшением общественного психического здоровья. Целью работы является анализ методик измерения и опыта исследований социального стресса. Показано, что проблемными областями эмпирического исследования стресса на основе субъективных оценок являются надежность и валидность инструментария, наличие искажений результатов при использовании одной анкеты для выявления причин и проявлений стресса, ретроспективность методик, построение опросников, исследующих копинг-поведение, безотносительно к конкретным жизненным ситуациям.

Стресс, стрессоры, копинг-стратегии, критические жизненные события

THE MEASURING OF SOCIAL STRESS: ANALYSIS OF RESEARCH METHODS AND EXPERIENCE

E.O. Smoleva, researcher of the Department of research on the level and lifestyle of the population, Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VolSC RAS), Vologda

Monitoring the causes and consequences of stress is important at the personal and state levels because of the increasing prevalence of stress in modern societies. The article deals methods for measuring social stress and experience of social stress research. Problems of empirical stress research based on subjective assessments are the reliability and validity of the tools, the presence of distortions in the results when using a single questionnaire to identify the causes and manifestations of stress, retrospectivity of methods. There is a serious shortage of reliable and valid diagnostic tools that would allow us to assess the sources and level of social stress.

Stress, stressors, coping strategies, critical life events

Стресс перманентно присутствует в повседневной жизни современного человека. Чтобы справиться с его проявлениями – ухудшением психического и физического состояния, снижением результативности и успешности в профессиональной деятельности и т.д. – необходимы знания о природе и факторах стресса, конструктивном копинге, эффективном использовании всех имеющихся у индивида ресурсов.

Ганс Селье, когда в прошлом веке ввел в научный оборот понятие «стресс», наверное, не думал, что оно приобретет такую популярность и в «жизнейском» лексиконе. Границы употребления термина стали сверх меры размытыми, а ученые так и не пришли к единому мнению по поводу природы понятия. Что обозначает «стресс»? Неблагоприятную ситуацию, постоянное негатив-

ное воздействие, специфическую реакцию организма или особенности поведения, снижение продуктивности профессиональной деятельности? Отсутствует точное определение стресса, а попытки исследователей в этом вопросе носят фрагментарный характер, диктуемый рамками предметного поля различных научных отраслей [17, с. 105]. Методологические затруднения вызывает существование множества разновидностей стресса: биологический (физиологический), эмоциональный, психологический (в том числе профессиональный, информационный, травматический, посттравматический, организационный), социальный. Более того, не существуют и четких разграничений указанных разновидностей стресса. Например, недостаток или избыток информации относится к ситуациям информационного стресса, а негативный характер информации, транслируемый СМИ, который заставляет индивида строить неблагоприятные личностные прогнозы, является фактором социального стресса. Все это требует тщательного подхода к обоснованию теоретико-методологических основ изучения стресса.

Мониторинг причин, проявлений и последствий стресса важен как на личностном уровне, так и на уровне государства. Стрессовая симптоматика достаточно разнообразна. Чаще всего распространение стресса среди населения отслеживают косвенно с помощью эпидемиологических методов по показателям болезненности депрессиями, неврозами и др. психическими заболеваниями, уровню суицидов и употребления психоактивных веществ. На уровне индивида специалисты оценивают величину стресса по изменениям психического состояния, проявляющихся в эмоциональной, когнитивной и поведенческой сферах.

Кроме мониторинга распространения стрессовых состояний, представляется достаточно важным знание об овладающем поведении населения. В России выявление наиболее часто используемых населением копинг-стратегий актуально в связи с повышенной стрессовостью, обусловленной нагрузкой внешней среды, включая экономические кризисы, изменения социальной структуры общества [7]. Полученные знания на практике будут востребованы специалистами в области психического здоровья населения для поддержания психологического благополучия и успешности различных видов деятельности (учебной, профессиональной, спортивной).

Объектом нашего исследования является социальный стресс, под которым мы будем понимать неспецифические реакции социальных агентов (индивидов и социальных групп) на ситуации, которые затрагивают сферу межличностных отношений, социальную среду и требуют адаптации на уровне диспозиций / габитусов. Выделение социального стресса в отдельную категорию мы обосновываем социальным характером стрессоров – факторов стресса. Такое четкое разделение позволит нам избежать методологической ловушки, когда исследователь относит один признак к источникам, и к реакциям (например, беспокойный сон, нарушения режима дня).

Целью статьи является анализ методик измерения социального стресса и стратегий совладания с ним, обобщение опыта социологических исследований.

Результаты исследования. Существующие методики измерения стресса основываются на двух концептуальных направлениях: стимул-реакционном (итеракционное) и транзакционном. В первом случае, выявляют линейную связь стрессора с реакцией человека, во втором – опосредованную когнитивной составляющей, но внимание смещается именно на когнитивные процессы [13]. Методически подходы различаются по квантифицируемым оценкам (во втором – добавляются когнитивные оценки) и вариативности показателей, так как при реакционном подходе измеряемые величины считаются статичными и подлежат измерению один раз, а при транзакционном – измеряется именно динамика изменения оценок стрессоров, ресурсов и пр.

Добавляет методологических и методических вопросов и многомерность конструкта «социальный стресс». Во-первых, выделяют три фокуса эмпирических исследований стресса:

- 1) стрессоры: события, критические жизненные ситуации;
- 2) состояния стресса, проявляющиеся на уровне физиологии и социального поведения человека,

3) промежуточные переменные, влияющие на поведение человека в стрессовой ситуации (индивидуальные различия, социальная поддержка и т.д.).

При этом, как отмечает Н. Водопьянова, индивидуальные черты личности могут определять уровень стрессоустойчивости, но не показывают, как именно индивид будет справляться в ситуации стресса. Поэтому в социологических исследованиях крайне аккуратно надо использовать методики, направленные на измерение характерных особенностей личности [4].

Во-вторых, выделяют три основных уровня, на которых воспринимается социальный стресс: микро – мезо – и макроуровень. Таким образом, социальный стресс проявляется (следовательно, и должен быть измерен) на личностном уровне, уровне социальных групп, с которыми индивид себя идентифицирует, локальных сообществ и на уровне социума.

В-третьих, стрессоры могут различаться по продолжительности их применения к человеку от непрерывных (хронических) до дискретных [19].

Эмпирические исследования стрессоров

Исследователи часто включают в общие перечни стрессогенных ситуаций стрессоры, которые вызывают биологический, психологический или социальный стресс. Например, вредные стимулы окружающей среды и нарушение физиологических функций являются биологическими стрессорами. При этом нарушение физиологических функций может выступать как в роли стрессора, так и показателя состояния. Также информация может выступать в роли источника информационного стресса, который является разновидностью психологического). В этом случае учитываются количественные характеристики: избыток или недостаток необходимой информации. А вот именно характер информационного сообщения, по нашему мнению, относится к источникам социального стресса, так как конкретная жизненная ситуация и её восприятие человеком придают сообщению негативный характер, который вызывает состояние стресса. Среди источников социального стресса чаще всего выступают ситуации отсутствия контроля над событиями, угрозы ценностям и целям человека, эксклюзии, группового давления, разочарования [13; 18] и т.д.

При создании социологического инструментария необходимо ориентироваться на принципы группирования стрессоров. Классификации стрессоров основаны на использовании обобщенных характеристик ситуации (частота, интенсивность, сила воздействия) или её направленности. К. Олдвин предлагает классифицировать стрессоры по двум основаниям: сила-слабость стресса и продолжительность действия. На основании этих критериев, она выделяет четыре группы факторов стресса: жизненное событие; травма; хронический ролевой стрессор (например, постоянные конфликты); микрострессоры (например, трудная финансовая ситуация, плохие жилищные условия) [6]. Ю. Щербатых описывает четыре причины стресса: условия жизни и работы; взаимодействие с другими людьми; социальные факторы среды; чрезвычайные обстоятельства [9].

Большинство методик построено на принципах разграничения критических событий в жизни человека, повседневных неприятностей и хронических стрессоров. При этом авторы включают в перечень и ситуации позитивного характера. Безусловно, любое изменение предполагает последующую адаптацию, однако многочисленные исследования доказали, что «наиболее опасны нежелательные, незапланированные, ненормативные и неконтролируемые изменения» [16].

В основе первой группы эмпирических исследований стрессоров лежит концепция жизненных событий, к которым относят любое внешнее, верифицируемое «дискретное изменение в социальной и личной среде субъекта» [15, с. 563].

Одной из первых и наиболее известных методик измерения критических жизненных событий является Шкала оценки социальной адаптации (Social Readjustment Rating Scale). Она представляет из себя перечень из 43 событий, ранжированных по усреднённым показателям интенсивности и времени необходимой адаптации, где максимальный балл (100) имеет «смерть супруга». Респонденты не оценивают ситуации как вызывающие стресс, а просто отмечают те из них, которые происходили с ними за прошедший период времени. К недостаткам методики следует отнести включение в перечень стрессоров позитивных событий и симптомов вместо antecedentov (напри-

мер, изменения в режиме сна и бодрствования). Описания стрессоров даны в общем виде, без индивидуальных различий. Методика не учитывает постоянных, хотя и менее значимых стрессоров. С точки зрения россиян стрессоры существенно отличаются от тех, что фиксирует SRRS. Рейтинг ситуаций, вызывающих эмоциональный дискомфорт, возглавляют «состояние здоровья», «финансы», «трудности самовыражения», «внутренние конфликты и поиск смысла жизни», «обилие дел и отсутствие достаточного отдыха» [5]. Отличие методики состоит в отсутствие позитивных ситуаций и во включение в перечень постоянных стрессоров. Схожесть методик заключается скорее в принципах построения.

Более усовершенствованным вариантом является методика Брауна «Перечень жизненных событий и трудностей» (Life Events and Difficulties schedule), которая представляет полуструктурированные интервью с описанием жизненных событий. При анализе используются нормативные показатели средней вероятной оценки ситуации. Методика учитывает контекстуальные факторы и одновременно обобщенную оценку.

К другой разновидности рассматриваемого методического приема относятся измерения, при которых самих испытуемых просят оценить эти события с точки зрения силы воздействия.

К повседневным стрессорам относятся раздражающие, разрушающие, фрустрирующие события [14] или «требования, которые в определенной степени характеризуют повседневные транзакции со средой» [12, с. 3]. Наиболее часто упоминаемыми повседневными стрессорами являются: беспокойство о своём здоровье, весе, внешнем виде; здоровье членов семьи; множество дел; повышение цен на повседневные товары; поддержание порядка в доме; потеря вещей [12], недостаток времени [14]. Отечественные исследователи также склоняются к выводу, что наиболее стрессогенными являются ситуации дефицита времени и информации [2].

Наиболее известные англоязычные методики измерения повседневного стресса – это Daily Hassles Scale (Шкала ежедневных ссор) и Daily Stress Inventory (Опросник ежедневного стресса). Перечень неприятностей DHS состоит из 117 пунктов и содержит не только потенциально неприятные повседневные события (например, потерянные вещи, беспокойные соседи, невнимательные курильщики), но включает также более воздействия общего характера (тревожные мысли о будущем, социальные обязательства). Некоторые формулировки подменяют причины эмоциональными показателями стресса. В оригинале оценка осуществляется по трехступенчатой шкале в зависимости от того, насколько они нарушили жизнь в течение последнего месяца. Расширенная версия DHS представляет из себя «The hassles and uplifts scale» (Шкала неприятностей и подъемов). Инструмент измерения получился достаточно громоздким, состоящим из двух рейтинговых оценок. Достаточно спорно, что подшкала подъемов включает в себя одновременно пункты «Курение» и «Отказ от курения или сокращение его количества», а также такие события как смена работы, развод или раздельное проживание, экономия денег.

Методика DSI состоит из 58 потенциально стрессовых событий, испытанных за последние сутки, сгруппированных в пять областей: межличностные проблемы, личностные компетенции, когнитивные стрессоры, проблемы окружающей среды и различные стрессоры. Респонденты оценивают стрессовость событий по 7-балльной шкале оценки (1 = «не было стрессовым» до 7 = «вызвало панику»). Опросник получился более компактным, он содержит меньше пунктов, подменяющих стрессоры стрессовыми эмоциями.

Для исследования стресса россиян используют адаптированный вариант методики «Стрессоры повседневной жизни». Методика включает 55 вопросов, составляющих 10 блоков событий [8]. Сфера «Работа/дела» включает факторы стрессоры, характерные для организационного стресса, и включающие ситуации «временных рамок» (необходимость соблюдения сроков выполнения заданий, нехватка времени на отдых), объемов выполняемых работ (большое количество необходимых дел, возникновение сверхурочной работы), препятствия в рабочей деятельности и пр. Наполнение «Финансовой» сферы составили ситуации несоответствия доходов потребностям (разочарование в получении денежных доходов) и материальной неопределенности (непредвиденные

расходы, беспокойство о материальном положении в будущем). Часть блоков является пересекающимися по смыслу.

С помощью данной методики были выявлены гендерные различия в восприятии и переживании стресса в различных жизненных сферах. Мужчины оценивают в среднем 6 событий в день как ситуации стресса. Женщины более подвержены стрессу в своем восприятии, по их оценке, ежедневно происходит около 10 стрессогенных событий. Гендерные различия выявлены в распределении стрессогенных ситуаций по сферам. У женщин по количеству стрессоров лидируют личностная (самочувствия, переживания одиночества) и семейная сфера. У мужчин наиболее насыщенными стрессорами оказались рабочая и финансовая сферы [8].

В других исследованиях получены данные, что стрессоры повседневной жизни оказывают временами даже более сильное влияние, чем критические жизненные события, на психическое и физическое здоровье человека, удовлетворенность жизнью [10].

Методики измерения хронических стрессоров чаще разрабатывают для конкретной сферы (семья, работа, финансы и т.д.; [11]). При разработке инструментария и анализа результатов опросов следует учитывать такую особенность хронических стрессоров, что они далеко не всегда остро воспринимаются как снижающие качество жизни. Например, хронический стресс необходимости ухода за больным или престарелым родственником, плохие жилищные условия, низкий доход или отсутствие возможности желаемого проведения отпуска/отдыха не воспринимаются как стрессогенные в том случае, когда люди снижают требования к условиям жизнедеятельности. Также очень трудно разделить хронические стрессоры и критические жизненные события [3].

Сравнение отдельных англоязычных методик измерения стрессоров можно посмотреть в книге У. Бауманн, М. Перре «Клиническая психология» [1]. Нами были обобщены данные по используемым методикам, которые адаптированы для русскоязычной аудитории (см. табл.1).

Таблица 1 – Адаптированные методики исследования стрессоров

№ п/п	Наименование методики, авторы	Вид стрессора	Временной отрезок	Число вопросов/ шкал
1	Русифицированный вариант опросника оценки социальной адаптации (Куликов Л.В.)	Критические жизненные события	Варьирует ретроспективно	31/1
2	Опросник The Perceived Stress Scale-10, адаптированный вариант «Шкала воспринимаемого стресса-10» (Аббков В.А. и др.).	Повседневные перегрузки, хронические перегрузки	1 месяц ретроспективно	10 / 1 шкала из 2 субшкал
3	Опросник «Стрессоры повседневной жизни» (Петраш М.Д. и др.)	Повседневные перегрузки	2 недели ретроспективно	55 /10
4	Опросник «Список неприятных событий», адаптированный вариант (Гладышева Н.В.)	Повседневные перегрузки, хронические перегрузки	1 месяц ретроспективно	320 / 9

По нашему мнению, целью социологического анализа факторов стресса является выделение перечня универсальных ситуаций, которые являются стрессогенными для большинства категорий людей: деятельность в условиях дефицита времени и информации; проблемы взаимодействия с другими людьми, связанные с социальными ролями; отсутствие контроля над своей жизнью/событиями; изменения социального статуса; угроза значимым ценностям и целям. Дополнительно необходимо учитывать хронические стрессоры в виде неблагоприятного социально-экономического положения, социальной эксклюзии.

Эмпирические исследования состояний стресса (напряжений)

Эти исследования представлены двумя направлениями:

1) наличие симптомов острых и хронических стрессовых состояний. В виде показателей стресса традиционно фиксируют негативный эмоциональный фон (раздражительность, тревожность, гнев, аффективные состояния, симптомы депрессии и невроза), физиологические показатели (повышенное давление, учащенный пульс), нарушение психомоторики.

2) наличие негативных последствий в форме устойчивых личностных и поведенческих деформаций. Основное внимание нарушениям комплексных физиологических функций (ослабление иммунитета, повышенная утомляемость, вялость, быстрое изменение массы тела и др.), поведенческим деформациям в виде изменения образа жизни (нарушение режима дня, нарушение сна и аппетита, отказ от полезных привычек, увеличение потребления психоактивных средств, алкоголя и пр.) и нарушений социально-ролевых функций (конфликтность, агрессивность, отклонения от социальных норм); ощущениям потери контроля над собой; снижению темпов и продуктивности деятельности [4, с.120].

Методики регистрации стрессовых реакций различаются по количеству шкал (одномерные или многомерные), способам проведения (опросники, интервью) и содержательно. Они распространяются от фиксации самочувствия и специфических эмоций (психофизическое истощение, эмоциональная и вегетативная неустойчивость, нарушение сна, тревога и страхи) вплоть до клинических симптомов и синдромов (например, шкалы тревоги, депрессии) [1]. Наиболее часто именно высокий уровень проявления симптомов тревоги и депрессии рассматривается как наличия стресса. К методическому обеспечению оценки стрессовых симптомов и состояний можно отнести следующий диагностический инструментарий: Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина, Шкала депрессии Бека, Экспресс-диагностика невроза К. Хека и Х. Хесса. Созданы и специализированные методики для оценки состояний стресса и стрессоустойчивости (см. табл. 2). Кроме фиксации симптомов депрессии и тревоги, методики включают в себя измерения широкого спектра настроений, негативных и позитивных эмоций.

Таблица 2 – Методики исследования состояния стресса и стрессоустойчивости

№ п/п	Наименование методики, авторы	Область реакций	Число вопросов/ шкал
1	Диагностика состояния стресса (К. Шрайнер)	Степень самоконтроля и эмоциональной лабильности в стрессовых условиях	9 / 1
2	Инвентаризация симптомов стресса (Т.А. Иванченко)	Самочувствие, физиологические реакции	20 / 1
3	Диагностика типа эмоциональной реакции на воздействие стимулов окружающей среды (В.В. Бойко)	Актуальные и перспективные эмоциональные реакции	39 / 1
4	Симптоматический опросник «Самочувствие в экстремальных условиях» (А. Волков, Н.	Самочувствие	42/1

	Водопьянова)		
5	Опросник «Определение нервно-психического напряжения» (Т. Немчин)	Регистрация признаков от физического дискомфорта до нервно-психического напряжения. Учет гендерных различий	30 / 1
6	Шкала психологического стресса PSM (Lemyr—Tessier—Fillion), адаптация Н. Е. Водопьяновой	Самочувствие и специфические стрессовые состояния (усталость, апатия, напряженность)	25 / 1

В большинстве методик на основании оценок самочувствия и специфических стрессовых состояний высчитывается обобщенный показатель психической напряженности, по величине которого респондентов можно отнести либо к категории людей эмоционально устойчивых к воздействию стрессоров или остро эмоционально реагирующих на них.

Таблица 3 – Методики исследования копинг-стратегий

№ п/п	Наименование методики, авторы	Типы копинг-поведения	Кол-во вопросов/ шкал
1	Опросник способов совладания («Ways of Coping Questionnaire») Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтык	Восемь типов: самоконтроль, разрешение проблем, позитивная переоценка, принятие ответственности, поиск социальной поддержки, уход, конфронтация	50/8
2	Опросник Н. Эндлера и Д. Паркера в адаптации Т.А. Крюковой	Три типа: копинг, ориентированный на задачу, на эмоции и на избегание	48/3
3	Методика «Опросник совладания со стрессом» («COPE-Invento-ry») Ч. Карвера и М. Шейера в адаптации Е.Н. Осина и др.	Два типа: характерологический и ситуационный	60/2
4	Методика Д. Амирхана «Индикатор копинг-стратегий преодоления стресса» в адаптации В.М. Ялтонского	Три типа: разрешение проблем, поиск социальной поддержки и избегание	11/3
5	Опросник С. Хобфолла «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой	Многотиповая модель по трем осям: активная – пассивная; просоциальная – асоциальная; прямая – непрямая	54/9
6	Методика Э. Хайма «Способы преодоления трудных ситуаций» в адаптации Л. И. Вассермана	3 типа по направлениям: когнитивный, эмоциональный и поведенческий; 3 типа по степени адаптивности: адаптивный, относительно адаптивный, неадаптивный	26/3

При исследованиях социального стресса акцент необходимо делать на изменениях поведения, образа жизни. Часто в фокус внимания исследователей попадают привычки, негативно

влияющие на здоровье, к которым индивид прибегает, чтобы снять напряжение (курение, алкоголь). Но данные о вредных привычках, получаемые на основании самоотчетов, наиболее подвержены искажениям вследствие эффектов «социально желательного поведения» или «оптимистической установки», которая заставляет людей воспринимать себя как подвергающихся относительно меньшему риску, чем другие, и может побуждать их сообщать преувеличенные данные о своих полезных для здоровья привычках [3].

Инструментарий исследования копинг-стратегий представлен более чем двумя десятками опросников и методик. Общими методологическими проблемами построения инструментария являются следующие:

- отсутствие однозначной классификации совладающего поведения, разделяемой большинством авторов,
- выбор между ситуативным и диспозиционным характером копинг-стратегий,
- ретроспективность инструментария,
- влияние на выбор копинг-стратегий типа стрессора (индивид использует постоянно одну стратегию или вариативно в зависимости от трудности ситуации). По мнению Н. Водопьяновой, в инструкции к методике необходимо сначала давать само описание ситуации, совладающее поведение в которой предлагается оценить респонденту [4].

Основные показатели используемых в современных российских исследованиях методик копинг-поведения представлены в таблице 3.

Заключение. Итак, в исследованиях стресса применяются количественные и качественные методы, хотя преимущество отдается первым.

Количественные методы подразделяются на группы:

1). Эпидемиологические исследования. Анализируются последствия стресса в форме болезней (анализ структуры смертности, сравнение групп людей, имеющих серьезные заболевания, и здоровых).

2). Опросы. Этот метод используется чаще других для сбора данных по факторам и проявлениям стресса. Субъективные данные самоотчетов могут дополняться объективными, например, физиологическими показателями. К ним относятся поперечно-срезовые и лонгитюдные исследования; ежедневные («дневниковые») опросы. Последние в отличие от других методов, которые опираются на ретроспективные воспоминания, могут охватывать текущую деятельность и сиюминутное настроение.

К качественным методам относятся интервью и исследования случаев. В обработке эти методы достаточно длительные по времени и сложные. Более перспективным является использование комбинированных методов, когда в начале исследования используются качественные методы, по результатам которых разрабатывается инструментарий количественных методов.

Методологические проблемы исследования стресса:

1) Традиционные для любого измерительного инструментария, построенного на субъективных оценках. Люди по-разному оценивают как силу воздействия стрессора, так и его результат. Более того, не все люди воспринимают стрессор, оказывающий негативное воздействие, как неприятный или стрессогенный. В случае социального стресса исследователь чаще использует данные самоотчетов.

2) Часто опросники, касающиеся изучения различных составляющих стресса (факторов, состояний, промежуточных переменных), имеют пересекающиеся пункты. Наиболее часто это касается оценки физиологических характеристик, когда беспокойный сон относят и к стрессорам, и показателям состояния стресса. В целом рекомендуется или оценивать все три типа переменных независимыми методами, или избегать наложений в содержании пунктов [3, с. 32-36].

Проблемными областями эмпирического исследования стресса на основе субъективных оценок являются надежность и валидность инструментария, наличие искажений результатов при использовании одной анкеты для выявления причин и проявлений стресса. Выявленные связи ме-

жду стрессорами и напряжениями могут быть сконструированными из-за склонности респондентов положительно или отрицательно реагировать на пункты опросника в зависимости от контекста, особенно при использовании концептуально схожих формулировок [3, с. 88-90]. Например, если вначале спрашивать о неприятных жизненных событиях, а потом просить оценить свое самочувствие, то оценки настроения будут более негативными. Обратная связь также существует: переживание тревоги, невроза или депрессии может негативно отразиться на ретроспективном восприятии их причин, так как индивидуумы чаще восстанавливают в памяти эпизоды, которые эмоционально соответствуют их текущему настроению. Если сначала задаются вопросы о проявлениях депрессии, негативных настроений, тревоги, а потом переходят к выяснению ситуаций, которые их спровоцировали, то у респондентов может сложиться впечатление о более стрессогенном воздействии. Ретроспективность методик также приводит искажению результатов, так как люди могут не помнить в точности все события, которые происходили с ними за год.

Все это аргументы приводят нас к заключению, что существует серьезный дефицит надежного и валидного диагностического инструментария, который позволил бы оценить источники и уровень социального стресса.

Литература

1. Бауманн У. Клиническая психология / У. Бауманн, М. Перре // СПб. : Питер. 2007. 985 с.
2. Бодров, В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление / В.А. Бодров // М. : ПЕР СЭ. 2006. 528 с.
3. Брайт Д. Стресс. Теории, исследования, мифы / Д. Брайт, Ф. Джонс // СПб.: Прайм-Еврознак. 2003. 352 с.
4. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса / Н.Е. Водопьянова // СПб.: Питер. 2009. 336 с.
5. Куликов Л.В. Стресс и стрессоустойчивость личности / Л.В. Куликов // Теоретические и прикладные вопросы психологии. Вып. 1. Ч. 1. // СПб. 1995. С. 123 – 132.
6. Куфтык Е.В. Совладающее поведение в контексте семейных трудностей / Е.В. Куфтык // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология». 2007. Т. 13. № 2. С. 144 – 149.
7. Морев М.В. Возможности социологического инструментария в диагностировании латентных тенденций общественного психического здоровья (на примере Вологодской области) [Текст] / М.В. Морев, Е.О. Смолева // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 3. С. 26 – 45.
8. Петраш М.Д. Опросник повседневных стрессоров / М.Д. Петраш, О.Ю. Стрижицкая, Л.А. Головей, С.С. Савенышева // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 57. С. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n57/1522-petrash57> (дата обращения: 15.05.2020).
9. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции / Ю.В. Щербатых // СПб.: Питер. 2006. 256 с.
10. Almeida D.M. Resilience and vulnerability to daily stressors assessed via diary methods / D.M. Almeida // Current Directions in Psychological Science. 2005. Vol. 14. PP. 64–68.
11. Cohen S. Measuring stress. A guide for health and social scientists / S. Cohen, R.C. Kessler, L.U. Gordon // New York; Oxford: Oxford University Press. 1995. 236 p.
12. Kanner A.D. Comparison of two modes of stress measurement: daily hassles and uplifts versus major life events / A.D. Kanner, J.C. Coyne, C. Schaefer, R.S. Lazarus // Journal of Behavioral Medicine. 1981. Vol. 4. PP. 1–39.
13. Lazarus, R.S. Stress, appraisal, and coping [Text] / R.S. Lazarus, S. Folkman // New York: Springer. 1984. 444 p.
14. Maybery D.J. Hassles and uplifts: including interpersonal events [Text] D.J. Maybery, D. Graham // Stress and health. 2001. Vol. 17. PP. 91 – 104.

15. Paykel E.S. Life stress and symptom pattern in out-patient depression / E.S. Paykel, B.M. Rao, C.N. Taylor // *Psychological Medicine*. 1984. Vol. 14 (3). PP. 559–568. DOI: 10.1017/S0033291700015166
16. Pearlin L. The Sociological Study of Stress / L. Pearlin // *Journal of Health and Social Behavior*. 1989. Vol. 30 (3). PP. 241–256.
17. Rizvi N.H. A critique of the models to study stress / N.H. Rizvi // *Journal of Social Science and Humanities*. 1985. Vol. 1–2. PP. 103–123.
18. Weitz J. Psychological research needs on the problems of human stress / J. Weitz // New York: Holt Rinehart and Winston. 1970. PP. 124–133.
19. Wheaton B. Handbook of the Sociology of Mental Health. 2nd ed / B. Wheaton, M. Young, S. Montazer, K. Stuartlahman // New York.: Springer. 2013. 636 p.

УДК 159.9

ОЦЕНКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВАЖНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОПЕРАТОРА CALL-ЦЕНТРА

Л.А. Шилкин, студент 1 курса магистратуры
Кафедры гуманитарных и социальных дисциплин.
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия

В данной статье затрагивается тематика изучения и совершенствования технологий оценки персонала внутри организации. Оценка работы операторов call-центра строится на основе диагностики, выделенной в статье, психологически важных качеств для сотрудников в организации. Статья содержит обоснование важности выделенных психологически значимых качеств для данной профессии. Так же в статье представлен пример построения программы для оценки персонала.

Оценка персонала, оператор колл-центра, диагностика, организация.

ASSESSMENT OF PSYCHOLOGICAL IMPORTANT INDICATORS OF A CALL CENTER OPERATOR

L.A. Shilkin, first-year master student of the Department of Humanitarian and Social Disciplines.
State budgetary educational institution
of higher education of the Moscow region
«Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov», Korolev, Russia

This article addressed the study subjects and improvements in technology assessment personnel within the organization. Evaluation of the work of call-center operators is based on the diagnostics identified in the article, psychologically important qualities for employees in the organization. The article substantiates the importance of distinguished psychologically important qualities for this profession. The article also presents an example of building a program for staff assessment

Personnel assessment, call center operator, diagnostics, organization.

Актуальность исследования методов оценки персонала обуславливает фактор постоянного развития общества. Динамика в рабочей сфере, включающая в себя как постоянное видоизменение существующих профессий и должностных инструкций, так и ротацию персонала. Для организации и построения наиболее эффективного рабочего процесса нужны инструменты, позволяющие сделать промежуточную оценку работы сотрудника. Именно поэтому в современных организациях отделы качества занимают особую роль, и являются приоритетным направлением в развитии внутренней среды организации.

Цель исследования: «Выявить критерии влияющие на эффективность сотрудников в процессе работы».

В процессе проведения исследования перед нами были поставлены следующие **задачи:**

1) На основе теоретического разбора профессиограммы выявить качества сотрудника наиболее присущие этой профессии.

2) Провести диагностику психологических качеств сотрудников.

3) Провести исследование на связь психологических качеств и показателей эффективности сотрудников.

4) Дать оценку эффективности методу оценки персонала на основе выбранных качеств.

Выборку в нашем исследовании составили сотрудники, занимающие должность оператора в call-центре. Общее число респондентов, участвующих в исследовании, составляет 7 человек. Возраст респондентов, участвующих в исследовании составляет от 19 до 24 лет. Следует отметить, что в исследовании не ставилась задача дифференциации сотрудников по гендерно-возрастному признаку, следственно акцент в исследовании на этом не ставится.

При проведении исследования перед нами возникла необходимость проведения диагностики персонала. Изначально нами были выделены психологически важные качества для оператора. Для этого рассмотрим более подробно, что из себя представляет работа оператора call-центра.

Содержание труда исследуемой профессии. Оператор call-центра – это специалист, который помогает быстро получить информацию, решить проблему или сделать заказ по телефону. Оператор call-центра работает в интенсивном режиме. За небольшой промежуток времени осуществляет решение множества мелких задач, таких как: принятие входящих звонков, совершение исходящих звонков, поиск информации в базах данных.

Оператор консультирует клиентов касательно реализуемого компанией товара или предлагаемой услуги. Работая в данной профессии, улучшаются навыки коммуникабельности, этикета и убеждения. Специалист должен уметь выгодно представить компанию, товар или услугу для клиента. Общаясь с клиентом впервые, он выступает «лицом» компании, поэтому крайне важно, чтобы оператор максимально грамотно предоставил информацию и заинтересовал потенциального клиента. Оператор выясняет задачу клиента и либо решает ее самостоятельно, либо переводит звонок на компетентного в данной ситуации сотрудника [4]. В современных организациях КЦ (call-центр) представляет собой специально созданное подразделение компании, нацеленное на повышение качества и оперативности обслуживания реальных и потенциальных клиентов [3].

Профессия оператора call-центра является очень востребованной на современном рынке труда. Люди этой специальности могут найти работу:

- В справочных службах;
- В консалтинговых, социологических и торговых организациях;
- У операторов мобильной связи, телевидения и высокоскоростного интернета;
- В компаниях по аутсорсу персонала;
- Выполнять роль секретаря и перенаправлять звонки внутри организации;
- В службах технической поддержки и на других предприятиях.

Основные требования к оператору колл-центра представлены как высокие показатели:

- 1) Грамотная и четкая речь, хорошая дикция
- 2) Отличное знание ПК;
- 3) Коммуникабельность;
- 4) Хорошая развитость показателей внимания;
- 5) Стрессоустойчивость [2,4].

В качестве дополнительных требований к профессии зачастую выступают: знание английского языка, высокая скорость набора текста, опыт работы в направлении телефонного общения, высшее образование в определенной области (call-центры экстренных служб).

Таким образом, можно отметить, что крайне важными психологическими показателями в работе оператора call-центра являются: Стрессоустойчивость и Распределяемость внимания.

Таким образом, для изучения данных психологических показателей, нами были выбраны методики:

- «Тест на определение уровня стрессоустойчивости личности»;
- «Тест распределение и переключение внимания. Таблицы Шульте».

Рассмотрим представленные методики более подробно.

Для диагностики стрессоустойчивости сотрудников использовалась методика «Тест на определение уровня стрессоустойчивости личности» разработанная и апробированная Усатов И.А. [5]. Методика является сравнительно новым инструментом диагностики, разработана была в 2016 году. Использование новейших разработок в сфере оценки персонала является крайне важным критерием развития организации в целом. Используя новый инструментарий, мы можем выявить ранее не изученные стороны рабочего процесса. Методика позволяет выявить уровень стрессоустойчивость личности. Проводя обработку методики, мы можем соотнести стрессоустойчивость респондентов на такие уровни как:

1. «Низкий уровень стрессоустойчивости»;
2. «Уровень стрессоустойчивости ниже среднего»;
3. «Средний уровень стрессоустойчивости»;
4. «Уровень стрессоустойчивости выше среднего»;
5. «Высокий уровень стрессоустойчивости».

Для диагностики внимания респондентов использовалась методика «Тест распределение и переключение внимания. Таблицы Шульте».

Методика представляет из себя диагностический инструмент и одновременно с этим представлена в игровой форме, это позволяет провести диагностику в менее формальной форме и получить более точные и достоверные результаты. С момента создания методика зарекомендовала себя как достоверную и надёжную. Более того, при частом использовании методики, показатели внимания личности будут увеличиваться т.к благотворное формирующее влияние методики было доказано при её разработке. Также следует отметить, что данная методика присутствует в электронном формате, что упрощает организацию её проведения, повышает её скорость обработки. Электронный формат методики так же повышает её достоверность за счёт автоматической генерации таблиц, что исключает возможность её заучивания с целью получения более высоких показателей.

По результатам проведения методики респондент может получить следующие описание изучаемых показателей:

- 1) Внимание концентрируется достаточно – если на каждую из таблиц Шульте испытуемый затрачивает время, соответствующее нормативному.
- 2) Внимание концентрируется недостаточно – если на каждую из таблиц Шульте испытуемый затрачивает время, превышающее нормативное.
- 3) Внимание устойчиво – если не отмечается значительных временных отличий при подсчете цифр в каждой из четырех-пяти таблиц.
- 4) Внимание неустойчиво – если отмечаются значительные колебания результатов по данным таблиц без тенденции к увеличению времени, затраченного на каждую следующую таблицу.
- 5) Внимание истощаемо – если отмечается тенденция к увеличению времени, затрачиваемого испытуемым на каждую следующую таблицу.

Проведение диагностики. В рамках нашего исследования диагностика психологически важных показателей проводилась в очном формате. Основным критерием в выборе именно данных методик выступает ограниченность во времени. Оценка персонала проводится в рабочее время и должна быть выполнена максимально быстро без отвлечения от рабочего процесса.

Оценка эффективности работы. В рамках исследуемой выборки для отслеживания эффективности сотрудников используется система KPI.

KPI (Key Performance Indicator) – это показатель достижения успеха в определенной деятельности или в достижении определенных целей. Можно сказать, что KPI – это количественно измеримый индикатор фактически достигнутых результатов.

В исследуемой выборки показателями KPI являются:

- 1) Прохождение контроля качества телефонных разговоров;
- 2) Количество записей сотрудников в день (среднее в месяц);
- 3) Общее число записей сотрудников по КЦ;
- 4) «Горизонт планирования» – количество записей сотрудников на более чем 3 дня подряд.

Подсчёт показателей ведётся в течении рабочего месяца. Точные коэффициенты подсчёта итогового KPI сотрудника является корпоративной тайной и не подлежит разглашению за пределами организациями. Норма выполнения 97%. Таким образом, все, что ниже 97 является показателем средней и низкой эффективности, а всё что расположено выше 97 показателем средней и высокой эффективности.

У операторов, принявших участие в исследовании, показатели KPI имеют следующие значения:

- Респондент 1 – 100
- Респондент 2 – 97
- Респондент 3 – 115
- Респондент 4 – 110
- Респондент 5 – 99
- Респондент 6 – 95
- Респондент 7 – 110

Данные показатели свидетельствуют о эффективности работы сотрудника на занимаемой должности. Представленные данные предоставлены организацией на базе которой производилось исследование.

Рассмотрим результаты по проведённым методикам.

Согласно методике «Тест распределение и переключение внимания. Таблицы Шульте» нормативным временем выполнения одного задания является до 0,50 секунд. Результаты по каждому респонденту представлены ниже в таблице 1.

Таблица 1 – результаты методики диагностики внимания

Номер респондента	Показатели по методике	Описание полученных результатов
Респондент 1	Временные показатели: 0,26 0,28 0,30 0,26 Среднее значение: 0,27 – соответствует норме.	Внимание концентрируется достаточно. Испытуемый затрачивал время, соответствующее нормативному. Внимание устойчиво, значительных временных отличий при подсчете цифр в каждой из серий не выявлено. Тенденции к истощению внимания не выявлено.
Респондент 2	Временные показатели: 0,27 0,26 0,31 0,30 Среднее значение: 0,28 – соответствует норме	Внимание концентрируется достаточно. Испытуемый затрачивал время, соответствующее нормативному. Внимание устойчиво, значительных временных отличий при подсчете цифр в каждой из серий не выявлено. Тенденции к истощению внимания не выявлено.

Респондент 3	Временные показатели: 0,25 0,30 0,26 0,31 Среднее значение: 0,28 – соответствует норме	Внимание концентрируется достаточно. Испытуемый затрачивал время, соответствующее нормативному Внимание не устойчиво, значительные временные отличия (более 5 секунд). Тенденции к истощению внимания не выявлено.
Респондент 4	Временные показатели: 0,29 0,25 0,26 0,26 Среднее значение: 0,26 – соответствует норме	Внимание концентрируется достаточно. Испытуемый затрачивал время, соответствующее нормативному Внимание устойчиво, значительных временных отличий при подсчете цифр в каждой из серий не выявлено. Тенденции к истощению внимания не выявлено.
Респондент 5	Временные показатели: 0,26 0,27 0,28 0,25 Среднее значение: 0,26 – соответствует норме	Внимание концентрируется достаточно. Испытуемый затрачивал время, соответствующее нормативному Внимание устойчиво, значительных временных отличий при подсчете цифр в каждой из серий не выявлено. Тенденции к истощению внимания не выявлено.
Респондент 6	Временные показатели: 0,27 0,26 0,32 0,31 Среднее значение: 0,29 – соответствует норме	Внимание концентрируется достаточно. Испытуемый затрачивал время, соответствующее нормативному Внимание не устойчиво, значительные временные отличия (более 5 секунд). Тенденция к истощению внимания присутствует.
Респондент 7	Временные показатели: 0,24 0,25 0,26 0,25 Среднее значение: 0,25 – соответствует норме	Внимание концентрируется достаточно. Испытуемый затрачивал время, соответствующее нормативному Внимание устойчиво, значительных временных отличий при подсчете цифр в каждой из серий не выявлено. Тенденции к истощению внимания не выявлено.

Результаты по методике «Тест на определение уровня стрессоустойчивости личности» представлены в соответствии с ключом к методике:

Согласно методике, деление на уровни стрессоустойчивости происходит по количеству набранных баллов:

0 – 11 баллов – Высокий уровень стрессоустойчивости;

12 – 23 баллов – Уровень стрессоустойчивости выше среднего;

24 – 44 баллов – Средний уровень стрессоустойчивости;

45 – 56 баллов – Уровень стрессоустойчивости ниже среднего;

Более 56 баллов – Низкий уровень стрессоустойчивости.

Полученные результаты по каждому респонденту представлены в таблице 2.

Таблица 2 – результаты методики на определение уровня стрессоустойчивости личности

Номер респондента	Количество баллов по методике и их значение
Респондент 1	27 – Средний уровень устойчивости
Респондент 2	26 – Средний уровень устойчивости
Респондент 3	17 – Уровень стрессоустойчивости выше среднего
Респондент 4	19 – Уровень стрессоустойчивости выше среднего
Респондент 5	25 – Средний уровень устойчивости
Респондент 6	20 – Средний уровень устойчивости
Респондент 7	27 – Средний уровень устойчивости

Выводы по методике. Из полученных результатов мы можем видеть, что сотрудники имеют средний уровень стрессоустойчивости или выше среднего, что свидетельствует о том, что для данной профессии данный психологический показатель является необходимым. Сотрудники с низким уровнем стрессоустойчивости, вероятно, не смогли бы в полной мере реализовать рабочий потенциал.

Связи показателей методик. Одной из задач нашего исследования является поиск связей между психологическим показателем и показателем эффективности.

Для начала проведём поиск связей между связкой «Стрессоустойчивость» и «КРІ». Для выявления корреляционных связей будем пользоваться коэффициентом корреляции Спирмена т.к он позволяет работать с ранжированными данными. Корреляцию проводим при уровне значимости 0,05

Получаем коэффициент:

$$r = 1 - \frac{6 \cdot 69.5 + 1}{7^3 - 7} = -0.244$$

Исходя из полученных данных можно сделать вывод – Связь между Стрессоустойчивостью и КРІ слабая и обратная.

Так как в методике «Тест на определение уровня стрессоустойчивости личности» меньшему количеству баллов соответствует более высокий уровень стрессоустойчивости, можно сделать заключение, что чем выше стрессоустойчивость, тем выше эффективность работы сотрудника.

Проведём поиск корреляционных связей для пары показателей по методике «Тест распределение и переключение внимания. Таблицы Шульте» и показателями «КРІ». Для выявления корреляционных связей будем пользоваться коэффициентом корреляции Спирмена т.к он позволяет работать с ранжированными данными. Корреляцию проводим при уровне значимости 0,05.

Получаем коэффициент:

$$r = 1 - \frac{6 \cdot 80 + 1.5}{7^3 - 7} = -0.433$$

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод – Связь между показателями методики на внимание и КРІ слабая и обратная.

Следует отметить, что в методике «Тест распределение и переключение внимания. Таблицы Шульте» более низкие показатели свидетельствуют о более высокой скорости восприятия и концентрации внимания.

Таким образом, чем меньше среднее значение показателей по методике на внимание, тем выше эффективность сотрудника.

Выводы. Исходя из полученных результатов, можно сделать заключение, что все сотрудники, участвующие в исследовании, имеют хорошие показатели концентрации внимания, преимущественно в выборке у респондентов устойчивые показатели внимания, тенденция к истощению внимания выявлено у одного сотрудника.

Полученные данные по стрессоустойчивости можно представить в виде диаграммы 1.

Рисунок 1 – Уровень стрессоустойчивости в выборке

В процессе исследования было выявлено, что существуют слабые связи между показателями стрессоустойчивости, показателями внимания и итоговой эффективностью сотрудника.

Высокие показатели стрессоустойчивости благотворно влияют на работу работника call-центра, повышая его личную эффективность и как следствие повышая эффективность работы организации.

Также была выявлена слабая связь между показателями сферы внимания и эффективностью сотрудника. Внимание является крайне важным для работника call-центра, чем лучше развито внимание у сотрудника, тем эффективнее его работа.

В заключение следует отметить, что главным достоинством представленной программы оценки персонала выступает скорость проведения диагностики (менее 20 минут на человека). Программа сочетает в себе как проверенные временем методы диагностики, так и сравнительно новые методологические инструменты.

Используемые методики не только получить качественную информацию о психологических показателях сотрудника, но и количественную. Таким образом, это можно использовать для коррекции рабочего поведения, создания обучающих программ и предостережения сотрудников от негативного влияния процесса профессионального выгорания.

В процессе оценки персонала были выявлены корреляционные связи между психологическими показателями и показателями эффективности сотрудников, однако связи были выявлены слабые и вопрос их влияния на рабочий процесс требует дальнейшего изучения.

Подводя итог можно сделать вывод, что представленная программа по оценке персонала требует доработки.

В качестве рекомендаций по дальнейшей разработке методов оценки персонала может выступить проведение методик на большем количестве респондентов для получения более полных

данных для проведения корреляционного исследования повторно. Также следует расширить инструментарий по диагностике, подключив методики по диагностике эмоционального выгорания и монотонии в работе.

Литература

1. Барабанщикова В.В., Епанчинцева А.В. Роль стабильности рабочих нагрузок в формировании функционального состояния сотрудников колл-центров // Экспериментальная психология. 2014. 7 (2): 113–127.
2. Вольский В.В., Веселова О.В. Оператор колл-центра. От найма до увольнения // М.: Альфа-пресс. 2012.
3. Куваева И.О. Профессиональный стресс у операторов контакт-центров // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010.
4. Спивак И.М., Бирюкова Е.Г., Слипка М.И., Черномуров И.Н. Стрессогенные ситуации в работе операторов call-центра многопрофильного детского медицинского учреждения // ПФ. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stressogennye-situatsii-v-rabote-operatorov-call-tsentra-mnogoprofilnogo-detskogo-meditsinskogo-uchrezhdeniya> (дата обращения: 01.05.2020).
5. Усатов И.А. Авторская методика «Тест на определение уровня стрессоустойчивости личности» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 681– 685. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86148.htm>.

**ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**

И.Д. Афонин, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
Т.Ю. Кирилина, доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой
гуманитарных и социальных дисциплин,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия

В статье анализируется проблема педагогического общения в контексте профессиональной деятельности профессорско-преподавательского состава. Особое внимание уделено этапам дидактического коммуникативного процесса и стилям педагогического общения. Авторы отмечают, что, в повседневной деятельности педагога общение является, во-первых, фактором успешного решения учебных задач, во-вторых, средством психологического обеспечения процесса воспитания обучаемых, в-третьих, способом формирования творческих и доверительных взаимоотношений преподавателей и студентов, обуславливающих формирование у последних необходимых для будущей деятельности профессионально важных качеств.

В статье делается вывод, качество подготовки специалистов с высшим образованием находится в прямой зависимости, с одной стороны от эффективности непосредственного учебного процесса в вузе, а с другой – от общей атмосферы сотрудничества, взаимоуважения и взаимопонимания педагогов и студентов, что, в свою очередь достигается средствами взаимообусловленного педагогического общения;

Дидактические задачи, риторические приемы, компетентностный подход к обучению, коммуникативная модель педагогического общения.

**PEDAGOGICAL COMMUNICATION AS A FACTOR IN THE EFFECTIVENESS OF THE
EDUCATIONAL PROCESS IN HIGHER EDUCATION**

I. D. Afonin, PhD , associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines,
T. Yu. Kirilina, Doctor of Sociology, the Head of the Department of Humanitarian and Social
Disciplines,
State budgetary educational institution
of higher education of the Moscow region
«Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov», Korolev, Russia

The article analyzes the problem of pedagogical communication in the context of professional activity of the teaching staff. Special attention is paid to the stages of the didactic communication process and styles of pedagogical communication. The author notes features of communication in the daily life of the teacher. At first, it is a factor in the successful solution of educational tasks. Second, communication is a means of psychological support for the process of educating students. Third, it is a way to form crea-

tive and trusting relationships between teachers and students, which ensures of the latter's professionally important qualities necessary for future activities.

The article concludes that the quality of training of specialists with higher education is directly dependent, on the one hand, on the effectiveness of the direct educational process at the University, and on the other, on the general atmosphere of cooperation, mutual respect, and mutual understanding between teachers and students. It is achieved by means of mutually dependent pedagogical communication.

Didactic tasks, rhetorical techniques, competence approach to learning, communicative model of pedagogical communication.

Проблемы педагогического общения в высшей школе с одной стороны, составляют основу профессиональной деятельности профессорско-преподавательского состава, а с другой – выступают важнейшим фактором повышения эффективности формирования у обучаемых необходимых знаний, навыков и умений, и, как следствие обеспечения результативности образовательного процесса в целом [1; 2].

Педагогическое общение в условиях вуза объединяет в единое целое все формы работы со студентами (учебные занятия, конференции, воспитательные мероприятия, внеурочная работа и др.).

Дидактические и воспитательные цели и задачи образовательного процесса в высшей школе невозможно достаточно плодотворно реализовать без организации продуктивного функционирования современной образовательной среды, где основная роль отводится процессу непосредственного общения педагога и учебного коллектива.

Исходя из этого, вполне очевидно, что в повседневной деятельности педагога общение является, во-первых, фактором успешного решения учебных задач, во-вторых, средством психологического обеспечения процесса воспитания обучаемых, в-третьих, способом формирования творческих и доверительных взаимоотношений преподавателей и студентов, обуславливающих формирование у последних необходимых для будущей деятельности профессионально важных качеств.

Традиционно под педагогическим общением понимается комплекс разнообразных риторических приемов взаимодействия преподавателя и обучаемых, в содержании которого доминирующую роль играет обмен учебной информацией с целью формирования у студентов требуемых знаний, навыков и умений. Преподаватель при этом является инициатором и руководителем этого процесса. Его общение с аудиторией характеризует, с одной стороны, эмоциональный фон образовательного процесса, с другой – его непосредственное содержание.

Вместе с тем, современный образовательный процесс требует нового подхода к осмыслению традиционных форм педагогического общения. Это обусловлено несколькими обстоятельствами:

во-первых, появлением новых и более доступных источников информации, в том числе учебной. Многочисленные современные электронные устройства сегодня позволяют обучаемым получать необходимую информацию не только из уст преподавателя или из учебной литературы, но и самостоятельно, не применяя соответствующих интеллектуальных усилий;

во-вторых, смещением «центра тяжести» профессиональной подготовки будущих специалистов в сторону компетентностного подхода. То есть акцент делается не на знания, умения и навыки, а на овладение определенными компетенциями, которые должны составить основу будущей профессиональной деятельности. Однако, учебные планы и программы по-прежнему в целевых установках наряду с компетенциями предусматривают формирование знаний, умений и навыков, что, в свою очередь вызывает вопрос – в чем принципиальная разница между данными учебными целями;

в-третьих, тенденцией увеличения в общей структуре учебного процесса занятий практической направленности за счет уменьшения доли лекционных форм учебных занятий. По мнению авторов, это повлечет за собой, с одной стороны, усиление «технологичности» профессиональной подготовки, что, безусловно, является плюсом, а с другой – снижение уровня методологической подготовленности человека с высшим образованием.

Эти обстоятельства, в свою очередь, требуют осмысления содержательной стороны педагогического общения. Как известно, его содержанием выступает, прежде всего, установление педагогически целесообразных взаимоотношений с обучаемыми и на этой основе выстраивание необходимой коммуникативной системы, позволяющей осуществлять обмен учебной и научной информацией.

Однако, по мнению большинства специалистов, суть педагогического общения не исчерпывается риторическими приемами и информационным обменом. Важнейшей его стороной сегодня становится образ педагога в глазах обучаемого. В этой связи как никогда актуально звучат слова Мудреца, который сказал: *«...для духовного развития личности нужны три условия: большие цели, большие препятствия и большие примеры»*. Это утверждение основано на психологической закономерности подражания человеку, к которому воспитанник испытывает особые чувства: симпатии, привлекательность, интерес, стремление быть похожим и др. Особенно это важно в детском и юношеском возрасте.

Если рассматривать педагогическое общение как средство персонализации преподавателя, как «демонстрацию» его индивидуальности обучаемым, то, естественно, сегодня его не следует сводить лишь к обмену учебной информацией – оно является нечто большим. А именно оно выступает в качестве важнейшего инструмента успешного решения конкретных учебно-воспитательных задач и становления молодых людей как будущих высоко подготовленных специалистов.

Хорошо известна одна из психологических закономерностей в сфере информационного обмена, свидетельствующая о том, что существует прямая зависимость качества восприятия и полноты усвоения информации от степени авторитетности её источника [4].

Поэтому в данном контексте, как показывают исследования, личный пример и авторитет преподавателя, как и в целом педагогического коллектива вуза, во-первых, безусловно, способствует лучшему восприятию учебного материала обучаемыми, во-вторых, обуславливает формирование в учебном заведении благоприятной педагогической атмосферы, что, в свою очередь, повышает у студентов интерес к своей будущей профессии.

Многолетний опыт и специальные исследования в области педагогического общения свидетельствуют о том, что затруднения в этой области испытывают, прежде всего, молодые и начинающие преподаватели вузов. Это представляется вполне естественным и объясняется двумя основными причинами: во-первых, отсутствием или недостаточностью у них соответствующего опыта публичного общения, а во-вторых, их стремлением к демонстрации, прежде всего, своей профессиональной компетентности в рамках учебного материала, а не в сфере коммуникативных способностей.

Чтобы в будущем овладеть основами эффективного педагогического общения, таким преподавателям необходимо знать его содержательные и процессуальные характеристики. На этом целесообразно остановиться более подробно и рассмотреть структуру и этапы педагогического общения.

Исследования проблем образовательного процесса дают возможность выявить основные структурные компоненты педагогического общения, которые органично связаны не только с алгоритмом учебно-воспитательной деятельности преподавателя, но и с его общей творческой работой.

Нижеизложенные структурные компоненты педагогического общения можно рассматривать и как основные этапы дидактического коммуникативного процесса, например, при подготов-

ке и проведении учебного занятия. На основании мнений большинства авторитетных ученых педагогов в качестве таких этапов можно выделить:

1. Моделирование процесса взаимодействия с обучаемыми в процессе подготовки к занятиям.

Этот этап является важным и обязательным, так как процесс моделирования общения позволяет осуществлять планирование «коммуникативного сценария» предстоящего занятия, который должен соответствовать:

- его учебным и воспитательным целям;
- характеру текущей педагогической и психологической ситуации в учебном коллективе;
- риторической подготовленности и творческой индивидуальности самого преподавателя;
- особенностям познавательной деятельности обучаемых в плане их активности и перцептивных возможностей, тем более, если занятие носит практический или дискуссионный характер;
- спланированной методической форме проведения данного занятия;

Все это надлежит учитывать в ходе подготовки к встрече с аудиторией, поскольку предполагаемая коммуникационная модель не только существенно влияет на содержание педагогического взаимодействия, но и обеспечивает определенное эмоциональное единство педагога и студентов. А это, в свою очередь, дает возможность руководителю занятия заранее предусмотреть возможную психологическую атмосферу в учебном коллективе, предвидеть возможный характер взаимодействия и на этой основе более определенно и точно построить как методическую, так содержательную структуру будущего занятия.

2. Организация непосредственного общения с обучаемыми в начальный момент учебного взаимодействия.

Данный этап педагогического общения, по мнению большинства специалистов, является самым сложным для многих молодых педагогов.

Он, как правило, насыщен эмоциональными переживаниями, вызванными различными чувствами. Здесь и обостренное чувство личной ответственности, и отсутствие уверенности, и чувство сомнения в реализации спланированной модели общения, и опасения негативных реакций со стороны аудитории и другие чувства, заставляющие педагога ощущать себя «в зоне риска».

И, тем не менее, данный этап во многом определяет характер последующего развития как учебно-методической системы деятельности преподавателя, так и ее психологической основы. И наиболее значимыми компонентами здесь являются:

- коррекция и конкретизация предварительно спланированной модели общения;
- уточнение характера и условий дальнейшего взаимодействия;
- преодоление сомнений, опасений и негативных чувств и др.

3. Управление педагогическим взаимодействием в ходе учебного занятия.

По существу, на этом этапе педагог достигает соответствия коммуникативной и методической систем обучения, адекватность которых, как показывает опыт, во многом обеспечивает результативность его совместной работы с обучаемыми.

Следовательно, наряду с методическими и дидактическими требованиями к организации занятия, существуют и определенные психологические рекомендации, которые тесно связаны с теми задачами, которые решаются в ходе педагогического общения. Например, при подготовке и проведении учебной лекции такими рекомендациями являются:

- установление психологического контакта с обучаемыми, обеспечивающего эффективное циркулирование учебной информации;
- разработка психологически целесообразного и обоснованного «сценария» лекции. Например, опытные преподаватели используют элементы беседы, риторические вопросы, требующие размышления, вносят определенную логику в чередование конкретных фактов и сравнений, ярких примеров и теоретических обобщений и др. Оптимальное сочетание таких приемов помога-

ет педагогу установить рабочий психологический контакт с аудиторией, а на его основе и реальную включенность студентов в целенаправленную познавательную деятельность;

- создание в учебной группе обстановки совместных размышлений и коллективного поиска, что является важным, например, для достижения целей проблемного обучения;

- управление познавательной деятельностью студентов в ходе изложения учебного материала. Это достигается, во-первых, посредством акцентирования их внимания на наиболее важных фактах и теоретических положениях и, во-вторых, умелым использованием соответствующих риторических приемов, имеющихся в арсенале опытных преподавателей. Такой стиль общения с аудиторией оказывает существенное влияние на продуктивность преподавания, обеспечивает готовность обучаемых к восприятию предлагаемой информации, помогает «преодолеть» психологический барьер, часто возникающий между учебной группой и молодым преподавателем;

Существуют и другие рекомендации, особенно молодым преподавателям в вопросах управления взаимодействием с аудиторией. Они также являются важными, но в большей степени связаны с методическими аспектами подготовки и проведения учебных занятий [3].

С учетом реализации этих рекомендаций педагогическое общение функционально будет не только обеспечивать устойчивую учебную коммуникацию, но и способствовать формированию значимых смысловых образований будущих специалистов, их профессиональной направленности и мировоззренческих позиций.

4. Анализ коммуникативных аспектов проведенного занятия.

Это можно назвать заключительным этапом, на котором педагог анализирует прошедшее занятие и соизмеряет моделируемое взаимодействие с реальным. На этой основе он прогнозирует дальнейшую работу с этой аудиторией, то есть фактически, уяснив все положительные и отрицательные моменты, переходит к первому этапу будущего педагогического общения.

Таким образом, от занятия к занятию осуществляется аналитико-синтетическая работа, что способствует накоплению у педагога риторического и коммуникативного опыта и на этой основе обеспечивает, во-первых, его самоутверждение как руководителя учебного процесса и, во-вторых, постепенную выработку у него индивидуального стиля педагогического общения и взаимодействия.

По мнению многих специалистов, индивидуальный стиль педагогического общения воплощает в себе как социально-психологические, так и этические установки самого педагога в определенной педагогической системе. При этом, как правило, стиль общения тесно связан со стилем повседневной деятельности.

Многолетний педагогический опыт позволяет выделить несколько различных стилей педагогического общения, каждый из которых не только имеет право на существование, но и позволяет достигать определенных результатов в обучении и воспитании студентов.

Например, *эмоционально-импровизационный стиль*. Он отличается ярко выраженной увлеченностью педагога совместной с обучаемыми деятельностью, интересными объяснениями и примерами, эмоциональностью изложения учебного материала, однако такие преподаватели зачастую не используют обратную связь с аудиторией.

Довольно эффективным представляется так называемый *эмоционально-методичный стиль*. Для него характерным является пунктуальное планирование каждого занятия, логическая отработка учебного материала, постоянный контроль и оценивание знаний обучаемых и их мотивация важностью и спецификой самого предмета. Вместе с тем, носителя такого стиля отличает некоторая интуитивность и склонность к рефлексии собственной педагогической деятельности.

Наряду с другими выделяют *рассуждающе-импровизационный стиль*. Педагоги, обладающие таким стилем, ориентируются, прежде всего, на процесс и результаты обучения. Их отличает с одной стороны, увлеченность теоретическими рассуждениями, а с другой – отсутствие изобретательности в выборе наиболее эффективных педагогических приемов и редкая практика коллективного обсуждения учебного материала.

Некоторые отличия имеет *рассуждающе-методичный стиль*. Он также ориентирован на результаты и рефлексии, однако в нем можно обнаружить некоторый консерватизм в применении методов и средств педагогического взаимодействия. Достаточно высокая методичность всех форм учебной работы у таких преподавателей, как правило, сочетается с преобладанием решения репродуктивных учебных задач.

Вместе с тем исследователи выделяют и определенную типологию преподавателей, обладающих сформировавшимся стилем педагогической деятельности. Среди них, например, *педагогический теоретик*, хорошо владеющий теорией и, соответственно, уделяющие ей большую часть учебного времени. *Педагогический практик* наоборот, больше внимания уделяет практической стороне обучения. Вызывают определенный интерес *педагогический утилитарист*, которые склонны в большей степени акцентировать внимание студентов на реальных жизненных проблемах, находящихся в непосредственной связи с изучаемым учебным материалом. Существуют и другие категории преподавателей. Однако при всех особенностях вышеизложенных и других стилей педагогического общения оптимальным можно считать такой стиль, который основывается на увлеченности преподавателя работой с молодежью и совместной учебной и научной деятельностью со студентами, направленной на реализацию процесса формирования личности будущих специалистов.

Вместе с тем педагогическое общение, как известно, не ограничивается рамками проведения учебных занятий. Современный образовательный процесс насыщен разнообразными формами работы с различными категориями обучаемых. Это, как правило, широкий спектр культурно-массовых, социально-патриотических и спортивных мероприятий и со студенческой молодежью, носящих целенаправленный воспитательный характер. Это и предметная индивидуальная воспитательная и учебная работа, прежде всего со студентами старших курсов. Кроме этого в стенах вузов ведется планомерная научная работа с аспирантами и студентами, обучающимися по программам магистерской подготовки. Все это требует постоянного целенаправленного педагогического общения преподавателей и руководителей учебных подразделений со студенческой молодежью, основанного, прежде всего, на взаимопонимании и сотрудничестве.

Педагогическая практика показывает, что в системе вузовского образовательного процесса исключительно важным является создание в научно-педагогических и учебных коллективах атмосферы сотрудничества, взаимного уважения и доверия. Это находится в прямой зависимости от сложившейся системы педагогического общения и достигается за счет реализации таких направлений, как:

- формирование у студентов чувства взаимопонимания и профессиональной общности с педагогическим коллективом учебного заведения;
- ориентация всей системы педагогического взаимодействия на зрелого человека с развитым самосознанием, позволяющей не допускать элементов назидательности и авторитарных форм воспитательного воздействия;
- создание условий для повышения социальной активности обучаемых посредством их вовлечения в организацию всех форм воспитательной и вне учебной работы, проводимых по планам органов студенческого самоуправления, деканатов и кафедр, а также общеуниверситетских и региональных мероприятий в свете требований современной молодежной политики;
- обеспечение тесного научного сотрудничества студентов и профессорско-преподавательского состава. Здесь и соавторство в публикационной деятельности, и совместная научно-исследовательская работа, и участие в подготовке к научно-практическим конференциям, и выполнение инициативных научно-исследовательских работ и др.;
- комплексный подход к решению взаимосвязанных проблем в сферах обучения, организации бытовых условий, досуга, художественного творчества, развития физической культуры и спорта, поддержания здорового образа жизни, и многие другие направления совместной творческой работы.

Многочисленные исследования проблем педагогики высшей школы свидетельствуют о том, что юноши и девушки, поступив в вуз, по своим психологическим качествам не сразу становятся студентами в полном смысле этого слова. Начальный период учебы обусловлен многими факторами адаптационного процесса. Здесь и новый социальный статус, новые мотивационные установки и формы взаимодействия с педагогами, другие виды контроля учебной деятельности и вообще другая социально-психологическая атмосфера. Именно в этот период чрезвычайно важным для молодых людей является уверенное встраивание в новую систему педагогических взаимоотношений, которая в последующем станет главным фактором успешного освоения будущей профессии.

Таким образом, в качестве вывода можно утверждать, что:

во-первых, качество подготовки специалистов с высшим образованием находится в прямой зависимости, с одной стороны от эффективности непосредственного учебного процесса в вузе, а с другой – от общей атмосферы сотрудничества, взаимоуважения и взаимопонимания педагогов и студентов, что, в свою очередь достигается средствами взаимообусловленного педагогического общения;

во-вторых, важнейшими особенностями педагогического общения и взаимодействия являются его направленность, систематичность и непрерывность. Это может быть обеспечено гармоничным сочетанием аудиторных и внеаудиторных форм взаимодействия, единством дидактически-ориентированного, воспитательного и научно-поискового сотрудничества, а также реализацией принципа непротиворечивости официально-регламентированного и неформально-доверительного общения;

в-третьих, педагогическое общение является творческим процессом, как в плане решения образовательных задач, так и в системе формирования взаимоотношений с обучаемыми. А творчество, в данном контексте, основано на интуиции, личной увлеченности и высокой степени профессионализма педагога.

Литература

1. Афонин И.Д., Афонин А.И. Психология и педагогика высшей школы. Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по программам подготовки магистров // Москва. 2016.
2. Афонин И.Д., Смирнов В.А. Психология и педагогика высшей школы. Учебное пособие // Королев. МГОТУ 2018. 272 с.
3. Обухов А.С. Психолого-педагогическое взаимодействие участников образовательного процесса: под общей редакцией А. С. Обухова // Москва: Издательство Юрайт. 2020. 422 с.
4. Усманов В.В. Профессиональная педагогика / В.В. Усманов, Ю.В. Слесарев, И.В. Марусева // Москва. Берлин Директ-Медиа. 2017. 295 с.

УДК 378

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЦИФРОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ КУРСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Т.И. Красикова, к.ф.н., профессор, заведующий кафедрой иностранных языков,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия

В статье рассматривается проблема и обобщается опыт применения курса иностранного языка для студентов технических специальностей. Автор отмечает, что при формировании учебных курсов и программ по иностранным языкам для технических специальностей следует применять лично-ориентированные педагогические технологии. Именно такие технологии позволяют учитывать индивидуальные особенности каждого отдельного студента. Автор делает вывод об особенностях грамматических и лексических явлений в специальных текстах на материале текстов технических специальностей в английском языке.

Лингвистические аспекты, технология обучения, курс специального языка; развитие умения.

LINGUISTIC AND DIGITAL ASPECTS OF DESIGNING AN ENGLISH LANGUAGE COURSE FOR TECHNICAL SPECIALTIES SPECIAL PURPOSES

T.I. Krasikova, PhD, professor
State budgetary educational institution
of higher education of the Moscow region
"Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
pilot-cosmonaut A.A. Leonov ", Korolev, Russia

The article deals with the problem and summarizes the experience of using a foreign language course for students of technical specialties. The author notes the formation of training courses and programmes in foreign languages for technical specialties should use personal-oriented pedagogical technologies. These technologies allow us to take into account the individual characteristics of each individual student. The author draws a conclusion about the features of grammatical and lexical phenomena in special texts based on the texts of technical specialties in English.

Linguistic aspects of learning technology; a course of special language; development of skill.

В современном мире иностранный язык является одной из социокультурных реальностей, отражающей все культурные и инновационные традиции, как родной страны, так и страны изучаемого языка. Роль иностранного языка в процессе подготовки специалистов постоянно возрастает, поскольку обучающемуся предстоит интегрировать новые жизненные ориентиры совершенно иной ментальности в свою собственную картину мира. Поэтому на современном этапе ключевыми качествами специалиста, способного к инновационной деятельности, является креативность, автономность, а также высокая потребность к самореализации. При этом надо подчеркнуть, что одной из составляющих языковой подготовки специалиста выступает информационно-аналитическая, которая определяет роль и статус иностранного языка в проектной деятельности. Это предполагает разработку курсов по обучению иностранному языку с учётом развития и воспитания студентов. Вследствие последних событий, возникших в мировом сообществе и карди-

нально повлиявших на весь учебный процесс не только средней школе в целом, но и в Высших учебных заведениях, представляется возможным совершенно новое проектирование учебного процесса по изучению иностранных языков в дополнение к тому, что было ранее запрограммировано. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что все возникающие трудности можно преодолеть только с непосредственным участием преподавателей, поскольку только преподаватель определяет свободу творчества, свободу выбора инновационных моделей и технологий обучения, без которых образовательный процесс в настоящее время невозможен [1;2].

При разработке курсов по иностранному языку для технических специальностей, который включает целый комплекс задач: постановку цели и задач задуманной рабочей программы, выбор учебного материала и определение методик, по которым будет происходить обучение студентов иностранному языку, уровень контроля и определение оценки всех полученных результатов, необходимо учитывать опыт использования инновационных технологий. Опираясь на последние рекомендованные и появившиеся технические средства необходимо учитывать где, в каких условиях, при каких ограничениях может проходить обучение иностранному языку. Какую теорию и практику надо положить в основу изучаемого курса с учётом цифровых аспектов и предметного содержания, чтобы достичь определённых результатов к концу курса. А самое главное, на что необходимо обратить внимание – добиться осознанности обучения у студентов с использованием всех доступных платформ онлайн, исходя из специальных целей языкового содержания обучения. Какая методика ляжет в основу обучения иностранным языкам для достижения определённого уровня владения иностранными языками, как общего, так и профессионального характера.

Раньше большинство педагогов при анализе специального текста акцентировали своё внимание на грамматике и лексике, которые отличаются друг от друга, прежде всего по форме [7]. Преподаватели изучали большие объёмы специализированных текстов, формируя «статистические контуры», характерные для различных языков, – языков науки и техники [3]. На наш взгляд, при формировании учебных курсов и программ по иностранным языкам для технических специальностей следует применять личностно-ориентированные педагогические технологии. Именно такие технологии позволяют учитывать индивидуальные особенности каждого отдельного студента. В современной лингводидактике данные технологии связаны с дифференцированным обучением, учитывающим важнейшие особенности каждого студента. Без учета специфики формирования познавательных потребностей студентов, их мыслительных процессов и мотивации к осуществлению иноязычной речевой деятельности, невозможно выявить серьёзные различия между языком техники и науки. Особенно если анализировать только некоторые грамматические формы языка. Следует обратить внимание и на такой фактор. Многие исследователи полагали, что основные критерии характеристик языка надо отнести к научно-обоснованным процессам закономерностей взаимообусловленности информации и человека. В новых реалиях актуализируется необходимость комплексного подхода к исследованию лингвоориентированных параметров цифрового и инжинирингово пространства. Это крайне необходимо для совершенствования лингводидактических стратегий преподавания иностранного языка студентам технических специальностей для более глубокого усвоения ими учебного материала. Теория вариативности, возникшая в современном языкознании, способствовала формированию новых способов анализа языка, связанных с учетом специфических контекстов определённых сфер знания: технической, информационной, инжиниринговой, цифровой, технической, экономической и т.д. Одновременно теория вариативности сферы использования языка стала применяться и в деловых переговорах [5].

Преподаватель, вовлекая студентов в общение на иностранном языке, должен помнить, что в данном процессе основное место принадлежит студенту, а не преподавателю. Педагогические технологии, базирующиеся на теории вариативности, формируют у студентов коммуникационную ориентированность, направленную на стремление усвоить мотивированные речевые действия, необходимые для разрешения коммуникативных задач в профессиональной деятельности.

В зависимости от конкретного контекста язык может претерпевать серьезные изменения. Важную роль в этом процессе играют когнитивные механизмы, представляющие собой формирование представлений о различных культурах, выработка базовых понятий и смыслов. Это возможно только в процессе «диалога» [3].

Используя богатые языковые средства языка, преподаватели кафедры иностранных языков Технологического университета формируют у студентов технических специальностей навыки высказывания собственного мнения на иностранном языке, развивают умение логически строить умозаключения по специальному тексту, корректируя отношение к заложенной информации при помощи логической цепочки доказательств. Обосновывая стратегию освоения студентами базы межкультурного профессионального общения, мы принимаем во внимание особенности мышления студентов технических специальностей – что является центральным профессиональным инструментом у специалистов инженерного профиля.

Как отмечает ряд исследователей, характерные свойства работников любой сферы труда во многом обусловлены спецификой их профессионального мышления и профессионального сознания [8]. Все это крайне типично и для современной молодежи, входящей сегодня на рынок труда.

Преподаватели из своего опыта знают, что студенты неязыковых, в том числе технических вузов, по разному относятся к изучению иностранных языков, поскольку эта дисциплина не является для них профилирующей. На кафедре иностранных языков Технологического университета часто сталкиваются с проблемой отсутствия у значительного числа студентов интереса к изучению иностранных языков. Многие студенты I-II курсов в неязыковых вузах не осознают, для чего необходимо изучать иностранный язык, считают, что им достаточно тех знаний, с которыми они пришли в вуз, особенно на фоне профилирующих предметов, считают изучение иностранного языка рутинным занятием. Не возникает у многих обучающихся желания приобрести знания и навыки профессионально-ориентированного уровня.

В итоге, многие студенты после изучения в вузе иностранного языка, даже в объеме 120 и более учебных аудиторных часов, и сдачи экзамена, не в состоянии вести обычную беседу на иностранном языке на профессиональные темы, не обладают навыкам аргументации своей профессиональной позиции. Значительное число студентов не умеют находить необходимую информацию в технических текстах. Все это наглядно демонстрирует важность формирования у студентов технических специальностей интереса к изучению иностранных языков. Такого рода интерес, по сути, выступает интегральным процессом мотивационной сферы специалиста [6]. Как отмечают некоторые ученые, часто педагоги используют внутреннюю и внешнюю мотивацию. У студентов всегда растёт внешняя мотивация.

На кафедре иностранных языков Технологического университета Московской области внимательно изучили основные причины отсутствия у студентов технических специальностей интереса и мотивации к изучению иностранных языков. В ходе анализа был сделан вывод, что важнейшая роль в формировании у студентов интереса к изучению иностранных языков принадлежит именно преподавателю. Особую роль здесь играют навыки владения новейшими эффективными образовательными технологиями. Овладение каждым преподавателем современных, эффективных, цифровых педагогических технологий, может дать заметный положительный результат. Надо понимать, до какого уровня необходимо обучить студентов, поэтому необходимо заинтересовать студента с точки зрения исследовательской и творческой активности разнообразием приёмов. Результатом творческой работы с использованием информационно-компьютерных технологий, является участие студентов в ежегодной Международной научно-практической конференции «Science, Culture and Youth». Студенты, используя свои знания, создавая искусственную иноязычную среду, тем самым эффективно повышают свою мотивацию через презентации, оформляя свои доклады тематическими слайдами, диаграммами, рисунками, графиками на темы по своим специальностям, Применение информационно-компьютерных технологий на занятиях по иностранному языку расширяет диапазон работ, как в аудиториях, так и в работе онлайн, и является удобным и универ-

сальным средством при самостоятельной работы студентов, при их подготовке к практической работе в аудиториях, которую при обучении иностранному языку полностью заменить нельзя.

Создавая и расширяя пространственные, временные, количественные и качественные характеристики, человеческий мозг, прежде всего, связывает деятельность человека с осуществлением самых разнообразных мыслительных задач. Многие методисты при обучении иностранному языку ввели «технологии проблемного обучения», предполагая, что это решит проблему формирования профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции. Ссылаясь на теоретические положения целого ряда зарубежных философов, психологов, а также советских представителей данного направления, филологи отмечают, что на занятиях по иностранному языку обучение носит языковой характер, и все ситуации на занятиях по иностранному языку воплощают речевую деятельность, подключая мышление – мысль, не отделяя, безусловно, «от способов её формирования» [11]. И такое обучение можно назвать «смешанным», с учётом использования последних технологий.

При обучении иностранным языкам для профессиональных целей в настоящее время кафедрами иностранных языков используются смешанные методики для разработки учебных программ. Студенты, которые поступают в Технический университет на технические специальности, как правило, знакомы с азами грамматики и владеют узким словарным запасом. Задача преподавателей: научить студентов тому, как применить уже имеющиеся у них знания, подключая все виды информационно-компьютерных технологий, поэтому смешанный подход стал базовым в разработке учебных программ кафедры. Это способствует систематизации языкового содержания программ и организации у студентов уже имеющихся у них знаний о языке.

Совет Европы во второй половине XX века сформулировал заказ на функционально-понятийное описание языков. Это было предпринято для обеспечения на формальном уровне эквивалентности программ по изучению иностранных языков. Данный процесс был достаточно сложен, и привел к выделению уровней владения языков A1, A2; B1, B2; C1, C2. [9]. Следуя данными рекомендациям, иностранных языков МГОТУ стремиться довести уровень подготовки студентов по иностранному языку до компетентности Upper-Intermediate и Professional. Это помогает выпускникам Технологического университета, быстрее найти работу по специальности и стать высококвалифицированными специалистами.

В процессе обучения иностранному языку преподаватель стремится стимулировать речевую активность студентов, создавая ситуации, активизирующие профессиональный вокабуляр студентов. Такого рода ситуации, базирующиеся на активном применении нового материала, повышают прочность формирования речевых навыков и коммуникативных умений в профессиональной сфере. Принимая во внимание тот факт, что в студенческих группах могут оказаться студенты с разным уровнем владения иностранным языком, преподаватель предлагает им задания разной сложности, вовлекая в учебный процесс всех студентов. Таким образом, отрабатывается и аудирование, и диалогическая речь. При подготовке задания разного уровня сложности преподаватель использует творческий подход, содействующий развитию у студентов навыков беседы на профессиональные и деловые темы. Студенты учатся аргументировать свою точку зрения в профессиональных беседах, лаконично формулировать свои мысли, находить оптимальные решения поставленным задачам.

Работа с текстом – один из важнейших этапов формирования письменной компетенции у студентов, который включает перевод и написание отчетов, докладов, эссе. Преподаватель использует языковые средства, которые помогают формировать предложения при коммуникации. Тексты отличаются своей структурой, грамматическими формами и стилем повествования. Это позволяет развивать у студентов умение осуществлять сравнение различных точек зрения и аргументированно отстаивать собственную точку зрения, совершенствовать навыки формулирования определенных понятий, прочнее закреплять усвоенную профессиональную лексику. Работа студентов со специальными, профессионально ориентированными текстами позволяет им творчески ис-

пользовать пройденный материал в новых коммуникативных ситуациях. Таким образом, преподаватели иностранного языка повышают мотивацию студентов к осуществлению иноязычной речи, активизируют их мыслительную деятельность, стимулируют познавательный интерес к иноязычно коммуникации в профессиональной сфере.

Устная и письменная коммуникация в профессиональной сфере безусловно предполагает наличие у обучающихся определенного социального статуса и жизненного опыта, определённого культурно-образовательного уровня, а также достаточно высокого уровня владения иностранными языками, которые отображают общечеловеческие знания и культуру. Реализация профессиональной подготовки современного специалиста предполагает создание условий для освоения нового измерения функциональной общности. Это становится возможным, только если с первых дней обучения студентов в вузе специальность открывается обучаемому в контексте развития различных областей знаний, открывая определённое измерение осваиваемой предметной области. В разнообразных образовательных контекстах студенты открывают актуальность профессиональной картины мира, создавая уникальную возможность расширить точки роста и развития специальности.

Являясь представителями определённой лингвокультурной группы, студенты в состоянии использовать в общении на профессиональные темы знания иностранного языка, знаний которого у них значительно меньше, чем родного языка. Но в любом случае в техническом вузе через изучение иностранного языка ведется и профессиональная подготовка будущих специалистов.

Целый ряд задач, стоящих перед преподавателями иностранных языков в технических вузах, требует всестороннего рассмотрения. Они заключаются в одновременном и последовательном применении трёх образовательных технологий, основанных на инновационном подходе и включающих элементы компетентностного, институционального подходов, а также информационно-образовательных ресурсов, базирующихся на технологиях дистанционного обучения [9].

С современной системе высшего образования важную роль играют программы включенного обучения. Данный вид обучения предполагает обсуждение проблем по специальности в виде презентаций с последующей дискуссией. Цель включённого обучения заключается в том, чтобы усилить практические навыки владения иностранным языком. Особенно это относится к иностранным студентам. В процессе овладения новым материалом студенты сталкиваются с определённой проблемой. Программы включенного обучения выступают неотъемлемой частью национальной подготовки специалистов в нашей стране. Тем не менее, студенты зачастую в первую очередь усваивают коммуникативные навыки, позволяющие им осуществлять социокультурное взаимодействие на иностранном языке в обыденных ситуациях. К сожалению, это не всегда приводит к формированию навыков ведения профессиональной беседы или дискуссии в рамках будущей специальности, не обогащает словарный запас специализированной терминологией и лексикой.

Для полноценного общения на иностранном языке по вопросам будущей профессии студенты должны сначала владеть профессиональными знаниями на родном языке. После этого, происходит усвоение коммуникативной стороны изучаемого иностранного языка. И лишь затем в условиях реального общения, у студентов формируется способность иноязычного общения на профессиональные темы. При этом следует избегать коммуникативных и языковых ошибок, затрудняющих профессиональное общение в ходе межкультурной коммуникации. Профессиональная и профессионально-ориентированная среда уделяет большое внимание интенсивной практике иностранного языка. Именно в такой языковой ситуации совершается совмещение личной и чужой картины мира, приводящее к формированию общего коммуникативного поля. Это даёт возможность вузу избежать упреков в свой адрес со стороны работодателей, связанных с практическими знаниями у выпускников.

Цель преподавателя в данном случае – обеспечить коммуникативный процесс, используя ресурсы обучающегося в момент начала общения, в той или иной мере задействовав области об-

щечеловеческих знаний, обеспечивая, культурологическую дистанцию. При этом бакалаврские и магистерские программы обучения строятся на основе учебных планов, зачётных единиц, разрабатываемых вузом. Преподаватель способен обеспечить интенсивный уровень обучения иностранным языкам с помощью семиотических кодов, встречающихся в СМИ. Коммуникативный процесс изучения иностранного языка, используя естественный путь обучения, достигается благодаря культурно-речевой адаптации, а также ежедневному восприятию и усвоению правил и норм изучаемого иностранного языка, а также погруженности в различные ситуации межкультурного обмена.

Что касается профессионализации, то она реализуется в процессе освоения нового содержания, а также современных технологий в современных производственных условиях, реализуясь через иностранный язык. Одним из результатов кропотливой работы является оценка студентами языкового материала как новой ступени в изучении языка, а не повторение и тренировка уже известного. Это усиливает мотивацию обучения, особенно внутреннюю мотивацию. Личностная значимость для студентов предлагаемых им учебных задач приводит к формированию такой мотивации.

Таким образом, используемые методики и технологии обучения иностранным языкам, требуют тщательной подборки профессиональных текстов для аудирования и формирования специализированных кейсов. Это предусматривает четкое формулирование проблемы и подбора наиболее рациональных путей ее решения.

Тексты для аудирования и чтения необходимо подбирать таким образом, чтобы студенты, могли не только познакомиться с новыми фактами, но и научились понимать, анализировать главные идеи авторов, их аргументацию. Иностранные тексты, применяемые на занятиях, имели бы для студентов значения и с точки зрения важности для них будущей профессии. Крайне важно, чтобы упражнения и задания по иностранным языкам были связаны с будущей профессиональной деятельностью студентов и вызывали у них познавательный интерес не только к языковой стороне, но и к содержанию включённых в упражнения и задания речевых ситуаций. Все это может способствовать формированию личности, способной к самоанализу и профессиональному саморазвитию.

Большую роль в Технологическом университете играет дополнительная программа «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Она способствует и предусматривает расширение интереса обучающихся к иностранному языку. В данной программе особое внимание уделяется формированию социально-культурной среды, что обеспечивает ответственность за практические действия в различных национально-языковых сообществах через освоение лингвистического пространства.

В последние десятилетия все большее развитие получают международные образовательные проекты по академической мобильности, поддерживаемые и Российской Федерацией. Академическая мобильность включает в себя обмен между вузами, как преподавателями, так и студентами, магистрантами, аспирантами. Это способствует углублению не только профессиональных навыков, но совершенствованию языковой подготовки специалистов. Овладение современными специалистами нескольких иностранных языков – важнейшая задача современной системы высшего образования. Активное применение современных образовательных методик на основе новейших компьютерных технологий с успехом решит задачи, поставленные кафедрой иностранных языков Технологического университета Московской области.

Литература

1. Жинкин Н.И. Механизмы речи // М. Педагогика. 1958.
2. Зимняя И.А. Педагогическая психология. 2-е издание. изд. // М.-Логос. 1999.
3. Кудрявцев Т.В.О проблеме обучения как способе умственного развития. Обучение и развитие // М. Просвещение. 1966.

4. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики // М. Издательство МГУ. 1981. 485 с.
5. Лернер И.Я. Процесс обучения и его закономерности // М. Знание. 1980.
6. Ломакина О.Е. Технологические основы проектирования методических систем обучения иностранным языкам: концепция, теория, практика: Волгоград // Перемена. 2002. 224 с.
7. Махмутов М.И. Проблемное обучение. Основные вопросы теории // М. Педагогика. 1975.
8. Нечаев Н.П. Психолого-педагогические основы формирования профессиональной деятельности // М. Изд-во МГУ. 1988.
9. Поляков О.Г. .Аспекты профильно-ориентированного обучения английскому языку в Высшей школе.: Монография // Тамбов, издательство ТГУ им Г.Р Держжавина. 2004. 192 с.
10. Решетова З.А. Психологические основы профессионального обучения // М.МГУ. 1985.
11. Филонова Е.А. Психологические условия формирования лингвистического мышления. Дис....канд. психолог. Наук // М. 2002
12. Halliday M., McIntosh A., Stevens P. The Linguistic Science and Language Teaching. London, Longman. 1964.

УДК 378

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ТЕРРИТОРИЯ УПРАВЛЯЕМОЙ КАТАСТРОФЫ: КЛЮЧЕВЫЕ ТЕРМИНЫ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

А.Э. Ларионов, к.и.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
А.В. Новичков, к.и.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин
 Государственное бюджетное образовательное учреждение
 высшего образования Московской области
 «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза,
 летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия

Настоящая статья посвящена анализу проблем и угроз в системе российского образования в комплексном аспекте. На основе тенденций образовательных реформ и их реального воздействия на субъектов, социальные практики и коммуникации образовательного процесса в его различных звеньях и уровнях авторы делают вывод о детерминированном и взаимосвязанном характере кризисных и разрушительных явлений в российской системе образования. В своей совокупности эти явления могут быть квалифицированы как латентно разворачивающаяся катастрофа в важнейшей социальной подсистеме общества. Предпосылками, которой служат вполне конкретные управленческие действия на протяжении последних трёх десятилетий. При сохранении избранного вектора реформирования неизбежны разрушительные последствия в масштабах российского общества в целом. Статья является первой частью более обширной работы.

Российское образование, реформы, управление, социальная катастрофа.

RUSSIAN EDUCATION IS THE TERRITORY OF A CONTROLLED DISASTER: KEY TERMS AND PROBLEM STATEMENT

A.E. Larionov, Ph. D., associate Professor of of the Department of Humanitarian and Social Disciplines,
A. V. Novichkov, Ph. D., associate Professor of of the Department of Humanitarian and Social Disciplines
 State budgetary educational institution
 of higher education of the Moscow region
 "Technological University named after twice Hero of the Soviet Union,
 pilot-cosmonaut A.A. Leonov ", Korolev, Russia

This article is devoted to the analysis of problems and threats in the Russian education system in a complex aspect. Based on the trends of educational reforms and their real impact on the subjects, social practices and communications of the educational process in its various links and levels, the authors conclude that the crisis and destructive phenomena in the Russian education system are deterministic and interrelated. In their totality, these phenomena can be qualified as a latent unfolding catastrophe in the most important social subsystem of society. The prerequisites of which are quite specific management actions over the past three decades. If the chosen vector of reform is maintained, destructive consequences are inevitable on the scale of Russian society as a whole. This article is the first part of a more extensive work.

Russian education, reforms, management, social catastrophe.

Продолжая разговор о проблемах образования в России, начатый в наших предыдущих публикациях [5, 6], хотелось бы дать общую аргументированную оценку состояния образовательного пространства в стране. Авторы вполне осознают известную провокационность названия настоящей статьи, которое предполагает априорную заданность дискурса. Вместе с тем, полемическая заострённость имеет целью формирование дискуссионного поля, где все неравнодушные к будущему страны люди могли бы совместными усилиями выработать общие подходы не только на актуальные проблемы образовательной сферы, но и стратегические установки по их решению. Опять-таки, ради будущего. Однако, прежде чем перейти к предметному анализу, представляется целесообразным разъяснить значение базовых терминов настоящей публикации, с тем, чтобы в ходе дальнейшего обсуждения читатели и авторы говорили на одном языке, вкладывая в одни и те же слова тождественные и адекватные проблеме смыслы. Таких базовых терминов два: *образовательное пространство и социальная катастрофа*.

Если само образование мы определяем как институт по воспроизводству социальности посредством кумулятивной трансляции сублимированного социального опыта, то, очевидно, термин «образовательное пространство» нуждается в уточнении и разъяснении. Мы не претендуем на лавры первопроходцев. В современной педагогической и социологической науке накоплен богатый опыт осмысления и интерпретации данного понятия. Квалифицированный обзорный анализ этих попыток представлен в содержательной монографии Р.Е. Пономарёва с идентичным названием – «Образовательное пространство». В этой же работе автор даёт и собственное определение:

«Образовательное пространство, представляет собой вид пространства, место, охватывающее человека и среду в процессе их взаимодействия, результатом которого выступает приращение индивидуальной культуры» [10]. Не опровергая предложенного определения, всё же укажем на его неполноту и некоторую расплывчатость, а потому необходимость дальнейших уточнений. Чтобы не уходить в дебри абстракций, попробуем оттолкнуться от очевидности. Субъектами образования являются люди. Питирим Сорокин говорил о социальном пространстве как пространстве людей и человеческих отношений. очевидно, что образовательное пространство суть подвид пространства социального. Следовательно, его основным признаком является наличие отношений определённого качества. Если конкретнее – то отношений по поводу той трансляции социального опыта, которая упоминалась выше в качестве важнейшего онтологического свойства образования. В таком случае, под «образовательным пространством» следует понимать **систему социальных практик и коммуникаций, подчинённых цели воспроизводства социума в историческом времени**. Представляется, что на этом целесообразно остановиться, поскольку детализация чревата уходом от проблематики настоящей статьи.

Вторым базовым понятием является «социальная катастрофа». Примечательно, что при всей частоте употребления точное значение понятия чаще всего не разъясняется. Анализ тезауруса современных гуманитарных энциклопедий даёт тому яркое подтверждение. Даже в энциклопедии «Социология» под редакцией А.А. Грицанова о социальной катастрофе не говорится ни в каком ракурсе. Только в «Новейшем философском словаре» с тем же редактором во главе мы видим достаточно объёмную статью [9]. Также некоторые попытки определения социальной катастрофы можно отыскать в текстах, размещённых на виртуальных сетевых ресурсах [13]. Как и в случае с предыдущим понятием, мы не удовольствуемся готовыми результатами чужой интеллектуальной деятельности, но попытаемся дополнить их собственными. Как можно понять из уже предложенных интерпретаций, важнейшими признаками социальной катастрофы являются, во-первых, скачкообразность; во-вторых, обширность охвата (масштабность); в-третьих, соответствующая разрушительность результатов. То есть, социальная катастрофа есть явление, безусловно, негативное, противоположное жизненным интересам и потребностям как общества в целом, так и конкретных членов – в отдельности. Разрушение можно трактовать как упрощение, утрату важнейших свойств системы, её скатывание к примитиву. В конечном итоге, это есть разновидность энтропии. Таким образом, социальную катастрофу можно определить как **скачкообразные разрушительные из-**

менения в масштабах социальной системы, ведущие к её упрощению или гибели. При этом параметр скачкообразности является переменной и зависит от заданной длины наблюдаемого социально-исторического лага. Общества являются долгоживущими системами. Следовательно, срок в 10-15 лет для них можно считать небольшим. Кроме того, в течении катастрофических процессов (независимо от того, идёт ли речь о природе, технике или социуме) можно выделять латентную и открытую стадии. Первая, как следует из обозначения, имеет скрытый характер и предшествует второй. Потому, до того момента, когда разрушение социальной системы приобретёт видимый и безусловный характер, в течение достаточно длительного времени (по меркам отдельной человеческой жизни) деструктивные тенденции развиваются исподволь, на первый взгляд изолированно, чтобы когда-то достигнуть точки резонанса и прорваться наружу с ужасающими эффектами. Для внешних наблюдателей именно этот момент и кажется катастрофой, хотя в действительности он – не более чем её завершение. Как показывает опыт изучения социальной истории, отдельные прорывы энтропии, предвестники будущего взрыва, как голоса предостережения, чаще всего игнорируются теми, кто уполномочен и способен принимать решения, важные для всей системы. Пока не станет слишком поздно и ситуация окончательно выходит из-под контроля [3, 8].

И здесь мы упираемся в важнейший для нашей статьи вопрос о том, может ли катастрофа быть управляемой? Не в смысле некоего заговора, а как последовательность рациональных управленческих действий, направленных к пред-заданному результату?! Может ли разрушение являться целью управления?! Опыт компаративного, то есть, в нашем случае, сравнительно-исторического анализа, убеждает нас, что такое вполне возможно. Примеры можно почерпнуть в новейшей истории России. Достаточно вспомнить процедуру разгосударствления экономики после развала СССР, как она охарактеризована самими модераторами данного процесса: «А мы знали, что каждый проданный завод – это гвоздь в крышку гроба коммунизма. Дорого ли, дешево, бесплатно, с приплатой – двадцатый вопрос, двадцатый. А первый вопрос один: каждый появившийся частный собственник в России – это необратимость. Это необратимость... Приватизация в России до 97 года вообще не была экономическим процессом. Она решала совершенно другого масштаба задачи, что мало кто понимал тогда, а уж тем более на Западе. Она решала главную задачу – остановить коммунизм» [15]. Если соотнести данное, способное эпатировать неискущённого читателя, высказывание, с известными событиями недавней экономической истории России того же периода, то становится понятным, что управление и реформирование вполне может преследовать цели не улучшения параметров исходной системы, но её полный демонтаж, даже разрушение. Причём, возможные социальные издержки, человеческие страдания и негативные последствия в масштабах социума такими «реформаторами-терминаторами» могут вообще не приниматься во внимание.

Не менее примечательно, что на протяжении последних 15-20 лет из уст идеологов и практиков разрушительных «реформ» можно услышать уничтожающие инвективы в адрес отечественного образования. Широко известна и никем не опровергнута цитата из выступления А.А. Фурсенко в бытность его Министром образования и науки России на молодёжном форуме Селигер-2007: «Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других» [14].

Достаточно показательны, хотя и более взвешены, цитаты другого экс-министра образования – Дмитрия Ливанова: «Готовить надо не разработчиков технологий, а специалистов, которые могут адаптировать заимствованные технологии. Студентов надо учить современным технологиям, а не тем, что используются в России... Современная школьная программа лучше советской... Сокращение числа школ в российских городах не влияет на качество образования» [7].

Не менее известны высказывания руководителя Сбербанка, идеолога радикальной вестернизации и цифровизации страны Г.О. Грефа: «Мы пытаемся воспроизводить старую советскую абсолютно негодную систему образования, мы напихиваем в детей огромное количество знаний... Одна из моих личных целей – убить экзамены...» [1]

Как видно даже из приведённого краткого перечня цитат видных деятелей государственного управления и высших чиновников от образования (хотя, заметим мимоходом, что достаточно странно видеть, как банкир, не имеющий прямого отношения к образованию и никогда в нём не работавший, берёт на себя смелость выступать с программными заявлениями, делая это в характерной безапелляционно-менторской манере), в высших властных кругах Российской Федерации существуют и поддерживаются, во-первых определённый круг людей с родственными идеями, во-вторых, сами эти идеи. Основной скрытый смысл этих идей: убеждение в необходимости разрушить остатки традиционной академической системы образования в стране под предлогом её непригодности к требованиям времени. Причём, пафос разрушения и отрицания очевидно доминирует. При очень слабой, если не сказать – отсутствующей доказательственной базе. Аргументов либо не приводится вовсе, либо они отличаются столь же поверхностным и некомпетентным характером. Складывается впечатление, что основным аргументом оказывается административный ресурс и заемный (внешне приобретённый) социальный статус выступающих.

Показательным является и момент молчания вышестоящих инстанций в лице Президента РФ и Председателя Правительства РФ. Коль скоро ни один, ни второй, ни разу не одёрнули своих подчинённых, можно сделать вывод об их молчаливой солидарности с программами реформирования образования, в основе которых лежит идея нигилистической критики и абсолютного разрушения отечественной системы образования без целостного плана и внятной цели самого реформирования. Утверждения о необходимости перемен не фундированы сколько-нибудь внятными аксиологическим и телеологическим моментами.

Таким образом, на протяжении последних двух десятилетий правомерно говорить о существовании крайне негативного отношения к принципам и традициям отечественной системы школьного и вузовского образования в высшей управленческой элите России. Данная матрица воспроизводится, и не имеем достойных конкурентов во власти. И далее закономерно встаёт вопрос: могут ли данные настроения проецироваться в конкретные управленческие действия и прикладные правовые нормы, которые проникнуты именно пафосом разрушения без равновеликого созидательного импульса в отношении образования?! В наших предыдущих публикациях мы уже касались вопросов концептуальной нищеты в реформировании российского образования, крайней слабости фундаментальных понятий, которыми наводнены руководящие документы, на основе которых строится как управление образованием, так и его повседневная деятельность. Повторять ранее сделанные выводы, на наш взгляд, необходимости нет. Потому рассмотрим важнейшие перемены в образовании, произошедшие за постсоветский период как акты символической коммуникации, задающие ценности, нормы и социальные практики образовательного пространства даже помимо тех его субъектов, кто генерирует ключевые импульсы и векторы реформирования.

В промежуток между 1991 и 2000 годами произошли два важнейших изменения, ставших символами новой эпохи в отечественном образовании (во всех его звеньях): утрата идеологического наполнения учебно-воспитательного процесса, то есть потеря аксиологической функции школ и ВУЗов, которые стали теперь учить детей и студентов непонятно для чего; вторым тектоническим сдвигом стало колоссальное падение уровня реальных доходов абсолютного большинства педагогических работников. Зарплаты, даже если они без особых перебоев выплачивались, абсолютно не покрывали даже элементарных жизненных потребностей учителей и членов их семей. Но каково символическое значение этих перемен в рамках «коммуникативного треугольника» «ОБРАЗОВАНИЕ-ГОСУДАРСТВО-ОБЩЕСТВО»? Стали ли отмеченные сдвиги предпосылками или симптомами нашего, пока что, спекулятивного конструкта – «управляемой катастрофы российского образования»? То есть, в данном случае нас интересуют два обстоятельства: степень рукотворности либо стихийности данных сдвигов, а также их реальная значимость для дальнейших путей и судеб отечественного образования. Де-идеологизация образования стала не только следствием краха «Советского проекта» и отказа от господствовавших прежде идеологических парадигм правящей элитой (активно) и обществом (пассивно). Но соответствующим законода-

тельным закреплением. В 1993 году в Конституции Российской Федерации был провозглашён фактический запрет на поиски и попытки установления общенациональной идеологии. В обновлённой редакции Конституции это положение (ст.13 п.2) оставлено без изменений [2]. Фактически, идеологией государства, общества и образования на протяжении почти трёх десятилетий является отрицание идеологии, а значит – и общезначимых универсальных смыслов и целей развития общества, образования. В Федеральном Законе об образовании ФЗ-3266-1 от 10.07.1992 г. (действовал до 2013 с поправками последующих лет) в статье 2 «Принципы государственной политики в области образования» можем прочесть, что государственная политика в области образования строится на следующих принципах:

- «1) гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье;
- 2) единство федерального культурного и образовательного пространства. Защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства;
- 3) общедоступность образования, адаптивность системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся, воспитанников;
- 4) светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях;
- 5) свобода и плюрализм в образовании;
- б) демократический, государственно-общественный характер управления образованием. Автономность образовательных учреждений» [4].

В приведённых положениях говорится «свободе и плюрализме» без внятного разъяснения, равно о «приоритете общечеловеческих ценностей», которые стоят впереди любви к Родине, каковая уравнена с любовью к природе.

В пришедшем на смену Федеральном Законе №273 можно обнаружить аналогичные размытые формулировки. Наблюдается тенденция отказа государства от чётких формул, которые бы налагали на него ответственность.

Таким образом, на уровне Основного закона страны и базирующихся на нём отраслевых законодательных актов образование, однажды утратив высший смысл своего бытия и функционирования, так до сих пор его и не обрело. Если мы будем анализировать любые нормативные акты 1992-2020 гг., то ни в одном из них не сумеем отыскать сколько-нибудь внятных формулировок и обоснования того, ради чего вовлечены в процесс учебной коммуникации миллионы учащихся и педагогов, инспекторов и экспертов, чиновников до уровня федеральных министров включительно. Огромные корабль российского образования движется словно бы «в никуда», а команда и пассажиры, не знают, зачем и ради чего они здесь оказались. То есть государство, а равно и общество не могут или не хотят внятно выразить, чего они ждут от образования, какой продукт в лице выученных чему-то граждан должен получиться на выходе и ради каких высших целей. Метафора корабля без цели и курса блуждающего в океане уже способна вызвать вполне катастрофические аллюзии и ожидания. Итак, главным итогом де-идеологизации образования в начале 1990-х годов стало возникновение **ценностного вакуума** в системе образования при сохранении (до определённого времени) старых (т.е. советских) форм и принципов организации учебного процесса. Но вот воспитательная функция образования рухнула практически в одночасье – именно по причине упразднения ценностного и смыслового наполнения образования. В реалиях криминальной приватизации, развала экономики, стремительной перестройки политической системы с отчётливо прослеживающимся прозападным сервиллизмом, смены парадигмы «дружбы народов» на национальные конфликты, обесцениванием честного труда прославлением аферистов и криминального бизнеса призывы к трудолюбию, целомудрию и семейственности, бескорыстию в общественных отношениях превращались в издевательство над самими собой и могли послужить только углубле-

нию дискредитации статуса образования. На первый взгляд, эти инверсионные переходы были обусловлены объективными процессами на постсоветском пространстве. Однако, не будем забывать, что тексты Конституции и Федеральных Законов составляли вполне конкретные люди, облечённые властью, обладающие интеллектом и свободой воли, следовательно, осознающие свои действия и способные нести за них ответственность. И если эти действия в виде законов были рукотворны и управляемы, следовательно, первые разрушительные сдвиги в сфере российского образования также могут быть с полным на то основанием признаны управляемыми.

То же самое можно сказать о нищенском уровне зарплат учителей и преподавателей ВУЗов: если государство мирится с таким положением и не предпринимает системных последовательных мер к его исправлению, следовательно, руководителей страны в целом и системы образования – в частности, материально, а значит – и социально униженный статус учителей либо устраивает, либо до него нет дела. Кстати, в условиях превознесения культа богатства в постсоветской России низкий уровень доходов служил прекрасным обоснованием низкого социального статуса. В данном случае непринятие мер по финансовому обеспечению деятельности детских садов, школ, ПТУ, ВУЗов можно считать определённым символическим действием творцов государственной политики – то есть частью мер по управлению образованием.

Итак, в течение 1990-х годов сложились два основных символических момента, длящихся во времени: разрушение ценностных оснований образования и отчётливое пренебрежение со стороны государства. В последнем моменте был и определённый плюс, который будет осознан позднее – систему образования не трогали. Правящий класс был увлечён дележом советского экономического наследия. Однако девиз «о вымирающих 30 миллионах» распространялся на всё общество, значит, касался и образования, которое в принципе не могло и не может существовать всецело на законах мифологии «свободного рынка». Именно инициированными государством переменами были запущены процессы множественных деформаций образовательного пространства России с полным пренебрежением к мнениям и интересам тех, кто является непосредственными субъектами учебно-воспитательного процесса. Как мы увидим в дальнейшем, данная модель взаимодействия власти с подвластной социальной средой (без необходимости в обратной связи) окажется укоренённой в государственной управленческой практике и станет важным опытом реформирования образования.

Добровольный уход в отставку с поста Президента России Б.Н. Ельцина и смена его на этом посту молодым энергичным В.В. Путиным странным образом совпали с проявлением пристального внимания государства к состоянию дел в отечественном образовании и, соответственно, с началом его радикального реформирования по целому ряду направлений. Для объективности скажем, что в этом повышенном внимании были и свои положительные стороны. Так, только за период 2000-2006 гг. консолидированные расходы на образование в России выросли почти пятикратно: с 214 млрд. рублей до 1,03 трлн. рублей [11]. Но тогда же, то есть в начале 2000-х годов начались тектонические сдвиги в структуре и организации образования на всех его уровнях, которые можно оценить далеко не столь положительно с точки зрения долгосрочных последствий для самой системы, положения её участников и страны в целом. Назовём основные нововведения, после чего попытаемся комплексно проанализировать их влияние на сущность образовательных процессов в нашей стране.

В 2001 году начинается постепенный переход выпускных и вступительных испытаний на систему единого государственного экзамена – ЕГЭ;

В 2003 году Россия официально присоединилась к Болонскому процессу, взяв на себя обязательство, привести национальную систему образования в соответствие с европейскими стандартами;

В 2004 году создано новое контрольное ведомство в сфере образования с очень широкими полномочиями – Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, более известная как Рособрнадзор.

Как видим признаки резкого повышения внимания государства к образованию налицо. Основными векторами инициированных изменений стали экспоненциальное повышение административного контроля за деятельностью образовательных организаций при соответствующем реальном снижении их автономии и общее резкое падение национального суверенитета российского образования по причине директивного «втискивания» в рамки Болонского процесса. Каково было символическое значение этих «первых ласточек» начавшихся перемен? Система ЕГЭ формально создавалась для снижения уровня коррупционности в образовании и превращения поступления в ВУЗы в объективный и справедливый процесс. Сразу скажем, что полностью эти благие намерения до настоящего времени реализовать не удалось. Коррупция и злоупотребления просто видоизменились и переместились на иной уровень. Кроме того, подготовка, непрерывное совершенствование и проведение ЕГЭ требуют весьма значительных средств. То есть стали ещё одной статьёй бюджетных расходов. Однако главное последствие осталось почти без внимания даже наиболее непримиримых критиков новой системы итоговых экзаменов: это мощнейший удар по реальному статусу и престижу всех педагогов в стране, которые априори и по умолчанию оказались причислены к числу взяточников и им было продемонстрировано тотальное недоверие со стороны государства. Скрытый посыл обществу данного символического акта можно прочесть как авторитетное утверждение/ предупреждение о том, что все поголовно учителя и преподаватели ВУЗов суть некомпетентные взяточники. Учителя лишились права контролировать результаты учёбы детей на самом важном этапе. Сама же система итогового контроля оказалась до крайней степени обезличена. То есть, дегуманизирована. Обязанности учителей стали приобретать в большей степени формальный характер. Итогом всех пертурбаций, связанных с введением ЕГЭ становится глубокая дисфункция образовательной коммуникации в рамках учреждений образования – для детей становится приоритетным не овладение комплексом знаний, а успешная сдача ЕГЭ, тогда как для педагогов на первое место выходит задача не научения, а «натаскивания» своих учеников, особенно тех, кто выбрал предметы, преподаваемые данным учителем. Тогда как остальными учениками можно в старших классах незаметно пренебречь. Равно как ученики получили негласное право пренебрежения предметами, по которым не надо сдавать экзамен. Произошло обоюдное убийство мотивации взаимодействия учителей и учеников. Но и это не всё! Вводя ЕГЭ, государство как бы сказало подрастающему поколению, что стране не нужны разносторонне развитые люди, а само стремление и напряжение по интеллектуальному самосовершенствованию отнюдь не приоритетно. Сдать ЕГЭ важнее! Напомним, что ещё раньше, для школьников стало необязательным заботиться о своём духовно-нравственном развитии (с упразднением целесообразности воспитания школьников).

Создание Рособнадзора формально имело сугубо благие цели: пресечение нарушений законодательства, законных интересов и прав всех участников образовательного процесса, недопущение коррупции и т.п. До известной степени поставленные цели были достигнуты, особенно в части регулирования отношения государства с негосударственными образовательными организациями, деятельность которых часто не вписывалась не только в рамки законов об образовании, но и нарушала уголовное законодательство. Однако, главным следствием создания новой структуры федерального уровня со сквозными контрольно-надзорными и вытекающими из них карательными (вплоть до закрытия образовательных учреждений) функциями становится экспоненциально растущая бюрократизация образования. Школы и ВУЗы накрыл вал отчётности и постоянного обновления административной и методической документации, внешние, сугубо формальные показатели, по которой стали ключевым критерия эффективности их деятельности. Ресурс рабочего времени резко сменил вектор приоритета в распределении. Главным стало не учить детей, а красиво отчитаться о процессе, что закономерно породило имитацию как важнейшую его составляющую. Сугубо производная и по определению вторичная деятельность становится определяющей для системы образования, её акторов в целом. То есть возникла системная дисфункция, приведшая к не менее системным патологиям не только функционального, но и субстанционального свойства.

К настоящему моменту следует констатировать появление целой генерации администраторов всех уровней и даже практически работающих педагогов, которые искренне убеждены в том, что именно формальная отчётность есть главная задача образовательного учреждения. Самоочевидно, что в такой искажённой перспективе само присутствие детей/студентов и их реальное обучение становятся лишь придатками для бесперебойного производства контрольных таблиц и фотоотчётов.

Третье стратегическое новшество в виде присоединения России к Болонскому процессу в длительной перспективе лишило российского образования суверенитета и возможности самостоятельно определять приоритеты, ценности и практическое содержания развития в интересах страны и народа. Бюрократический контроль стал мощнейшим средством насильственной перестройки российского высшего образования в соответствии с западноевропейскими лекалами, превращёнными в настоящую инвариантную идеологию. При этом произошёл парадокс, практически никем не замеченный, но тотально дискредитирующий смысл реформ: в Европе Болонский процесс был тесно сопряжён с автономией университетов. В России же в силу его изначально директивно-бюрократического характера насаждения «сверху» и регламентационной деятельности Рособнадзора он превратился в орудие уничтожения даже той куцей самостоятельности ВУЗов, которая ещё рудиментарной присутствовала. Сам же переход на Болонскую систему двухступенчатого высшего образования («бакалавриат-магистратура») в качестве важнейшего практического следствия имел резкое сокращение реального учебного времени по большинству программ подготовки. То есть, фактическим следствием «реформ» в Болонском духе стала примитивизация уровня подготовки будущих выпускников высших учебных заведений. Например, если по дореформенным, ещё советским стандартам средний объём часов на математику в технических ВУЗах колебался в пределах 380-420 аудиторной работы, то современные стандарты и программы нередко сокращают его до 212 академических часов аудиторных занятий [12]!

Таким образом, из рассмотренных фактов с очевидностью вытекает, что негативные процессы, ведущие к деградации отечественного образования и его фактическому разрушению, стали сугубо рукотворными и инициированными государством, вполне конкретными его представителями высшего звена государственного управления: Президентом, Председателем Правительства Российской Федерации, плеядой министров образования, некоторыми ключевыми фигурами в статусе «священных коров» идеологов реформ. Рациональный и свободно-волевой характер разрушительных преобразований с катастрофическими последствиями имеет именно управляемый характер. Образование, а значит и будущее страны разрушают те, кто по статусу призван их оберегать. В наших дальнейших публикациях мы более детально и последовательно разовьём проблематику развёртывания управляемой катастрофы в российском образовании.

Литература

1. Закон РФ от 10.07.1992 №3266-1 (ред. от 12.11.2012) «Об образовании» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ Дата обращения 30.09.2020.
2. Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М.: URSS, 2015.
3. Конституция Российской Федерации // <http://duma.gov.ru/news/48953/> Дата обращения 30.09.2020.
4. Ларионов А.Э., Новичков А.В. Концептуальная нищета российского образования // Социально-гуманитарные технологии. №3/2019 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41335562> Дата обращения 26.08.2020;
5. Ларионов А.Э., Новичков А.В. Понятия-симулякры в российском образовании // Социально-гуманитарные технологии. №4/2019 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41763274> Дата обращения 26.08.2020.
6. Лучшие высказывания бывшего министра образования Ливанова // <https://ura.news/news/1052258956> Дата обращения 01.10.2020.

7. Макарец В.М. Война за справедливость, или мобилизационные основы социальной системы России // М.: Алгоритм, 2016
8. Миненков Г.Я. Социальная катастрофа // Новейший философский словарь // Минск: Издательство В.Н. Скакун. 2001.
9. Пономарёв Р.Е. Образовательное пространство: Монография // М.: МАКС Пресс. 2014.
10. Российское образование в поисках ответа на новые вызовы // <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0375/tema07.php> Дата обращения 29.09.2020.
11. Рыбников К.А., Рыбников К.К. Войны за просвещение. Математическое образование в СССР и России и Болонский процесс // М.: «Гелиос-АРВ», 2012.
12. Социальная катастрофа и пути выхода // <https://www.in.ast.social/410-sotsialnaya-katastrofa-i-puti-vykhoda.html> Дата обращения 30.09.2020.
13. Фурсенко-Ливанов: братья по разуму // <https://obrazovanie-ru.livejournal.com/261276.html> Дата обращения 01.10.2020.
14. Чубайс А.Б. Приватизация...не была экономическим процессом...// <https://topwar.ru/19976-a.chubays-privatizaciya-voobsche-ne-byla-ekonomicheskim-processom.-ona-reshala-glavnuyu-zadachu-ostanovit-kommunizm.html> Дата обращения 10.09.2020.
15. Греф предлагает радикально изменить модель образования в России // <https://tass.ru/obschestvo/2588841>; <https://www.kp.ru/daily/27025/4088202/> Дата обращения 01.10.2020.